

СОМЕРСЕТ МОГАМ

СОМЕРСЕТ
МОГАМ

КИТТИ
РОМАН

19—МЫСЛЬ—27

КИТТИ

COMERCET MOGAM
SOMERSET MAUGHAM

К И Т Т И (THE PAINTED VEIL)

Перевод с английского
Г. КАРТАШЕВА

Издательство „МЫСЛЬ“
ЛЕНИНГРАД

Обложка работы
художника
Г. П. ФИТИНГОФА.

1.

Она вскрикнула от ужаса.

— Что случилось? — спросил он.

Несмотря на полумрак затемненной закрытыми ставнями комнаты, он видел, что ее лицо вдруг исказилось от ужаса.

— Кто-то сейчас пытался отворить дверь.

— Может быть, это ама ¹⁾, или один из слуг — китайцев.

— В это время они никогда не входят; они знают, что я всегда после завтрака сплю.

— Кто же это мог быть?

— Вальтер, — прошептала она дрожащими губами.

Она указала на его башмаки. Он старался их надеть, но нервность, вызванная ее тревогой, лишала его обычной ловкости; кроме того, они были узковаты. С легким возгласом нетерпения она сунула ему башмачный рожек. Накинув на плечи кимоно, босая, она подошла к туалету. Она пригладила гребенкой свои растрепанные волосы, прежде чем он успел зашнуровать второй ботинок.

Она подала ему куртку.

¹⁾ Китайская служанка.

— Как мне выйти отсюда?

— Лучше подожди немного. Я выгляну и посмотрю, все ли благополучно.

— Это не мог быть Вальтер. До пяти часов он никогда не уходит из лаборатории.

— Тогда кто же это был?

Теперь они говорили шепотом. Она дрожала от страха. Он всегда предполагал, что в критическую минуту она непременно растеряется, и вдруг обозлился на нее. Если это было неосторожно, то какого чорта она его уверяла, что никакой опасности нет. Она, тяжело дыша, схватила его за руку. Он посмотрел по направлению ее взгляда. Стояли они лицом к окнам, выходящим на веранду. Окна были закрыты ставнями, а ставни заперты на засов. Они увидели, что белая фарфоровая дверная ручка медленно поворачивается. Шагов на веранде они не слышали. Было очень страшно смотреть на это бесшумное движение. Прошла минута, полная тишина не нарушалась ни одним звуком.

Затем, как-будто действием какой-то ужасной, сверхъестественной силы, белая фарфоровая ручка другого окна тихо, бесшумно, устрашающе зашевелилась.

Это было так страшно, что нервы Китти не выдержали, и она едва не закричала; он быстро закрыл ей рот своей рукой и тем заглушил готовый вырваться у нее крик ужаса.

Ничего не слышно, кругом тишина. Колени ее дрожали, она оперлась на него, и ему казалось, что она сейчас упадет в обморок.

Нахмурившись, стиснув зубы, он отнес ее к кровати и посадил там. Она была бледна, как полотно, и сквозь загар его щек видно было, что и он побледнел. Он стоял около нее и не отрывал испуганного взора от фарфоровой ручки окна.

Они не говорили ни слова, и он видел, что она плачет.

— Ради бога, перестань, — раздраженно прошептал он. — Если мы попались, ну, так попались; придется выкручиваться как-нибудь.

Она стала искать свой платок, и он, угадав ее желание, протянул ей ее мешочек.

— Где твоя шляпа?

— Я оставил ее внизу.

— О, господи!

— Полно! Надо взять себя в руки. Сто шансов против одного, что это не был Вальтер. Зачем ему в это время приходить домой? Он ведь никогда не возвращается среди дня.

— Никогда.

— Пари держу на что угодно, что это была ама.

Она слегка улыбнулась. Его звучный, ласкающий голос успокоительно действовал на нее, и она взяла его руку и нежно пожала ее. Он подождал немного, чтобы дать ей время притти в себя и сказал:

— Послушай, не можем же мы вечно здесь сидеть. В силах ли ты теперь выйти на веранду и посмотреть, что там делается?

— Боюсь, что не смогу устоять на ногах.

— Есть у тебя тут, под рукой, хоть немного виски?

Она отрицательно покачала головой.

Лицо его омрачилось, его разбирало нетерпение; он собственно не знал, что делать. Вдруг она судорожно сжала его руку.

— А если он нас ждет?

Он принужденно улыбнулся, и голос его сохранил нежный, убедительный тон, который, как он отлично знал, так сильно на нее действовал.

— Это невероятно. Будь храбрее, Китти. Как это мог быть твой муж! Если бы он, придя домой,

увидел в прихожей чужую шляпу, а, поднявшись наверх, нашел дверь твоей комнаты запертой изнутри, он, конечно, поднял бы шум. Это был, без всякого сомнения, кто-нибудь из слуг. Только китаец способен шевелить ручку дверей таким образом.

Она стала приходить немного в себя.

— Не очень приятно, если даже это была только ама.

— С ней легко справиться; если понадобится, ее можно пугнуть. Положение правительственного чиновника не много дает человеку преимуществ, но отчего, при случае, не извлечь из него возможной пользы?

Конечно, он прав. Она встала и протянула ему руку, он обнял ее и поцеловал в губы. Это было блаженство — почти мука. Она его любила до умопомрачения. Он выпустил ее из объятий, и она подошла к окну. Она отодвинула засов и, приотворив ставень, выглянула в окно. Не было ни души. Она выскользнула на веранду, заглянула в уборную мужа, в свою гостиную. Везде было пусто. Она вернулась в спальню и поманила его к себе.

— Нет никого.

— Я начинаю думать, что все это был только обман зрения.

— Не смейся. Я страшно перепугалась. Пойди ко мне в гостиную и посиди там. Я только надену чулки и какие-нибудь башмаки.

2.

Он исполнил ее желание, и минут через пять она к нему пришла. Он курил папиросу.

— Могу я выпить виски с содой?

— Хорошо, я позвоню.

— Я думаю, что и тебе бы полезно капельку выпить.

Они в молчании ждали, пока слуга явился, и она распорядилась принести напитки.

— Позвони в лабораторию и спроси, там ли Вальтер, — сказала она. — Твой голос не узнают.

Он снял трубку и, вызвав требуемый номер, спросил, там ли находится доктор Фэйн. Он повесил трубку.

— После завтрака он туда не возвращался, — сказал он ей, — спроси у слуги, приходил ли он домой.

— Я не смею. Будет очень странно, если окажется, что он был, а я его не видала.

Китаец принес питье, и Таунсэнд налил себе стакан. Он предложил и ей выпить, но она отказалась.

— Что мы будем делать, если это был Вальтер? — спросила она.

— Может быть, он отнесется к этому равнодушно.

— Равнодушно, Вальтер?

В тоне ее слышалось недоверие.

— Я всегда считал его очень застенчивым человеком. Есть люди, которые не могут терпеть сцен. Он достаточно умен, чтобы понять, что скандал ему пользы не принесет. Я ни на минуту не допускаю возможности, чтобы это был Вальтер, но даже, если это был он, я уверен, что он сделает вид, будто ничего не знает.

На минуту она задумалась.

— Он страшно в меня влюблен.

— Отлично, тем лучше для нас. Тебе легче его обойти.

Он улыбнулся ей той очаровательной улыбкой, перед которой она никогда не могла устоять. Улыбка зарождалась в ясных, голубых глазах и медленно спускалась к углам красиво очерченного

рта. У него были небольшие, ровные, белые зубы. Это была чувственная улыбка, от которой сердце таяло у нее в груди.

— Мне все равно,—весело сказала она.

— Игра стоила свеч.

— Вина моя.

— Зачем ты пришел? Я была поражена, когда увидела тебя.

— Я не мог отказаться от соблазна.

— Милый, дорогой!

Она слегка нагнулась к нему, и ее темные блестящие глаза страстно впились в его глаза, губы полуоткрылись, он обнял ее. Она со вздохом восторга отдалась его объятиям.

— Ты знаешь, что ты всегда можешь надеяться на меня,—сказал он.

— Я так с тобою счастлива! Я желала бы быть в состоянии дать тебе столько же счастья, сколько даешь мне ты.

— Ты теперь успокоилась, больше не боишься?

— Вальтера я ненавижу, — ответила она.

На это он не нашел ответа и только поцеловал ее. Он взял ее руку, на которой были надеты маленькие золотые часы и посмотрел который час.

— Знаешь, что мне теперь надо делать?

— Бежать? — с улыбкой сказала она.

Он утвердительно кивнул головой. На один миг она крепче прижалась к нему, но, чувствуя, что он действительно хочет уйти, освободилась из его объятий.

— Стыдно так пренебрегать службой. Убирайся вон.

Он никогда не мог держаться от удобного случая пококетничать.

— Тебе чертовки хочется отделаться от меня, я вижу,—шутливым тоном сказал он.

— Ты знаешь, как мне тяжело расставаться с тобой.

Она проговорила эти слова вдумчивым, серьезным, убежденным тоном. Польщенный, он весело усмехнулся.

— Не терзай свою хорошенькую головку мыслями о нашем таинственном посетителе. Я уверен, что это была ама. Если случится беда, то я ручаюсь, что сумею тебя выручить.

— Очевидно, ты обладаешь большим опытом в этих делах.

Он весело и ласково улыбнулся ей.

— Нет, но, кажется, я могу похвастать тем, что на моих плечах сидит толковая голова.

3.

Она вышла на веранду проводить его; отъезжая, он помахал ей на прощанье рукой.

На веранде была полная тень. Она осталась там отдохнуть. Сердце ее было полно чувством удовлетворенной любви.

Дом, в котором они жили, был расположен на откосе горы. Ее рассеянный взгляд едва замечал красоту голубого моря, гавань, переполненную огромным количеством судов. Она могла думать только о нем, о любовнике. Как отвратительно то, что они оба не свободные люди. Его жена ей не нравилась. На минуту ее блуждающая мысль остановилась на Доротти Таунсэнд.

Ей по крайней мере тридцать восемь лет. Чарли никогда о ней не говорит. Конечно, он ее не любит, она надоела ему до смерти, но Чарли настоящий джентльмен.

Китти улыбнулась ласково-иронической улыбкой: так на него похоже, милый дурачок, он может изме-

нять жене, но никогда не позволит себе произнести хоть одно слово осуждения на ее счет. Она довольно высокого роста, выше Китти, не толстая и не худая, с густыми светло-каштановыми волосами; хорошенькой она никогда, наверно, не была, только свежесть первой молодости могла раньше делать ее привлекательной. Китти улыбнулась и слегка пожала плечами. Конечно, никто не будет отрицать, что у Доротти Таунсэнд очень приятный голос. Она удивительно хорошая мать, что Чарли всегда признавал, но Китти она не нравилась. Не нравилось ее холодное обращение. Безукоризненная вежливость, с которой она принимала гостей, приглашенных к обеду или к чаю, раздражала, так как вы чувствовали, что в сущности не представляете для нее никакого интереса. На свете ее ничто не интересовало, как казалось Китти, кроме ее детей: два мальчика учились в школе в Англии; младшего же мальчика, лет шести, она собиралась отвезти туда на будущий год. Она точно носила всегда на лице маску. Она улыбалась и приятным, любезным голосом говорила то, что как-раз надо было в этот момент сказать, и, несмотря на ее обходительное обращение, чувствовалось, что она очень от вас далека. У нее было небольшое количество близких друзей в колонии, и те были очень высокого мнения о ней.

4.

Когда Китти, после свадьбы, приехала в Чинг-Иен, ей трудно было примириться с фактом, что ее социальное положение в обществе зависит от служебного положения ее мужа. Конечно, в течение первых месяцев после ее приезда, все были очень с нею любезны, и они почти каждый вечер были

куда-нибудь приглашены. Когда они обедали в губернаторском доме, губернатор сам вел ее к столу, в качестве новобрачной; но она скоро поняла, что, как жена бактериолога, она занимала самое незначительное положение в обществе. Это было ей неприятно.

— Это очень глупо, — сказала она мужу, — ведь почти ни один из них не стоит того, чтобы на него обратили внимание дома в Англии, хоть в течение пяти минут. Мать моя и не подумала бы пригласить ни одного из них к нам на обед.

— Не огорчайся этим, — отвечал он, — это, в сущности, пустяки.

— Конечно, пустяки, это только показывает, как они глупы, но смешно, когда вспомнишь, какого сорта гости бывали у нас в доме.

— С социальной точки зрения, человек науки не существует, — улыбнулся он.

Теперь она это знала, но, когда она выходила замуж, ей это было неизвестно.

— Признаюсь, мне не очень приятно, чтобы меня вел к столу какой-нибудь агент пароходного общества, — и она смущенно улыбнулась.

Может быть, он почувствовал упрек в ее словах, несмотря на шуточный тон, которым они были сказаны, так как взял ее руку и смущенно пожал ее.

— Мне очень жаль, милая Китти, но не огорчайся.

— Ах, я и думать об этом не стану.

5.

Это не мог быть Вальтер сегодня утром. Вероятно, кто-нибудь из слуг, да, впрочем, не все ли равно?

Китайские слуги все знают и обо всем молчат.

Сердце у нее забилося сильнее, когда она вспомнила, как белая, фарфоровая ручка двери медленно, бесшумно шевелилась.

Они не должны больше никогда подвергать себя такому риску. Лучше опять встречаться в той комнате, позади лавки антиквария, где они несколько раз бывали прежде.

Кто бы ни увидел ее входящей туда, не нашел бы в этом ничего подозрительного. Там они были в безопасности.

Хозяин лавки знал, кто был Чарли, и он не настолько глуп, чтобы решиться наделать неприятностей помощнику секретаря колонии.

Наконец, не все ли равно? Важно только то, что Чарли ее любит.

Она ушла с веранды, вернулась в свою гостиную, кинулась на диван и протянула руку за папирской. Вдруг она увидела записку, лежавшую на одной из книг.

Она развернула ее. Записка была написана карандашом.

„Милая Китти.

Вот книга, которую Вы хотели иметь. Я собиралась Вам ее отослать, когда встретила Д-ра Фэйн, который обещал сам занести Вам ее по дороге, идя мимо дома.

Н“.

Она позвонила и спросила вошедшего слугу, когда и кто принес эту книгу.

— Хозяин сам принес ее, после завтрака принес,—ответил тот.

Итак, это был Вальтер. Она сразу позвонила по телефону в канцелярию колониального секретаря и вызвала Чарли. Она сообщила ему то, что сей-

час узнала. Произошла пауза, прежде чем послышался его ответ. Она спросила: — Что мне делать?

— Я теперь занят в очень важном заседании. Я не могу с вами говорить сейчас. Мой совет: сидите смирно.

Она повесила трубку. Ясно, что он был не один в комнате. Ее злило, что служба отвлекает его.

Она села к письменному столу, закрыла лицо руками и старалась припомнить и обдумать все подробности происшедшего.

Вальтер, конечно, мог просто подумать, что она спит: почему же ей было и не запереть дверь изнутри? Она старалась вспомнить, — разговаривали ли они в это время. Конечно, громко они не говорили. Но оставленная внизу шляпа? Какой сумасшедший поступок со стороны Чарли оставить шляпу в прихожей!

Бесполезно его в этом упрекать, это была очень естественная оплошность, и ничто не доказывает, что Вальтер ее заметил. Вероятно, он очень торопился и только оставил книгу и записку по дороге куда-нибудь по делам службы.

Странно только то, что после двери он попробовал открыть оба окна, одно за другим. Если бы он думал, что она спит, не похоже на него, чтобы он решился ее беспокоить. Какой безумный поступок с ее стороны!

Снова в сердце ее разлилась та сладкая боль, которую она всегда чувствовала, когда думала о Чарли. Да, игра стоила свеч. Он ей обещал заступиться за нее и, если случится худшее из того, что может случиться, тогда... Пусть Вальтер поднимает скандал, если хочет.

Она имела Чарли, все остальное ей все равно. Может быть, это и к лучшему, что он теперь все знает.

Она никогда не любила Вальтера, и с тех пор, как полюбила Чарли Таунсэнд, ласки мужа надоедали и сердили ее.

Ей хотелось совсем отделаться от него. Она не представляла себе, какие доказательства он может привести против нее. Если он будет ее обвинять, она будет отрицать свою вину, если же продолжать отрицать будет невозможно, она кинет ему в лицо всю правду, и пусть он делает, что хочет.

6.

Спустя три месяца после свадьбы она уже знала, какую ошибку сделала, выйдя за него замуж. В этом виновата была ее мать, больше чем она сама.

Миссис Гарстинг была злая, жестокая, властолюбивая, жадная и глупая женщина.

Муж ее был присяжный поверенный, она надеялась, что он сделает хорошую карьеру и, добившись места правительственного судьи, дойдет до высших ступеней по службе. Надежда ее не оправдалась. Он оказался усердным, но далеко не блестящим в своей специальности.

Потеряв всякую надежду возвысить свое социальное положение через него, она сосредоточила все свои надежды на дочерях.

Они должны сделать блестящие партии и тем вознаградить ее за все пережитые разочарования и неудачи в жизни.

Их было две: Китти и Дорис.

Дорис не обещала быть хорошенькой, у нее был слишком длинный нос и неуклюжая фигура, в лучшем случае можно было надеяться, что она выйдет замуж за хорошо обеспеченного молодого человека с приличной профессией.

Но Китти была красавица. У нее были большие, блестящие, выразительные темные глаза, каштановые с оттенком бронзы вьющиеся волосы, чудные зубы и дивный цвет лица. Черты лица были не так хороши, подбородок слишком выдавался вперед, нос, хоть и не такой длинный, как у Дорис, был немного велик. Красота ее в большой степени зависела от ее молодости, и миссис Гарстинг понимала, что Китти должна выйти замуж очень молодой, во всей прелести ранней юности. Когда она начала выезжать в свет, она была ослепительно хороша; цвет лица был ее главной красотой, но глаза ее, с длинными ресницами были такие нежные, такие лучистые, что захватывали сердце, когда в них поглядишь. Она была очаровательно весела и старалась нравиться. Миссис Гарстинг излила на нее всю привязанность, на которую она была способна. Это была грубая, расчетливая, эгоистичная любовь. Мечты ее насчет Китти были самые честолюбивые. Ее не удовлетворила бы хорошая партия для Китти, Китти должна была выйти замуж блестяще. Китти была воспитана в сознании, что она будет красавицей, и отлично знала честолюбивые мечты матери. Они вполне соответствовали ее собственным стремлениям.

Китти появилась в обществе, и миссис Гарстинг начала проявлять чудеса ловкости, чтобы добиться приглашений на балы, где Китти могла встретить подходящих молодых людей. Китти имела большой успех. Она была не только красива, но и интересна. Она приобрела сразу дюжину поклонников, влюбленных в нее, но между ними не оказалось ни одного годного, и Китти, продолжая быть очаровательной со всеми, не скомпрометировала себя ни с одним. Гостиная в Саус Кенгсинтоне наполнялась каждое воскресенье влюбленными юношами, но миссис

Гарстинг говорила, что с ее стороны больших усилий не надо, чтобы оберегать Китти от них. Китти всегда готова была кокетничать с ними, и ее забавляло возбуждать соревнование между ними, но когда они все, без исключения, делали ей предложение, она решительно и тактично отказывала каждому из них.

Первый сезон прошел, и идеальный жених не появился, второй также; но она была молода и могла себе позволить роскошь не торопиться.

Миссис Гарстинг стала говорить друзьям, что, по ее мнению, девушке не следует выходить замуж ранее двадцати одного года. Но прошли и третий и четвертый сезоны. Двое или трое из ее прежних поклонников снова сделали ей предложение, но они были бедны попрежнему; отказала она также одному отставному чиновнику, служившему в Индии, и одному командору ордена С. I. Е.,—последнему было пятьдесят три года. Китти продолжала часто танцевать на балах, и ее можно было встретить на всех светских сборищах. Она очень веселилась, но ни один жених с положением и состоянием, могущими ее удовлетворить, не представлялся. Миссис Гарстинг начала чувствовать беспокойство. Она заметила, что Китти начинает привлекать мужчин лет сорока и старше. Мать обратила ее внимание на то обстоятельство, что года через два она подурнеет и что ежегодно появляются в обществе все новые и новые молоденькие барышни. В разговоре с домашними миссис Гарстинг не церемонилась и с колкостью предостерегала дочь от опасности остаться за флагом. Китти презрительно пожимала плечами. Она считала себя очень хорошенькой; ей казалось, что она даже похорошела и к тому же, за последние четыре года, научилась элегантно одеваться; незачем торопиться, время есть. Если бы она захотела

выйти замуж, только для того, чтобы выйти замуж, то целая дюжина влюбленных юношей с радостью женятся на ней. Не может быть сомнения, что, рано или поздно, желаемый жених появится. Но миссис Гарстинг более проницательно оценивала создавшееся положение. Чувствуя в сердце злобу к дочери, которая упустила все шансы, бывшие в ее распоряжении, она понизила свои требования относительно замужества Китти. Она стала искать среди людей свободных профессий, на которых прежде смотрела с презрением; среди молодых юристов, или деловых людей с хорошим, как ей казалось, будущим.

Китти минуло двадцать пять лет, и все-таки она оставалась девицей. Миссис Гарстинг была вне себя от гнева и часто, без всякого сожаления, обрушивалась с упреками на Китти. Она ее спрашивала: как долго она еще собирается сидеть на шее у отца, который и так истратил больше, чем мог, чтобы предоставить ей все шансы успеха, которыми она не воспользовалась? Миссис Гарстинг не сознавала, что, может быть, ее собственная, слишком назойливая приветливость спугнула некоторых женихов; сыновей богатых родителей или наследников титулов она слишком откровенно заманивала к себе. Она приписывала неудачи Китти просто ее глупости.

Теперь начала выезжать в свет Дорис.

Нос у нее был слишком длинный, фигура невзрачная, танцевала она плохо.

И в первый же сезон она сделалась невестой Джоффри Деннисона. Он был единственным сыном известного хирурга, который во время войны получил титул баронета.

Джоффри унаследует титул; не очень блестяще быть медицинским баронетом, но титул все-таки

имеет цену, и, кроме того, он получит в наследство хорошие деньги.

Китти в панике вышла замуж за Вальтера Фэйн.

7.

Тогда она его знала очень мало, теперь, после почти двухлетнего замужества, ей не удалось вполне понять его. Сначала она была тронута его добротой и польщена, хотя очень удивлена той страстной любовью к ней, которую в нем встретила. Он относился к ней с чрезвычайным уважением, заботился об ее удобствах; он торопился удовлетворить малейшее ее желание. Он постоянно делал ей маленькие подарки. Когда ей случалось заболеть, никто не способен был нежнее и внимательнее ухаживать за ней. Если она просила его сделать что-нибудь для него неприятное, тягостное, казалось, что она этим оказывает ему милость. Вежлив он был всегда безукоризненно. Вставал, когда она входила в комнату, помогал ей выходить из экипажа; при случайных встречах на улице всегда приподнимал шляпу, заботливо торопился отворить ей дверь, когда она уходила из комнаты, никогда не входил к ней в спальню или в будуар, не постучав предварительно в дверь. Он обращался с ней не так, как, судя по наблюдениям Китти, обращается большинство мужей с женами, а как с почетной гостьей. Это было приятно, но немного забавно. Она бы проще себя с ним чувствовала, если бы он не был таким церемонным. Даже их супружеские сношения не сблизили их. Он был страстен, свиреп, странно-истеричен и сентиментален.

Ее смущала его чрезвычайная впечатлительность. Его сдержанность надо было приписать застенчивости или годами выработанной выдержке; которому

из этих двух качеств — она не знала. Он казался ей немного жалким и смешным, когда, удовлетворив свою страсть и держа ее в своих объятиях, он говорил ей глупые слова притворно-детским говором. Это он-то, застенчивый в разговоре, осторожный, обычно боявшийся сказать какой-нибудь пустяк и показаться смешным! Однажды он горько обиделся, когда она при этом рассмеялась и сказала ему, что он болтает страшную чушь. Она почувствовала, что руки, которые ее обнимали, вдруг разжались, он замолчал на мгновение и, выпустив ее из своих объятий, вышел вон из комнаты. Она не хотела его обижать и дня через два сказала ему:

— Милый дурачок, говори мне какие хочешь глупости, если это тебе нравится.

Он сконфуженно засмеялся. Она скоро узнала, что он, к несчастью, совершенно не способен хоть на минуту перестать критически относиться к самому себе. Самомнение его было очень велико. В обществе, на вечерах, когда все принимались петь, Вальтер никогда не мог решиться к ним присоединиться.

Он сидел, улыбаясь, чтобы показать, что ему весело и приятно, но улыбка эта была принужденная, с оттенком сарказма, и чувствовалось, что он считает дураками всех этих веселящихся людей. Во время плавания, когда они ехали в Китай, он решительно отказался костюмироваться; все остальные это сделали. Все ее удовольствие было тогда испорчено, так как она ясно видела, что он считает всю затею глупой и скучной.

У Китти был веселый характер. Она охотно болтала целый день и любила смеяться. Его молчаливость тяготила ее. У него была манера — и эта манера злила ее — совсем не отвечать, если она делала какое-нибудь пустое замечание. Положим, тут

и не требовалось ответа; но было бы приятнее, если бы он что-нибудь сказал. Например, если в дождливый день она скажет: „Сегодня не дождь, а настоящий ливень“, он мог бы ответить. „Да, льет ужасно!“ Но он молчал. Иногда ей хотелось взять его за плечи и потрясти хорошенько.

— Я сказала, что это не дождь, а ливень, — повторяла она.

— Я слышал, — отвечал он с ласковой улыбкой.

Эти слова доказывали, что он не хотел обидеть ее. Он ничего не сказал просто потому, что ему нечего было сказать.

„Если бы все люди говорили только тогда, когда могут сказать что-нибудь дельное, — с улыбкой рассуждала Китти, — род человеческий очень скоро потерял бы дар речи“.

8.

Суть в том, что он, конечно, не обладал свойством очаровывать.

Вот почему он не был общим любимцем. Пробыв недолго в Чинг-Иене, она поняла, что он популярностью там не пользуется. О его работе она имела очень смутное понятие. С нее было достаточно убеждения, что государственный бактериолог не важная птица. Повидимому он не имел желания обсуждать с нею эту сторону своей жизни. В начале супружества она хотела ему показать, что все, касающееся его, ее интересует и стала спрашивать о его работе. Он шуткой отделался от нее.

— Работа моя скучная и чисто техническая, — в другом случае сказал он. — При том отвратительно оплачивается.

О себе он говорил очень мало. Только прямыми вопросами она извлекла из него все, что знала о

его прошлом, о его рождении, воспитании, о жизни до того, как он ее встретил. Странно в нем было то, что ничто его так не раздражало, как вопросы. Когда однажды, по свойственному ей любопытству, она закидала его вопросами, с каждым из них его ответы делались все более и более краткими и отрывистыми. Ей было ясно, что он не отвечает ей не потому, что скрывает что-нибудь от нее, но исключительно по своей природной скрытности. Он был так застенчив и скромен, что ему было всегда неприятно говорить о себе. Он не умел быть откровенным.

Он очень любил читать, но читал, по мнению Китти, только скучные книги. Если он не был занят каким-нибудь ученым трактатом, то читал о Китае, или какое-нибудь историческое сочинение. Он никогда не был праздным. Он любил игры: играл в теннис и в бридж.

Она удивлялась, почему он в нее влюбился. Она не могла себе представить никого менее подходящего, чем она сама, к такому сдержанному, холодному, полному самообладания человеку, как ее муж. Однако было ясно, что любит он ее до безумия. Он готов сделать все на свете, чтобы ей угодить. Он был воском в ее руках. Думая о той стороне, с которой она одна его знала, она его слегка презирала. Она считала возможным, что его саркастическая манера — относиться с презрительной терпимостью к столь многим людям и вещам, которые ей нравились, — была только маской, скрывавшей его собственные недочеты. Вероятно, он умел, все его таким считают; но кроме тех случаев, когда он попадал в общество двух-трех людей, нравившихся ему, и был в хорошем настроении, он никогда не бывал интересным собеседником. Собственно нельзя было сказать, что она его не переносила, — просто она была к нему совершенно равнодушна.

Китти узнала Чарльза Таунсэнда только после того, как прожила несколько недель в Чинг-Иене; жену его она встречала несколько раз в разных домах. С ним она познакомилась у него же в доме, куда она с мужем была приглашена на обед.

Она приготовилась дать ему отпор, если понадобится, так как Чарльз Таунсэнд был помощником колониального секретаря, и она опасалась, что он будет относиться к ней с той любезной снисходительностью, которая чувствовалась в обращении с нею миссис Таунсэнд, несмотря на ее безукоризненные манеры. Комната, где их приняли, была очень большая. Убрана она была, как и все гостиные, виденные ею в Чинг-Иене, просто и комфортабельно. Приглашенных было много. Они приехали последние, и китайские слуги в ливреях обносили гостей, предлагая коктейли и оливки. Миссис Таунсэнд приняла их со своей обычной холодной вежливостью и, взглянув на список, указала Вальтеру, кого он поведет к столу.

К ним подошел высокий, очень красивый мужчина.

— Это мой муж, — сказала она.

— Я буду иметь удовольствие быть вашим соседом за столом, — заметил он.

Она сразу почувствовала себя хорошо, и всякое чувство неприязни к нему исчезло. Она заметила промелькнувшее в его глазах удивленное выражение, хотя глаза улыбались. Причину его удивления она прекрасно поняла, и ей стало весело.

— Я не смогу ничего есть за обедом, — сказал он. — А зная свою жену, я уверен, что обед будет чертовски вкусный.

— Почему?

— Мне должны были сказать; кто-нибудь должен был меня предупредить.

— О чем?

— Никто мне не сказал ни слова. Как я мог предполагать, что увижу такую поразительную красавицу?

— Что я могу вам на это сказать?

— Ничего, предоставьте говорить мне, и я повторю это еще и еще раз.

Китти равнодушно размышляла о том, что именно говорила миссис Таунсэнд своему мужу о ней. Он, наверное, спрашивал. Таунсэнд, разглядывая Китти своими смеющимися глазами, вдруг вспомнил свой разговор с женой.

— Какая она? — расспрашивал он жену, когда та сказала ему, что видела жену доктора Фэйна.

— Ничего, довольно хорошенькая. Тип актрисы.

— Она выступала на сцене?

— Нет, не думаю. Отец у нее доктор или адвокат, что-то в этом роде. Я думаю, нам придется пригласить их к обеду.

— С этим незачем торопиться.

Когда они сидели рядом за обедом, он рассказал Китти, что знает ее мужа давно, познакомился с ним тотчас, как приехал в колонию.

— Мы играем с ним в бридж. Это лучший, без сравнения, игрок во всем клубе.

Возвращаясь домой, она передала об этом мужу.

— Эта похвала немногого стоит.

— Как он сам играет?

— Недурно. Когда у него хорошие карты, он разыгрывает очень хорошо, а когда плохие, он теряется и плохо играет.

— Он играет так же хорошо, как ты?

— Я не льщу себя иллюзиями насчет своей игры. Я считаю, что я очень хороший второклассный

игрок. Таунсэнд воображает, что он первоклассный, но этого нет.

— Он тебе не нравится?

— Не могу сказать, чтобы он мне нравился, или не нравился. Говорят, он хорошо работает на службе и известен, как хороший спортсмен. Он не представляет интереса для меня.

Сдержанность, с которой говорил Вальтер, как всегда обозлила ее. Она не понимала, зачем надо быть таким осторожным.

Человек вам или нравится, или нет.

Чарльз Таунсэнд ей лично очень понравился. Она ожидала совсем другого. Он, вероятно, пользовался популярностью во всей колонии. Предполагалось, что секретарь колонии скоро уйдет в отставку и все надеялись, что Таунсэнд получит это место. Он играл в теннис, в поло и в гольф, держал беговых пони; всякому был готов оказать услугу. Он не признавал канцелярского формализма, не важничал. Все это ей давно о нем говорили; и Китти теперь не могла понять, почему ей было так неприятно слышать эти речи. Она предполагала, что человек, которого так хвалят, окажется напыщенным и самодовольным субъектом. С ее стороны было очень глупо так думать; ничего похожего на самодовольство в Таунсэнде не было. Она провела очень приятный вечер. Они разговаривали о лондонских театрах и разных других увеселительных местах в Лондоне, о всем том, что она хорошо знает. Они как-будто встретились в каком-нибудь хорошем лондонском салоне в Ленокс-Гардене; потом, после обеда, когда мужчины перешли в гостиную, он опять подсел к ней. Хотя он и не говорил ничего особенно забавного, она смеялась. Вероятно, это происходило от его манеры рассказывать: в его голосе, низком и приятном, были ласкающие звуки,

выражение его добрых, блестящих голубых глаз было очаровательно. Говоря с ним, вы сразу чувствовали себя хорошо, уютно. Конечно, это очень привлекательный человек.

Он был высокого роста, по крайней мере шесть футов и два дюйма, как ей казалось, и сложен великолепно; очевидно, он был хорошо тренирован, и на нем не было ни одной унции лишнего жира. Он был очень хорошо одет, самый элегантный мужчина из числа присутствующих, и хорошо носил фрак. Она любила изящных мужчин. Китти перевела взгляд на Вальтера. Ему следовало постараться быть немного элегантнее. Она разглядела запонки и жилетные пуговицы Таунсэнда; похожие видела она в магазине Картиера в Лондоне. Конечно, помимо службы, Таунсэнды имели собственные средства. Его лицо сильно загорело, но действие солнечных лучей не повлияло на здоровую, свежую окраску его щек.

Ей нравились его холеные, вьющиеся усы, которые не прикрывали сочных, красных губ. Короткие черные волосы гладко лежали на его голове, но самое красивое в его лице были его глаза под широкими, густыми бровями, глаза совсем голубые; в них светило столько игривой нежности, мягкости и доброты; всякий, кто их видел, понимал, что человек с такими голубыми глазами не способен обидеть кого бы то ни было.

Она не могла не видеть, что произвела на него впечатление. Если он даже не наговорил ей так много любезных, прелестных слов, глаза его, полные восторга, выдали бы его. Развязность, с которой он держался, была очаровательна. В ней не было заметно ни малейшего самомнения. Китти привыкла к разговорам такого рода и могла вполне оценить, как ловко, между смехом и шутками,

составляющими суть их беседы, он изредка вставлял приятные, лестные для нее слова.

При отъезде, когда они прощались, он пожал ей руку так выразительно, что не понять его она не могла.

— Я надеюсь, что мы скоро увидимся, — небрежно сказал он, но глаза его придали этим словам яркое для нее значение.

— Чинг-Иен ведь очень мал, не правда ли? — сказала она.

10.

Кто мог подумать, что через три месяца они будут в таких отношениях? Он ей потом говорил, что в первый же вечер влюбился в нее до безумия. Красивее ее он никогда никого не видал. Он вспоминал платье, которое на ней было надето (это было ее подвенечное платье), говорил, что она была похожа на прелестный ландыш. Китти знала, что он в нее влюблен, раньше чем он это ей сказал; немного испуганная она старалась держать его на расстоянии. Он был горяч, необуздан и справиться с ним ей было не легко. Она боялась, чтобы он ее не поцеловал; когда она представляла себе, как он ее обнимет, сердце у нее билось сильнее.

До сих пор она никогда не была влюблена.

Это было удивительное ощущение.

С тех пор, как она узнала, что такое любовь, она поняла, какую любовью любит ее Вальтер; в этом отношении она даже почувствовала к нему симпатию. Она начала его поддразнивать, и ее забавляла тихая улыбка, с которой он терпел ее шутки. Он был обрадован и удивлен. Скоро он сделается похожим на обыкновенного смертного,—

думала она. Теперь, когда она узнала, что такое страсть, ее развлекало играть ею, подобно тому, как музыкант, играющий на арфе, любит перебирать струны своего инструмента. Она смеялась, когда он конфузился и лицо его принимало удивленное, растерянное выражение. Когда Чарли сделался ее любовником, отношения между нею и Вальтером стали ей казаться до невероятия нелепыми. Без смеха она почти не могла на него смотреть. Он был такой важный, серьезный, сдержанный. Она была слишком счастлива, чтобы относиться недоброжелательно к нему. Если бы не он, она никогда не познакомилась бы с Чарли.

Она колебалась некоторое время, прежде чем решиться на последний окончательный шаг, не потому, чтобы она не хотела уступить его страсти, — любила она его так же сильно, как и он ее, — но ее стесняли принципы, привитые воспитанием, все строгие условности ее прежней жизни. Финал произошел неожиданно для них обоих; ни один из них его не предвидел в тот момент, и она была изумлена, что после этого она не стала чувствовать себя иною, чем до того. Она осталась той же Китти, что и прежде. Она предполагала, что в ней произойдет какая-то фантастическая перемена, — не отдавала себе отчета какая, — и что она будет чувствовать себя другим человеком. Взглянув случайно в зеркало, она была поражена, ибо увидела в нем лицо той же женщины, что смотрела в него и вчера.

— Ты очень на меня сердишься? — спросил он ее.

— Я тебя обожаю, — прошептала она.

— Не кажется ли тебе, что было безрассудно с твоей стороны потерять столько времени?

Очевидно, еще нельзя было быть уверенным, что Вальтеру все известно. Если он не знает, то лучше оставить его в неведении; а если знает, то, в конце концов, это для всех лучше. Вначале она довольствовалась, хоть ей это и не совсем нравилось, тем, что украдкой виделась с Чарли; но с течением времени страсть ее усилилась, и ее раздражали препятствия, которые мешали им всегда быть вместе, никогда не расставаться.

Сколько раз говорил он ей, что проклинает положение, принуждающее его к скрытности, проклинает узы, связывающие его, связывающие ее. Было бы чудно хорошо, если бы они оба были свободны! Никто, конечно, от этого не страдал бы. Она знала отношения между ним и его женой. То была холодная женщина, любви между ними уже многие годы не было. Их удерживала вместе только сила привычки, условности жизни и дети — конечно, дети. Чарли было легче освободиться, чем ей, потому что Вальтер любил ее. Но ведь он погружен в свою ученую работу; для мужчин всегда есть клуб; конечно, сразу это его сильно взволнует, но он успокоится. Почему бы ему вновь не жениться? Чарли говорил ей, что не понимает, как она могла принести себя в жертву и выйти замуж за Вальтера Фэйна.

С улыбкой недоумения она вспоминала, как испугалась при мысли, что Вальтер их поймал. Пугаться было нечего.

Конечно, было очень страшно видеть, как ручка двери тихо двигалась. Теперь они сознавали, что именно может Вальтер сделать в худшем случае и были на все готовы. Чарли почувствует облегчение, так же как и она, когда обстоятельства при-

нудят их сделать то, чего они, в сущности, больше всего желают.

Вальтер ведь настоящий джентльмэн, в этом она должна отдать ему справедливость; он ее любит, он поступит корректно и даст ей развод.

Вдруг ее опять захлестнула волна страха и ужаса, в ней загорелась ненависть к мужу. Если ему захочется сделать сцену—пусть делает и не удивляется, если в ответ услышит то, чего не ожидает. Она ему скажет, что никогда ни на грош не любила его и что не было ни одного дня, когда бы она не жалела, что вышла за него замуж.

Китти своими мыслями довела себя до ярости. Пусть он посмеет упрекать ее! Все, что произошло,—произошло по его собственной вине. Она счастлива, что он, наконец, знает правду. Она его ненавидит, хотела бы никогда его больше не видеть. Да, она рада, что все притворство кончилось. Пусть он оставит ее в покое. Он к ней приставал, надоедал и тем заставил выйти за него, теперь довольно! Она им объелась до тошноты.

— Объелась, — громко повторяла она, дрожа от злости. — Объелась! Объелась!

Она услышала звук автомобиля, подъезжавшего к калитке сада. Вальтер поднимался по лестнице вверх.

12.

Он вошел в комнату. Сердце у нее усиленно билось, руки дрожали. К счастью, она лежала на диване с открытой книгой в руках, как-будто читала. На пороге он остановился, и глаза их встретились. Сердце у нее упало; холод пробежал по спине, и она вздрогнула.

Его лицо было смертельно бледно, таким она его видела уже один раз, когда они сидели в парке,

и он просил ее стать его женой. Его темные глаза, неподвижные, непроницаемые, казались невероятно большими.

Он все знал.

— Ты рано вернулся, — заметила она.

Его губы так дрожали, что он едва мог говорить. Она перепугалась. Ей казалось, что он упадет в обморок.

— Нет, кажется, в обычное время.

Она не узнавала его голоса. Он старался говорить громко и непринужденно, но голос был неестественный. Ей хотелось знать, видит ли он, как она вся дрожит. Только сильным напряжением воли она удерживала готовый вырваться крик.

Он опустил глаза.

— Пойду одеваться.

Он вышел из комнаты. Она была так потрясена, что в течение нескольких минут не была в состоянии встать; наконец, с трудом поднялась на ноги. Как после тяжелой болезни ноги еле держали ее.

Опираясь на стулья и столы, она выбралась на веранду и, держась одной рукой за стенку, прошла в свою комнату.

Когда она, переодевшись, вернулась в будуар, — они только при гостях пользовались гостиной, — он стоял у стола и рассматривал картинки в „Скэтче“. Ей надо было сделать усилие, чтобы войти в комнату.

— Не спустимся ли мы в столовую? Обед готов.

— Я тебя задержала?

Ужасно было то, что губы у нее продолжали дрожать.

Когда он, наконец, заговорит?

Они на минуту молча присели. Он, наконец, что-то произнес, что-то самое обыденное, зловеще прозвучавшее в ее ушах.

— Пароход „Экспресс“ не пришел сегодня. Не задержала ли его буря? — сказал он.

— Он должен был прийти сегодня?

— Да.

Она взглянула на него и видела, что его глаза устремлены на тарелку. Он опять заговорил о каких-то пустяках, о предстоявшем теннисном состязании, и говорил долго. Голос у него вообще был приятный, с разнообразными модуляциями в тонах; теперь он звучал однообразно, в нем не было никаких оттенков.

Голос звучал неестественно, точно он говорил откуда-то очень издалека. И все время глаза его смотрели то на тарелку, то на стол, то на какую-нибудь картинку, висевшую на стене; ни разу его глаза не встретились с ее глазами. Она поняла, что ему невыносимо смотреть на нее.

— Пойдем наверх? — спросил он, когда обед кончился.

— Если хочешь.

Она встала, и он отворил дверь, чтобы пропустить ее. Когда она проходила мимо него, он опустил глаза. По приходе в будуар, он опять взялся за иллюстрированный журнал.

— Это новый „Скэтч“? Я, кажется, его не видел.

— Не знаю, не обратила внимания.

Этот журнал лежал на столе уже более двух недель, и она знала, что он его много раз рассматривал. Он сел и принялся опять за журнал. Она снова легла на диван и взяла книгу. Обыкновенно по вечерам, когда они были одни, они играли в карты или раскладывали пасьянс. Он сидел в удобной позе, в кресле и, казалось, погрузился в рассматривание картинок. Страниц он не перелистывал. Она попробовала читать, но разобрать ничего не могла.

Буквы прыгали перед глазами. Голова у нее сильно болела.

„Когда, наконец, он заговорит?“

Целый час они просидели в полном молчании. Она перестала притворяться, что читает, уронила книгу на колени и устремила взгляд в пространство. Она боялась произвести малейший звук, малейший жест. Он неподвижно сидел в той же спокойной позе, и его широко открытые неподвижные глаза были устремлены на картинку.

Его неподвижность была до странности устрашающая. Он казался Китти похожим на дикого зверя, который собирается прыгнуть на добычу.

Когда он вдруг встал, Китти вздрогнула.

Она крепко сжала руки и побледнела.

Наконец, теперь!

— Мне надо сегодня поработать, — сказал он тем же спокойным, лишенным оттенков, голосом и не глядя на нее. — Если ты ничего против не имеешь, я уйду в кабинет. Ты, конечно, будешь уже спать, к тому времени, когда я кончу.

— Я тоже устала сегодня.

— Отлично. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Он вышел из комнаты.

13.

На другой день, возможно рано, она позвонила по телефону к Таунсенду в канцелярию.

— Что такое?

— Мне надо тебя видеть.

— Мне некогда, дорогая, я занятой человек.

— Это очень важное дело, можно мне притти в канцелярию?

Ну нет, на вашем месте я бы не делал этого.

— Так приходи ко мне сам.

— Я не могу теперь уйти. Может быть, попозже увидимся. Я думаю, что мне лучше не показываться у вас, как вы думаете?

— Мне надо видеть тебя как можно скорее.

Наступила пауза, ей показалось, что их разъединили.

— Я размышлял, как лучше поступить. Что-нибудь новое случилось?

— Я не могу объяснить тебе этого по телефону.

Опять наступило молчание; наконец, он заговорил:

— Послушайте, я могу вырваться на десять минут около часу дня. Годится? Идите к Ку-Чу, и при первой возможности я туда приду.

— В лавку антиквария? — с изумлением спросила она.

— Не можем же мы встречаться в вестибюле гостиницы Чинг-Иен.

Ей послышалось, что в его голосе звучит оттенок раздражения.

— Хорошо, я приду к Ку-Чу.

14.

Она вышла из рикши на Виктория Род и поднялась по узкой крутой улице к лавке Ку-Чу. Снаружи она ненадолго задержалась, делая вид, что разглядывает разное старье, тут разложенное. Мальчик, карауливший у дверей покупателей, сразу узнал ее и улыбнулся приветливой, многозначительной улыбкой. Он сказал несколько слов по-китайски кому-то внутри дома, и сам хозяин, маленький, толстощекий человек в черном халате, вышел ей навстречу. Она вошла быстрым шагом.

— Мистер Таунсэнд еще не пришел. Идите наверх.

Она вошла в комнату позади лавки и поднялась по темной скрипучей лестнице наверх. Китаец шел сзади и отомкнул дверь в спальню. Там было душно, и воздух был пропитан острым запахом опиума. Она села на большой сундук из сандалового дерева. Через минуту на скрипучей лестнице раздались тяжелые шаги.

Таунсэнд вошел и затворил за собой дверь. Лицо его было угрюмо, но как только он ее увидел, обычная очаровательная улыбка появилась на его губах. Он ее обнял и поцеловал в губы.

— Скажи, что случилось?

— Мне сделалось легче с тех пор, как я тебя увидела, — с улыбкой сказала она.

Он сел на кровать и закурил папиросу.

— Какой плохой вид у тебя сегодня!

— Не удивительно, я не сомкнула глаз всю ночь, — ответила она.

Он внимательно на нее посмотрел. Он все еще улыбался, но слегка натянутой, притворной улыбкой. Тень беспокойства, как ей показалось, мелькнула в его глазах.

— Он знает, — сказала она.

Наступила секунда паузы, и он спросил:

— Что он сказал?

— Ничего.

— Как так? — Он бросил на нее испытующий взгляд. — Почему же ты знаешь, что он знает все?

— Все это доказывает. Выражение его глаз и то, каким тоном он разговаривал за обедом.

— Он был неприятен, нелюбезен?

— Нет, наоборот, он был безукоризненно вежлив. Но в первый раз с тех пор, как мы женаты, он меня не поцеловал на прощанье.

Она опустила глаза. Она не была уверена, что Чарли ее хорошо понимает. Обыкновенно Вальтер, обняв ее, прижимал в долгом поцелуе ее губы к своим губам и долго не выпускал ее из своих объятий.

— Как ты думаешь, почему он ничего не сказал?

— Я не знаю.

Пауза. Китти тихо сидела и с беспокойством смотрела на Таунсэнда. Его лицо опять нахмурилось, и глубокая складка залегла между его бровями. Углы рта опустились. Но вдруг он оживился, и в глазах мелькнула злобная усмешка.

— Мне интересно, скажет ли он когда-нибудь что-нибудь об этом?

Она не вполне уловила смысл его слов и потому молчала.

— Не он первый, который в таких случаях нарочно закрывает глаза. Какой ему расчет затеять ссору? Если бы он хотел сделать скандал, он бы тогда же требовал, чтобы ты впустила его в комнату. — Глаза его засверкали, и широкая улыбка появилась на губах. — В каком дурацком положении мы бы тогда очутились!

— Мне бы хотелось, чтобы ты мог видеть его лицо вчера за обедом.

— Конечно, он был взволнован. Он пережил большое потрясение... Это чертовски унижительное положение для всякого мужа. Он всегда выглядит дураком. Не думаю, чтобы Вальтер был способен вынести свои грязные семейные дела на общее обсуждение.

— Я тоже не думаю, чтобы он это сделал, — вдумчиво сказала она. — Он очень обидчивый и самолюбивый человек, я это отлично знаю.

— Тем лучше, поскольку это нас касается. Знаешь, надо поставить себя на место другого человека и представить себе, как бы ты поступил

в данном случае. В таком положении спастись от срама можно только делая вид, что ничего не знаешь. Держу пари на что угодно, что он именно так и поступит.

Чем больше Таунсенд говорил, тем веселее он делался. Голубые глаза сверкали, он сделался прежним веселым, шутливым Чарли. Он был так убежден в неоспоримости своих доводов, что эта уверенность передалась и Китти. Она немного успокоилась.

— Бог свидетель, что я не хочу его осуждать, но, в сущности, что за персона — бактериолог? Какая, подумаешь, важная птица в глазах общества! Все шансы за то, что когда Симонс выйдет в отставку, я буду назначен колониальным секретарем, и Вальтеру прямой расчет жить в ладу со мной. Ему, как и всем нам, надо думать о куске хлеба. Министерство Колоний не очень-то захочет награждать человека, который устраивает скандалы. Поверь, ему прямой расчет молчать.

Китти не совсем была уверена, что это будет так. Она знала Вальтера как в высшей степени застенчивого и скромного человека и потому верила, что страх перед скандалом может удержать его, но она не верила, чтобы материальные выгоды могли повлиять на его поступки; может быть, она не достаточно хорошо изучила его характер, но Чарли знал его еще меньше, чем она.

— Имел ли ты в виду, что он безумно в меня влюблен?

Он не отвечал, но плутовская улыбка светилась в его глазах. Она знала и любила эту улыбку.

— Ну, что такое? Я чувствую, что ты собираешься сказать что-то ужасное.

— Вот что я скажу: женщины часто воображают, что мужчины гораздо сильнее их любят, чем это есть на самом деле.

Впервые за сегодняшний день она рассмеялась: уверенность, с которой он говорил, была заразна.

— В последнее время ты мало обращала внимания на мужа. Может быть, теперь он уж не так сильно в тебя влюблен, как прежде.

— Во всяком случае я никогда не буду воображать, что ты меня любишь до безумия, — возразила она.

— Вот в этом ты ошибаешься.

Как радостно было ей слышать эти слова! Она знала, что это правда, и уверенность в силу его страсти к ней согрела ее сердце. Произнеся эти слова, он встал; подошел ближе, и сел около нее на сундук. Он обнял рукой ее талию.

— Не мучь больше свою глупую головку этими страхами, — сказал он, — уверяю тебя, что бояться нечего. Я уверен больше, чем когда-либо, он сделает вид, что ничего не знает. Такие вещи доказать очень трудно. Ты говоришь, что он тебя любит; может быть, ему всего страшнее совсем потерять тебя. Клянусь, что если бы я был твоим мужем, я бы согласился на что угодно, только не на разлуку с тобой.

Она прижалась к нему. Его прикосновение вызвало во всем ее теле нежную истому. Любовь, которую она к нему чувствовала, была почти пыткой. Последние его слова дали ей почву для размышлений: может быть, Вальтер любит ее так страстно, что готов перенести всякие унижения, чтобы хоть иногда пользоваться ее ласками. Она это понимала, подобное же чувство она питала к Чарли. Ей было лестно так думать, но вместе с тем легкое чувство презрения к человеку, который мог так рабски любить, вкралось в ее душу.

Она нежно обвила шею Чарли руками.

— Ты удивительный человек. Я дрожала, как лист, когда шла сюда, а теперь ты меня совсем успокоил.

Он приблизил к себе ее лицо и поцеловал ее в губы.

— Дорогая, любимая!

— Ты для меня такое утешение, — со вздохом сказала она.

— Перестань нервничать. Знай, что я всегда просто за тебя и не дам тебя в обиду.

Она откинула всякий страх, но на одно мгновение безрассудно пожалела, что ее мечты о совместной жизни с Чарли разбились. Теперь, когда всякая опасность миновала, она почти желала, чтобы Вальтер настаивал на разводе.

— Я всегда знала, что могу на тебя рассчитывать.

— Само собой разумеется.

— Не пора ли тебе идти завтракать!

— К чорту мой завтрак!

Он притянул ее к себе, крепко сжал в своих объятьях, и его губы искали ее губ.

— Чарли, отпусти меня!

— Никогда.

Чувствуя свою власть над ним, она рассмеялась смехом торжествующей любви.

Не выпуская ее рук из своих, он заставил ее встать на ноги и, крепко прижав к своей груди, замкнул дверь.

15.

В течение всего дня она думала о том, что говорил Чарли насчет Вальтера. В этот день они были приглашены на обед и, когда он вернулся из клуба, она одевалась. Он постучал к ней в дверь.

— Войдите.

Он не отворил дверей.

— Я иду одеваться. Скоро ты будешь готова?

— Через десять минут.

Он ничего больше не сказал и прошел к себе в комнату. Его голос звучал также неестественно, как и вчера. Она теперь вполне владела собой. Она оделась раньше, чем он, и, когда он спустился вниз, она уже сидела в автомобиле, поджидая его.

— Боюсь, что заставил тебя ждать, — сказал он.

— Эту неприятность я смогу перенести, — возразила она и сумела заставить себя улыбнуться.

По дороге она раза два заговаривала с ним, но он отвечал коротко и отрывисто. Она пожала плечами; все это начинало ее раздражать. Если он хочет дуться — пусть дуется, ей все равно. В полном молчании они доехали до места назначения. Это был большой, званый обед. Было слишком много народу и слишком много блюд за обедом. Китти, весело болтая с рядом сидящими, наблюдала за своим мужем. Его грустное лицо было слишком бледно.

— Ваш муж очень плохо выглядит. Я думал, что он хорошо переносит жару. Может быть, он переутомлен работой?

— Он всегда много работает.

— Вероятно, вы скоро уезжаете?

— Да, конечно. Я поеду, как в прошлом году, в Японию. Доктор говорит, что я должна уехать от жары, а то будет плохо.

Вальтер совсем на нее не смотрел и ни разу ей издали не улыбнулся, как делал это прежде, когда они обедали в обществе. Она заметила, что, садясь в автомобиль, он избегал ее взгляда; так же поступил он, когда они подъехали, и он с присущей ему вежливостью помог ей сойти. За столом, разговаривая с дамами, сидящими по обе стороны от него,

он не улыбался, но смотрел на них упорным, неподвижным взглядом. Глаза его казались огромными и очень темными на его бледном лице. Выражение лица было неподвижное, суровое.

„Какой приятный собеседник!“ с иронией подумала Китти.

Ей показалось очень забавным, что несчастные дамы стараются поддержать светский разговор с этой мрачной маской. Конечно, — он знал, в этом сомневаться было невозможно, и был взбешен. Но почему он ничего не сказал? Неужели потому, что, хотя он и сердится на нее, оскорблен ею, но так сильно ее любит, что боится, чтобы она его не бросила. Он все-таки был ее мужем, давал ей стол, квартиру и все необходимое. Пусть он не вмешивается в ее дела и предоставит ей делать, что она хочет; она будет с ним всегда мила и любезна. С другой стороны, его молчанье можно было приписать болезненной застенчивости. Чарли прав, скандала он перенести не сможет. Он избегал, насколько было возможно, случаев произносить речи публично. Он сам ей рассказал однажды, что, будучи вызван в суд в качестве свидетеля по делу, в котором он был назначен экспертом, он почти целую неделю перед этим не мог спать по ночам.

Возможно и так, что, по свойственному всем мужчинам тщеславию, Вальтер предпочитает не признавать случившегося, пока оно не сделалось известным. Или же, паче чаяния, Чарли был прав, когда предполагал, что тут действуют материальные соображения. Чарли пользуется огромной популярностью и вскоре будет колониальным секретарем. Он мог бы быть очень полезен Вальтеру, и, с другой стороны, мог бы сильно повредить ему, если бы Вальтер с ним поссорился.

Мужчины странные создания: никогда бы она не поверила, что Вальтер способен на такую низость, но как знать? Может быть, вся его важность есть только маска, под которой он скрывает подлую, мелочную натуру. Чем больше она об этом думала, тем вероятнее ей казалось, что Чарли прав. И она еще раз посмотрела на мужа, и в ее взгляде не было снисхожденья.

Как-раз в этот момент дамы, сидевшие около него, разговаривали с другими своими соседями по столу, и он был предоставлен самому себе. Очевидно, забыв всех и все, он неподвижным взглядом смотрел вперед в пространство, и глаза его были полны бесконечной грустью. Этот взгляд глубоко поразил Китти.

16.

На другой день, когда она дремала после завтрака, ее разбудил стук в дверь ее спальни.

— Кто там? — с раздражением крикнула она.

В этот час ее никто никогда не беспокоил.

— Это я.

Она узнала голос мужа и живо вскочила.

— Кажется, я тебя разбудил? — спросил он, входя.

— Конечно, да. — Ответ был произнесен тем же равнодушно холодным тоном, каким она говорила с ним последние два дня.

— Перейдем в соседнюю комнату, мне надо с тобой поговорить.

Сердце судорожно застучало в ее груди.

— Сейчас, я только накину капот.

Он вышел. Не надевая чулок, она сунула ноги в утренние туфли и накинула кимоно. Посмотрев

на себя в зеркало, она слегка наругалась, чтобы скрыть свою бледность.

Прежде чем отворить дверь, она остановилась на секунду, чтобы собраться с духом, и затем бодро, с дерзко вызывающим видом вошла в комнату.

— Как это случилось, что ты мог уйти из лаборатории в такой час. Ты ведь так редко бываешь дома среди дня?

— Прошу вас, садитесь, нам надо поговорить.

Он на нее не смотрел; говорил строгим, серьезным голосом. Она была рада исполнить его просьбу, колени ее дрожали, продолжать отвечать ему в шутливо равнодушном тоне она больше не могла. Он также сел и закурил папиросу. Взгляд его беспокойно перебегал с предмета на предмет; казалось, ему трудно решиться заговорить.

Вдруг он взглянул ей прямо в лицо. За последние дни она совершенно отвыкла видеть его глаза. Теперь его взор, устремленный на нее, безумно испугал ее, и она с трудом удержала готовый вырваться крик ужаса.

— Имеете ли вы понятие, что такое Мей-Тан-Фу? В последнее время о нем много пишут в газетах.

Она с удивлением взглянула на него и колебалась, не зная, что ответить.

— Не там ли холерная эпидемия? Мистер Арбут Нот что-то говорил об этом вчера.

— Да, там эпидемия, и такая сильная, какой не было до сих пор никогда. Там был доктор-миссионер, но он умер от холеры три дня тому назад. Там есть французская община сестер милосердия, таможенные служащие. Остальные европейцы все уехали.

Он продолжал смотреть ей прямо в лицо, и она не решалась опустить глаза. Она старалась разга-

дать выражение его лица, но беспокойство мешало ей. Как он может так упорно смотреть? Даже не моргнет.

— Сестры делают все, что возможно, и превратили детский приют в больницу. Люди мрут, как мухи. Я предложил выехать туда в качестве доктора.

— Вы?

Она вздрогнула. Первая ее мысль была, что, если он уедет, ей будет удобно видаться с Чарли. Никто мешать не будет. Но вслед затем ей стало стыдно, и она густо покраснела. Зачем он так пылливо на нее смотрит? Она отвернулась смущенная.

— Неужели вам необходимо ехать? — запинаясь, спросила она.

— Там теперь нет иностранного доктора.

— Ведь вы не доктор, а бактериолог.

— Я доктор медицины, и до того, как я посвятил себя бактериологии, я много работал в госпитале. И тем лучше, что я бактериолог, я там найду много материала для исследований.

Он говорил вызывающим, почти дерзким тоном. Взглянув на него, она с изумлением заметила в его глазах искру насмешки.

Она перестала понимать.

— Не будет ли это страшно опасно?

— Конечно, да.

Он улыбнулся насмешливой улыбкой.

Она подперла лоб рукою и задумалась.

Видно, он решил покончить с собою. То, что он хочет сделать, нельзя назвать иначе, как самоубийством. Ужасно! Она никогда не думала, что он способен на это. Этого нельзя допустить. Это слишком жестоко. Не ее вина, что она его не любит. Мысль, что она будет виновницей его смерти, была ей нестерпима. Она тихонько заплакала.

— О чем вы плачете?

Он говорил холодным голосом.

— Ведь вы же не обязаны ехать?

— Нет, я еду добровольно.

— Вальтер, прошу вас, не ездите туда. Ужасно думать — вдруг что-нибудь случится, вдруг вы умрете?

Его лицо оставалось бесстрастным, но тень улыбки мелькнула в глазах. Он не отвечал.

— Где находится этот город? — спросила она после паузы.

— Мей-Тан-Фу? Он на одном из притоков Уестерн Ривер. Мы должны подняться вверх по Уестерн Ривер, а дальше на носилках.

— Кто это — мы?

— Вы и я.

Ей показалось, что она ослышалась, и она просительно взглянула на него. Теперь он улыбался уже не одними глазами, и темные глаза в упор смотрели на нее.

— Вы надеетесь, что я с вами туда поеду?

— Я думал, что вы этого пожелаете.

Она быстро дышала, дрожь пробежала по ее телу.

— Ведь там не место женщинам. Миссионер уже несколько недель тому назад выслал оттуда жену и детей. Чиновник с женой давно здесь, я их встречала в обществе. Припоминаю теперь, как он говорил, что они откуда-то выехали из-за холеры.

— Там живут пять медицинских сестер.

Ею овладела паника.

— Ехать мне туда было бы безумием. Вы знаете, что я слаба здоровьем. Д-р Хейворд велит мне уехать из Чин-Иена, даже жара мне вредна. Ведь там тоже очень жарко, мне этого не перенести. Еще холера! Я там сойду с ума от страха. Зачем

добровольно искать неприятностей? Мне нет причины туда ехать. Я там умру.

Он продолжал молчать. В отчаянии она взглянула на него и едва не закричала. Его лицо покрылось какой-то темной бледностью, которая безумно испугала ее. В глазах светилась ненависть. Можно ли допустить мысль, что он желает ее смерти? Взволнованным голосом она продолжала говорить:

— Это нелепо. Если вы считаете себя обязанным ехать — это ваше дело. Вы не имеете права требовать, чтобы я ехала. Я ненавижу зрелище страданий и болезней. Холерная эпидемия! Я на храбрость не претендую, и на такое дело у меня ее не хватит. Я останусь здесь, пока не наступит время ехать в Японию.

— Я надеялся, что вы не захотите отпустить меня одного на такое опасное дело.

Теперь он уже откровенно издевался над ней. Она пришла в полное недоумение. Она не была уверена, что он говорит то, что действительно думает; может быть, он просто хочет запугать ее.

— Я не думаю, чтобы разумный человек решился осудить меня за то, что я отказываюсь ехать в опасное место, где мне делать нечего и где я буду совершенно бесполезна.

— Вы бы могли быть очень полезны мне, подерживая и утешая меня.

Она еще больше побледнела.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я не думаю, что нужно обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять меня.

— Вальтер! Я не поеду. Чудовищно просить меня об этом.

— В таком случае и я не еду. Я немедленно возьму назад свое прошение.

Она с изумлением посмотрела на него. То, что он сказал, было так неожиданно, что она растерялась и совсем перестала понимать смысл его слов.

— Не понимаю, что вы такое говорите? — запинаясь, произнесла она.

Сама она почувствовала, какой фальшью звучат ее слова, на его же суровом лице они вызвали усмешку презрения.

— Боюсь, что вы меня сочли большим дураком, чем я на самом деле.

Она не знала, как ей поступить: отрицать ли возмущенно свою вину, или обрушиться на него с горькими упреками? Он точно читал ее мысли.

— Я имею все нужные доказательства.

Она разразилась слезами. Слезы лились легко, не мучительно, она их даже не утирала, они давали ей время собраться с мыслями, но выдумать ничего она не могла. Он спокойно наблюдал за ней, и его хладнокровие ее пугало. Наконец, терпение его истощилось.

— Ваши слезы ничему не помогут.

Его голос, такой холодный и суровый, вызвал в ней чувство негодования, и к ней вернулось самообладание.

— Мне все равно. Я надеюсь, что вы согласитесь дать мне развод. Мужчину это не компрометирует.

— Смею спросить: зачем мне подвергать себя малейшей неприятности ради вас?

— Для вас это совершенно безразлично. Я только прошу вас сделать для меня то, в чем джентльмэн отказать не может.

— Мне слишком дорого ваше благополучие.

Она выпрямилась и вытерла глаза.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

— Таунсэнд женится на вас только тогда, если ему придется фигурировать на суде в качестве ответчика вместе с вами, и дело будет настолько скандально, что его жена волей-неволей должна будет развестись с ним.

— Вы не отдаете себе отчета, какой вздор вы говорите! — вскричала она.

— Ах вы, дура, дура!

Тон его был настолько пренебрежительный, что она вспыхнула от негодования. Прежде она слышала от него только милые, ласковые, любезные слова, и тем труднее было ей теперь переносить от него оскорбления. Она привыкла к тому, что он всегда был готов исполнить всякую ее прихоть, всякий каприз.

— Хотите знать правду? Он всей душой жаждет возможности жениться на мне. Дороти Таунсэнд согласна дать ему развод, и мы повенчаемся, как только получим свободу.

— Говорил ли он это вам буквально в таких выражениях, или это вывод из ваших собственных впечатлений о нем?

Глаза Вальтера сверкали грубой насмешкой, и Китти почувствовала легкое беспокойство. Она не была уверена, что Чарли ей это когда-либо говорил в таких выражениях.

— Он мне говорил это много, много раз.

— Это ложь, и вы знаете, что это ложь.

— Он меня любит всем сердцем, всей душой. Он любит меня так же страстно, как я его люблю. Вы нас поймали. Я ничего не отрицаю. Вот уже год, как я его любовница, и горжусь этим. Весь смысл жизни для меня сосредоточен на нем, и я рада, что вы, наконец, все знаете. Нам до тошноты надоело прятаться, притворяться и обманывать.

Большой ошибкой с моей стороны было выйти за вас, я не должна была этого делать, я поступила, как настоящая дура. Я вас никогда не любила. Мы с вами ни в чем не сходимся. Вы не любите тех, кого я люблю; то, что вас интересует, мне кажется скучным. Слава богу, это кончено.

Он слушал ее спокойно, ни один мускул его лица не дрогнул. Он выслушал ее со вниманием, и по выражению лица не было видно, чтобы ее речь произвела на него впечатление.

— Знаете ли вы, почему я согласилась стать вашей женой?

— Потому что вы хотели выйти замуж раньше вашей сестры...

Это была правда, и ей показалось забавным, что он это знает. Странно то, что, несмотря на страх и на злобу, которую она к нему чувствовала, ей стало его жалко.

Он слегка улыбнулся.

— Насчет вас я никогда иллюзий не имел. Я знал, что вы пустая, легкомысленная и глупая женщина, но я вас полюбил. Я знал, что ваши вкусы, ваши идеалы пошлы и низки, но я любил вас. И то, что другие мужья считают своим правом требовать, я принимал как милость от вас.

Таких слов Китти никогда не слыхала; всю жизнь ее хвалили, восхищались ею, всячески льстили ей. Ею овладел бешеный гнев, всякий страх был забыт, кровь застучала в висках, и злоба душила ее.

Оскорбленное тщеславие может сделать женщину столь же мстительной, как львицу, у которой отняли детенышей. Ее чудные глаза потемнели от злобы, но она не потеряла самообладания.

— Если мужчина не умеет привлечь женщину и заставить ее себя полюбить, то это его, а не ее вина.

— Очевидно.

Его насмешливый тон усилил ее раздражение. Она почувствовала, что, сохранив хладнокровие, она сможет сильнее уязвить его.

— Я, конечно, не очень образованная и развитая женщина. Я самый обыкновенный, средний человек. Я люблю то, что любят те люди, между которыми я прожила всю жизнь. Я любила танцевать, играть в теннис; люблю театры и люблю мужчин, которые хорошо играют во все игры.

Мне всегда было с вами скучно, и мне надоело то, что вас занимает. Вы меня таскали по бесконечным, картинным галереям в Венеции, когда я предпочла бы играть в гольф в Сандвиче.

— Я это знаю.

— Мне очень жаль, что я не оправдала ваших надежд. К сожалению, я всегда чувствовала к вам физическое отвращение. Едва ли вы имеете право поставить мне это в упрек.

— Я вас и не упрекаю.

Китти было бы много легче, если бы он пришел в бешенство и начал бы неистовствовать и кричать. Она бы тогда отвечала ему тем же, но его сверхчеловеческое самообладание бесило ее, и в эту минуту она возненавидела его, как никогда прежде.

— Мне кажется, что вы даже не человек. Отчего вы не волились в комнату, когда вы знали, что мы с Чарли там. Вы могли бы хоть попытаться исколотить его. Вы, верно, боялись?

Как только она произнесла эти слова, ей стало стыдно, и она покраснела. Он не отвечал, но его глаза выражали ледяное презрение, и едва заметная усмешка скользила по его губам.

— Может быть, как известное историческое лицо, я слишком горд, чтобы драться.

Китти не нашла никакого ответа и только пожала плечами.

— Кажется, я сказал все, что имел сказать. Если вы откажетесь ехать в Мей-Тан-Фу, я возьму свое прошение обратно.

— Отчего вы не хотите дать мне развод?

Он перестал, наконец, смотреть на нее, откинулся к спинке кресла и зажег папиросу.

Он докурил ее, не произнеся ни слова, и, бросив окурок, обратился к ней с легкой улыбкой.

Снова он посмотрел на нее.

— Если миссис Таунсэнд обещает мне, что она даст мужу развод и, если я получу от него письменное обещание, что не позже недели, после утверждения обоих постановлений суда, он на вас женится, я согласен исполнить вашу просьбу.

В его голосе слышался какой-то оттенок, который смутил Китти, но из самолюбия она должна была с достоинством принять его предложение.

— Это очень великодушно с вашей стороны, Вальтер.

К ее удивлению он вдруг разразился громким смехом. Она сердито вспыхнула.

— Над чем вы смеетесь? Тут ничего нет смешного.

— Извините. Вероятно, чувство юмора у меня иное, чем у вас.

— Поторопитесь, если вы хотите застать Таунсэнда в канцелярии. Если вы решите ехать со мной в Мей-Тан-Фу, то необходимо выехать послезавтра.

— Вы хотите, чтобы я ему сегодня же сказала?

— Зачем терять время?

Ее сердце забилось сильнее. Беспокойства она не чувствовала, но что-то неуловимое ее тревожило. Ей бы хотелось получить возможность отложить этот разговор, немного приготовить Чарли.

Она была вполне уверена в нем; ведь он любит ее так же сильно, как и она его. Преступно было бы даже допустить мысль, что он не примет с восторгом выход, навязанный ему обстоятельствами. С серьезным лицом она обратилась к Вальтеру.

— Я думаю, вы не знаете, что такое любовь. Вы не можете себе представить, как мы с Чарли безумно влюблены друг в друга. Для нас только это и важно. Всякая жертва, которую потребует наша любовь, будет для нас легка.

Он слегка поклонился, но ничего не сказал и проводил ее глазами, пока она мерными шагами выходила из комнаты.

18.

Она написала Чарли записочку следующего содержания: „Пожалуйста, прими меня. Дело неотложное“. Китаец-слуга вернулся и сказал ей, что мистер Таунсэнд просит ее подождать. Она сильно волновалась. Когда она вошла в кабинет, Чарли сделал несколько шагов ей навстречу и вежливо поздоровался с ней, но как только слуга вышел и затворил за собой дверь, он отбросил церемонно-вежливое обращение и сказал ей:

— Знаешь, милая, не приходи ко мне, пожалуйста, в служебное время. Я страшно занят, и к тому же нам не следует давать повод к сплетням.

Она вскинула на него свои чудные глаза и постаралась улыбнуться, но губы не складывались в улыбку.

— Я бы не пришла без крайней необходимости. Он улыбнулся и взял ее под руку.

— Хорошо, раз ты здесь, сядь и поговорим.

Кабинет, большая, довольно узкая, полупустая комната, с высоким потолком и крашеными сте-

нами, был очень неуютен. Мебели не было почти никакой: только большой письменный стол, вертящийся стул для Таунсэнда и кожаное кресло для посетителей. Китти было как-то страшно в него сесть.

Он уселся на стол. В очках она его, до сих пор, никогда не видала, она не знала, что он носит очки. Заметив ее взгляд, он их снял.

— Они мне нужны только, когда я читаю,— сказал он.

Плакать она теперь стала часто и легко; она не могла бы объяснить, почему она и теперь заплакала. Сознательно она не собиралась играть перед ним комедию, но ей инстинктивно хотелось возбудить в нем чувство симпатии к себе. Он с недоумением смотрел на нее.

— Что-нибудь неприятное случилось? Перестань плакать, дорогая.

Она вытатила носовой платок и старалась заглушить рыдания. Он позвонил и, когда слуга пришел, подойдя к двери, сказал ему:

— Если меня будут спрашивать, скажи, что меня нет.

— Хорошо, сэр.

Слуга затворил дверь. Чарли присел на ручку кресла и обнял ее плечи.

— Ну, расскажи мне все, дорогая.

— Вальтер хочет разводиться.

Китти почувствовала, что он выпрямился, и рука, лежавшая на ее плече, ослабла. Наступило минутное молчание. Таунсэнд встал и пересел на свой стул.

— Что ты собственно хочешь этим сказать?

Она с тревогой взглянула на него; его голос стал хриплым, и он густо покраснел.

— Я имела с ним разговор. Я прямо из дому пришла к тебе. Он говорит, что у него в руках все доказательства.

— Ты, конечно, себя не выдава? Ни в чем не призналась?

Сердце у нее упало.

— Нет, — ответила она.

— Ты можешь утверждать это? — спросил он и испытующе взглянул на нее.

Он откинулся назад и пристально, рассеянным взором стал разглядывать карту Китая, висевшую перед ним на стене. Она с беспокойством следила за ним. Ее слегка ошеломило, что он принял ее сообщение совсем иначе, чем она того ожидала. Она думала, что он ее обнимет и скажет, что он счастлив. Теперь их ничто не разлучит. Странные мужчины!

Она тихо заплакала, теперь уже не для того, чтобы его разжалобить; она не могла удержать слез.

— В недурную кашу мы попали, — наконец, сказал он. — Не надо терять голову. Слезы ничему не помогут.

В его голосе звучал оттенок раздражения, и она быстро осушила глаза.

— Это не моя вина, Чарли. Что я могла сделать?

— Конечно, ничего. Нам просто чортовски не повезло. Я столько же виноват, как и ты. Теперь нам остается придумать, как выпутаться из этого положения. Я думаю, что ты так же мало желаешь развода, как и я.

Она едва удержала вздох отчаяния и испытующе посмотрела на него. Повидимому, он совсем не думал о ней.

— Не могу придумать, какие собственно доказательства у него есть. Мне кажется, он даже не может доказать, что мы оба были тогда в комнате. В сущности, мы были очень осторожны. Хозяин антикварной лавки нас никогда бы не выдал. Даже если бы твой муж видел нас там, что же из того?

Пошли вместе взглянуть, не пайдется ли какой-нибудь интересной вещицы у китайца.

Он точно говорил сам с собой, не обращаясь к ней.

— Легко вводить обвинения, но чертовски трудно их доказать. Всякий юрист тебе это скажет. Наша система защиты — все отрицать, а если он будет грозить возбуждением дела, то послать его к чорту и приготовиться к борьбе.

— Я не могу выступить перед судом, Чарли.

— Почему нет? Боюсь, что тебе придется это претерпеть. Не можем же мы не защищаться.

— Зачем нам защищаться?

— Что за вопрос? Ведь это дело касается не тебя одной, ведь я тут замешан. Я все-таки думаю, что тебе бояться нечего. Мы как-нибудь уговорим твоего мужа. Меня только беспокоит, что я не могу решить, как лучше за него взяться.

Вдруг, точно у него мелькнуло новое соображение, он обратился к ней с улыбкой на лице. Тон его, до этой минуты резкий, деловой, изменился. Он заговорил любезно, вкрадчиво.

— Мне жаль, что тебе так тяжело. Такая неприятность! — Он ласково взял ее руку. — В здоровую беду мы попали, но мы вылезем из нее. Не в... — он замолчал, и Китти показалось, что он чуть не проговорился, что ему не впервые выворачиваться из подобного положения. — Главное — сохранить присутствие духа. Ты знаешь, что я никогда от тебя не отступлюсь.

— Я не боюсь. Мне все равно, что бы он ни сделал.

Он продолжал улыбаться, но улыбка была искусственная, напряженная.

— В худшем случае мне придется признаться во всем губернатору. Он меня выругает, как собаку,

но в конце концов он — хороший малый и человек общества. Он как-нибудь уладит это дело. Ему скандал был бы нежелателен.

— Чем он может помочь? — спросила Китти.

— Он может повлиять на Вальтера. Если он не сумеет подействовать на него на почве честолюбия, то он напомнит ему о чувстве долга.

Китти была в недоумении. Как ей убедить Чарли, что положение их отчаянное. Его легкомыслие сердило ее. Она жалела, что пришла к нему в канцелярию; окружающая обстановка ее стесняла. Ей было бы легче сказать ему все, лежа в его объятиях и обвив его шею руками.

— Ты Вальтера не знаешь.

— Я знаю, что нет человека, которого нельзя купить; все зависит от цены.

Она всей душой любила Чарли, но ответ его ее изумил. Такой умный человек, а какой вздор сказал!

— Ты не представляешь себе, до какой степени Вальтер взбешен. Ты бы видел его лицо, его глаза!

Он не отвечал, только легкая усмешка играла на его губах. Она угадала его мысли. Вальтер только бактериолог, занимает ничтожное положение в служебной иерархии. Он не посмеет наделать неприятностей высшим служащим колонии.

-- Не утешай себя самообманом, Чарли, — сказала она серьезно. — Если Вальтер захочет начать дело против нас в суде, ни ты и никто другой не сможет его удержать.

Он вновь сердито насупился.

— Он хочет указать на меня, как на твоего сообщника?

— Сначала он так хотел, но я уговорила его просто дать мне развод.

— Слава богу, — это не так ужасно.

Она видела, что он почувствовал облегчение и повеселел.

— Мне кажется, что это очень хороший исход. В конце концов, порядочный человек должен так поступить.

— Но он ставит условие.

Он вопросительно взглянул на нее и задумался.

— Я не очень богатый человек, но я сделаю все, что я в силах сделать.

Китти молчала. Чарли говорил вещи, которых она от него не ожидала. Это делало ее задачу еще труднее. Как сказать ему правду! Она представляла себе, что Чарли заключит ее в своих страстных объятиях и что она ему все тогда скажет, спрятав пылающее лицо на его груди.

— Он согласен дать мне развод, если твоя жена обещает ему, что разведется с тобой.

— Что еще?

— Ах! Мне страшно тяжело это говорить, Чарли, страшно тяжело! Он требует, чтобы ты дал форменное обещание жениться на мне не позже, чем через неделю после утверждения судебного решения.

19.

Он замолчал на минуту, потом взял ее руку и нежно пожал.

— Дело в том, дорогая, что нельзя ни в каком случае вмешивать Доротти в это дело.

Она с недоумением взглянула на него.

— Я не понимаю, как возможно этого избежать.

— Мы не можем думать только о себе. При других условиях я был бы бесконечно счастлив стать твоим мужем, но теперь об этом и говорить нечего.

Я знаю Доротти, ничто не заставит ее дать согласие на развод.

Тут Китти почувствовала безумный страх и снова заплакала. Он встал, опять сел рядом с нею и обнял ее за талию.

— Постарайся успокоиться, дорогая. Нам нужно сохранить хладнокровие.

— Я думала, что ты меня любишь...

— Конечно, я тебя люблю, — сказал он нежно, — в этом ты не можешь сомневаться теперь.

— Если она тебе не даст развода, Вальтер будет обвинять тебя как моего сообщника.

Он долго не отвечал. Потом заговорил сухо, недоброжелательно.

— Конечно, это погубит мою карьеру и вместе с тем не принесет тебе никакой пользы. На худой конец я скажу всю правду Доротти, она будет страшно оскорблена и несчастна, но она простит меня. Может быть, было бы всего лучше сказать ей все, и она пошла бы к твоему мужу и убедила бы его молчать и не делать скандала.

— Не означают ли твои слова, что ты и сам не желаешь, чтобы она дала тебе развод?

— Как тебе сказать? У меня есть сыновья, я должен подумать о них, и, конечно, я и ее не хочу так сильно огорчить. Мы всегда жили с нею в ладах. Она всегда была чудной женой.

— Почему же ты всегда уверял меня, что она в твоих глазах ничто?

— Никогда я этого не говорил, я только говорил, что я в нее не влюблен. Мы не спим вместе уже годами, только в виде исключения, например, в день рождества, перед ее отъездом в Англию или в день ее возвращения оттуда. Она из тех женщин, которые в этом не нуждаются. Но мы с ней всегда были большими друзьями. Признаюсь вам, что никто

не может себе представить, насколько я в ней нуждаюсь.

— Не лучше ли было бы в таком случае оставить меня в покое?

Она сама не понимала, как она могла так спокойно говорить. Ужас объял ее.

— Вы поразили меня своей красотой. Подобной вам я уже годами не встречал. Я до безумия влюбился, вы не можете меня в этом упрекать.

Но все-таки вы говорили, что я могу на вас надеяться.

— Клянусь богом, я вас не оставляю. Мы попали в страшную беду, и я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы помочь вам выбраться из нее.

— Все, кроме самого простого и желательного.

Он встал и пересел спать на свой стул.

— Милая, ты должна быть благоразумной. Будем смотреть прямо на вещи. Я не хочу оскорблять твоих чувств, но придется тебе выслушать правду. Служебная карьера очень важна для меня. Нет причины, чтобы я не дослужился и до губернаторского места, но надо пользоваться безукоризненной репутацией, чтобы быть губернатором колонии. Если разразится этот скандал, все мои шансы пропали. Мне, может быть, не придется подать в отставку, но на моей репутации навсегда останется черное пятно. Если же мне придется уйти со службы, я уеду в Китай, где у меня есть друзья, и там заведу какое-нибудь дело. Во всяком случае не в моих интересах ссориться с Доротти.

— Зачем было уверять, что тебе ничего на свете не нужно, кроме меня?

Углы его рта капризно опустнлись.

— Не следует буквально понимать то, что говорит влюбленный.

— Ты, значит, сам не верил тому, что говорил?

— В тот момент я верил.

— Что я буду делать, если Вальтер разведется со мной?

— Если мы увидим, что нам защищаться невозможно, то мы и пытаться не будем. Только не публичный скандал. Современное общество относится более терпимо к таким вещам.

Китти вспомнила свою мать и вздрогнула. Она опять взглянула на Таунсенда. К страшной душевной муке примешивалось теперь горькое и злобное чувство к нему.

— Я уверена, что тебе будет не трудно перенести всякую неприятность, от которой пострадают только я одна.

— Не будет никакого толку, если мы будем говорить друг другу дерзости.

Она испустила крик отчаяния. Ужасно так сильно любить и вместе с тем чувствовать такую злобу к нему.

Не может быть, чтобы он не сознавал, до какой степени он ей нужен.

— Чарли, ты, может быть, не знаешь, как сильно я тебя люблю?

— И я тебя люблю, но мы живем не на пустынном острове, и нам приходится подчиняться обстоятельствам. Будь благоразумна.

— Как я могу быть благоразумной? Для меня эта любовь была всем, ты наполнял всю мою жизнь. Не очень приятно сознавать, что для тебя это был только случайный эпизод.

— Это не был только эпизод. Но требовать от меня, чтобы я развелся с женой, чтобы я разбил всю свою карьеру и женился на тебе, это значит— требовать от меня слишком много.

— Не больше того, что я готова дать тебе.

Обстоятельства не совсем одинаковы.

— Разница только в том, что ты не любишь меня.

— Можно очень любить женщину и не стремиться непременно провести весь остаток жизни с нею.

Ею овладело отчаяние, горькие слезы покатились по щекам.

— Как жестоко! Какой ты бессердечный!

Она судорожно зарыдала, и он с беспокойством взглянул на дверь.

— Дорогая, возьми себя в руки.

— Ты не знаешь, как я тебя люблю, — рыдала она, — я не могу жить без тебя. Нет у тебя жалости ко мне.

Она не в состоянии была больше говорить и только отчаянно рыдала.

— Я не хочу тебя огорчать и обижать, но я должен сказать тебе правду.

— Ты разбил мою жизнь. Зачем ты смутил меня? Что я тебе сделала?

— Если тебе легче валить все, что случилось, на мою голову, то продолжай.

Тут Китти внезапно пришла в ярость.

— Вероятно, я сама навязалась тебе, преследовала тебя, пока ты не согласился сделаться моим любовником?

— Этого я не говорю, но я никогда не посмел бы ухаживать за тобой, если бы мне не было ясно, что это тебе нравится.

О, позор! Она знала, что то, что он говорит, — правда. Его лицо было угрюмо, руки беспокойно двигались, изредка он бросал на нее злобный взгляд.

— Может быть, твой муж простит тебя, — сказал он, наконец.

— Я его об этом не просила.

Он инстинктивно сжал руки, и она видела, что у него едва не вырвалось восклицание неудовольствия.

— Отчего же ты не умоляешь его пощадить и простить тебя? Если он, действительно, так сильно тебя любит, как ты это думаешь, он не может не простить.

— Как ты его мало знаешь!

20.

Она вытерла глаза и старалась успокоиться.

— Чарли, если ты меня бросишь - я умру.

Теперь она могла только надеяться на то, что он ее пожалеет. Надо было сказать ему это сразу. Когда он узнает, какой ужасный выбор ей предложен, то присущие его мужественной натуре чувства благородства и справедливости будут так возмущены, что он забудет все, кроме грозившей ей смертельной опасности. Как страстно она хотела бы найти приют в его нежных, надежных объятиях.

— Вальтер хочет, чтобы я поехала с ним в Мей-Тан-Фу.

— Это там, где теперь холера? Эпидемия такая сильная, какой не запомнят за последние пятьдесят лет. Там не место женщинам. Ты не можешь туда ехать.

— Если ты от меня отказываешься, то мне только и остается это сделать.

— Не понимаю. Что ты хочешь этим сказать?

— Вальтер едет туда заменить только-что умершего там доктора-миссионера и желает, чтобы я его сопровождала.

— Когда?

— Теперь, сейчас.

Таунсэнд отодвинул свой стул и взглянул на нее недоумевающими глазами.

— Я, может быть, очень глуп, но я ровно ничего не понимаю. Он хочет, чтобы ты с ним ехала и вместе с тем хочет разводиться?

— Он предложил мне выбор: или ехать в Мей-Тан-Фу, или разводиться.

— Понимаю! Это очень благородный поступок с его стороны.

— Благородный?

— Конечно. Он подвергает себя большой опасности. Я бы на это не решился. Он получит орден за это, когда вернется.

— Но я, Чарли, я? — в ужасе вскрикнула она.

— При теперешних обстоятельствах я не вижу возможности для тебя отказаться, если он этого желает.

— Это значит смерть. Безусловно, неизбежная смерть!

— К черту все это, ты преувеличиваешь. Он бы тебя не брал с собой, если бы опасность была так велика. Он рискует не меньше тебя. Если быть осторожным, то нет большой опасности. Я был здесь во время холеры и совсем не боялся. Главное — не есть ничего сырого, ни сырых фруктов, ни салату и пить прокипяченную воду. — Он почувствовал облегчение и бойко заговорил. Он даже почти повеселел. — Впрочем, это по его специальности. Его, кажется, интересуют клопы? Там он найдет почву для своих изысканий.

— Но я, Чарли, как же я-то? — повторяла она в полном изумлении.

— Чтобы лучше судить о человеке, надо мысленно поставить себя на его место. С его точки зрения ты себя очень дурно вела, и он хочет тебя удалить от соблазна. Я всегда думал, что он не

захочет разводиться, это на него не похоже. Он считает, что, предложив тебе ехать с ним туда, он выказал по отношению к тебе большое великодушие, а ты его сердишь отказом. Я не хочу осуждать тебя, но ради всех нас тебе следовало бы об этом подумать.

— Разве ты не можешь понять, что это меня убьет? Он и везет меня потому, что знает, что это меня убьет.

— Перестань говорить вздор. Мы попали в страшно неловкое положение, теперь не время разводить мелодрамы.

— Ты напрасно делаешь вид, будто не понимаешь меня.

Страх и мука переполнили ее сердце, ей хотелось закричать.

— Ты не пошлешь меня на верную смерть. Если в тебе нет ни любви, ни жалости ко мне, то есть же в тебе обыкновенные человеческие чувства.

— Я считаю, что ты ко мне несправедлива. Насколько я понимаю, твой муж ведет себя очень благородно. Он готов простить тебя. Ему хочется уехать отсюда, и это отличный случай удалить тебя на несколько месяцев от соблазна. Я не предполагаю, чтобы Мей-Тан-Фу был очень полезным для здоровья местожительством, — ни один китайский город этим быть не может; но в ужас приходить незачем. Всего хуже бояться: во время эпидемий столько же людей умирает просто от страха, как и от заразы.

— Я уж и теперь боюсь; когда Вальтер заговорил об этом, я чуть не упала в обморок.

— Верю, что такое предложение в первую минуту может ошеломить, но если взглянуть на него хладнокровно, — это не так страшно.

— Я надеялась, я надеялась...

Она вся дрожала от сердечной муки. Он молчал, и лицо его опять сделалось мрачным и нахмуренным; таким она его никогда не знала. Китти больше не плакала.

Тихим голосом, но твердо и спокойно, она спросила:

— Ты хочешь, чтобы я поехала туда?

— Насколько я понимаю, тебе право выбора не дано.

— Так ли это?

— В таком случае я обязан предупредить тебя, что, если твой муж начнет дело о разводе и выиграет его, я не буду иметь возможности жениться на тебе.

Ему, вероятно, показалась длинной пауза, которая прошла, прежде чем она ответила. Она медленно встала.

— Я считаю, что мой муж никогда и не собирался заводить дело о разводе.

— Зачем же ты меня до смерти напугала?

Она холодно посмотрела на него.

— Он предвидел, что ты от меня откажешься. Он угрожал мне разводом только потому, что знал, Чарли, что ты струсил. Удивительно, что он так верно распознал тебя. И как похоже на него — нарочно подвергнуть меня такому жестокому разочарованию.

Чарли молчал и, опустив глаза, пристально разглядывал лежавший перед ним на столе кусок пропускной бумаги. Он хмурился, и губы его кривились в сердитую гримасу.

— Он знал, что ты тщеславный, малодушный, эгоистичный человек. Он хотел, чтобы я в этом убедилась своими глазами. Он знал, что ты победишь, как трусливый заяц, почувывая опасность. Он знал, что я грубо ошибаюсь, воображая, что ты

любишь меня, тогда как ты способен любить только одного себя. Он знал, что ты без сожаления принесешь меня в жертву, чтобы спасти собственную шкуру.

— Если тебе доставляет удовольствие говорить мис гадости, то я должен безропотно это терпеть. Женщины несправедливы, они умеют всегда свалить вину на мужчину. Но и я мог бы выдвинуть некоторые возражения.

Не обращая на его слова внимания, она продолжала:

— Теперь и я узнала то, что он уже давно знал. Я знаю, что ты жестокий, бессердечный человек, я знаю, что ты эгоист до мозга костей и что мужества в тебе не больше, чем у кролика, я знаю, что ты лгун и хвостун. Я знаю, что ты человек, достойный презрения, и трагедия в том, — лицо се при этих словах исказилось от муки — трагедия в том, что, несмотря на все это, я всем сердцем люблю тебя.

— Китти!

Она с горечью рассмеялась. Он произнес ее имя тем нежным, ласкающим тоном, который так легко давался ему и так мало значил.

— Дурак, — сказала она.

Он вспыхнул и, оскорбленный, отодвинулся от нее. Она с усмешкой взглянула на него.

— Я вам делаюсь противна, не правда ли? Теперь мне это безразлично.

Она начала надевать перчатки.

— Что ты намерена делать? — спросил он.

— Не бойся, тебе не грозит опасность, я тебя не подведу.

— Бога ради, не говори таких вещей, Китти. Ты знаешь, что все, касающееся тебя, касается и меня. Его низкий голос дрожал от волнения. — Я буду

страшно беспокоиться, пока не буду знать, что у вас произошло. Что ты скажешь мужу?

— Я ему скажу, что готова ехать с ним в Мей-Тан-Фу.

— Может быть, когда ты выразишь согласие, он не будет на этом настаивать?

Он не понял, почему при этих словах она так странно на него посмотрела.

— Ты теперь не боишься? — спросил он ее.

— Нет, ты мне внушил мужество. Ехать в разгар холерной эпидемии — оригинальное предприятие, которое не всем дано испытать и, если мне суждено умереть, ну что ж, умру.

— Я старался быть как можно ласковее с тобой.

Она опять посмотрела на него. Слезы брызнули у нее из глаз, и сердце мучительно дрогнуло. Ей неудержимо хотелось броситься к нему на грудь, прижать свои губы к его губам.

— Зачем? Бесполезно!

— Хочешь знать правду? — сказала она, стараясь говорить спокойным голосом, — я еду со смертной тоской в сердце. Я не знаю, какие мрачные, уродливые мысли бродят в голове у Вальтера, но я вся трепещу от ужаса. Быть может, смерть была бы избавлением.

Она чувствовала, что более владеть собою не может и, быстро подойдя к дверям, вышла раньше, чем он успел двинуться с места.

— Таунсэнд облегченно вздохнул. Ему захотелось виски с содой.

21.

Вальтер был дома, когда она вернулась. Ей хотелось пройти прямо в свою комнату, но она встретила его в прихожей. Он отдавал какие-то приказа-

ния одному из слуг. Она была так несчастна, что стерпеть презрение Вальтера и унизиться перед ним было ей приятно. Она остановилась и посмотрела ему прямо в лицо.

— Я еду с вами туда, — сказала она.

— Отлично.

— Когда я должна быть готова к отъезду?

— Завтра вечером.

Чувство задора, ей самой необъяснимое, захватило ее.

Равнодушие, с которым он говорил, действовало на нее как укол копья. Неожиданно для самой себя она сказала:

— Я думаю, мне надо взять с собой только несколько летних платьев и покрывало?

Она следила за выражением его лица и заметила, что ее вызывающий тон его раздражает.

— Я уже распорядился, ама знает, что надо взять. — Она кивнула головой и ушла в свою комнату.

Она была очень бледна.

22.

Они приближались, наконец, к месту назначения.

Носильщики, которые перед тем долго шли молча, вдруг оживленно заговорили. Один из них, обернувшись, кричал ей какие-то непонятные слова и жестами старался привлечь ее внимание. Она взглянула по указываемому ей направлению. Там, на вершине холма, ее глазам представилась арка, стоящая на пути. Она знала, что это монумент в честь какого-нибудь известного ученого, или добродетельной вдовы. Много видела она таких по дороге сюда.

Холм был плотно усеян маленькими зелеными валиками, близко-близко прижатыми один к другому;

все пространство имело вид песчаного морского дна после отлива. Это было кладбище. Она это знала, потому что при входе и выходе из каждого гроба, через который они проходили, она такие видела.

Она поняла, почему носильщики указывают ей на эту арку: путешествие их окончилось.

Они прошли под аркой и носильщики немного приостановились, чтобы переложить шесть носилок с одного плеча на другой. Один из них вытер потное лицо грязной тряпкой. Дорога, извиваясь, шла под гору. По обеим сторонам стояли грязные, невзрачные домишки.

Наступала ночь.

Носильщики вдруг оживленно заговорили между собой и одним прыжком, от которого ее пошатнуло, отскочили к стене и как можно плотнее прижались к ней. Она сразу поняла причину их поспешности: в полном молчании, быстрым шагом, четыре китайца проносили мимо новый, некрашенный гроб. В быстро надвигающемся сумраке ночи свежие доски гроба поражали глаз своей белизной. У Китти от ужаса сердце учащенно забилося в груди. Гроб пронесли, но носильщики не двигались, они точно не могли решиться идти вперед. Сзади им что-то крикнули, и они пошли. Теперь они шли молча.

Через короткое время они круто свернули в открытые ворота. Опустили носилки на землю. Она приехала.

23.

Это была фанза. Она вошла в гостиную и сидела, пока носильщики, не торопясь, втаскивали одну за другой их вещи. Вальтер, стоя на дворе, расправлялся, что куда поставить. Она чувствовала себя

очень утомленной. Неожиданно за дверью раздался чужой незнакомый голос:

— Можно войти?

Она вспыхнула и сразу опять побледнела. Ей, переутомленной, изнервничавшейся, было неприятно видеть незнакомое человека. Кто-то, кого она не могла сразу различить в полутемной, низкой комнате, освещенной одной, покрытой абажуром, лампой, подошел к ней и протянул руку.

— Меня зовут Вадингтон. Я уполномоченный от правительства.

— По таможне. Я знаю, я слышала о вас.

При слабом освещении комнаты она могла только различить, что он был худой, невысокого роста, не выше ее, плешивый человек, с маленьким, гладко выбритым лицом.

— Я живу тут, у подножия холма. С той стороны, откуда вы приехали, моего дома не видно. Я полагал, что вы наверное измучены путешествием и не согласитесь обедать у меня; поэтому я здесь заказал вам обед и пригласил сам себя.

— Я очень рада.

— Повар не плохой, вы увидите. Я задержал для вас всех слуг Ватсона.

— Ватсона? Это миссионер, который здесь жил?

— Да, хороший был человек. Я покажу вам его могилу завтра, если захотите.

— Как любезно с вашей стороны, — с улыбкой сказала Китти.

В эту минуту вошел Вальтер.

Вадингтон успел познакомиться с ним раньше, чем вошел к Китти.

— Я только-что говорил вашей супруге, что буду у вас обедать. С тех пор, как Ватсон умер, мне не с кем разговаривать, кроме сестер, а по-французски я говорю плохо. Кроме того, они мало

чем интересуются, и с ними трудно найти тему для разговора.

— Я велел слуге подать нам чего-нибудь выпить, — сказал Вальтер.

Слуга принес виски и содовую воду, и Китти заметила, что Вадингтон много пил. Уже когда он вошел, Китти показалось, что он не совсем трезв. Он говорил каким-то странным голосом и слишком часто и громко посмеивался.

— Вот повезло, — сказал он и обратился к Вальтеру:

— Вам тут найдется дело. Они мрут, как мухи. Начальник города совсем растерялся, а полковнику Ю, который командует здесь войсками, не по силам справиться с своими солдатами и удержать их от грабежей. Если обстоятельства не переменятся, нас в скором времени всех перережут в наших постелях. Я старался убедить сестер уехать, но они, конечно, не согласились.

Он говорил точно шутя и все время как-то странно посмеивался. Было невозможно слушать его без улыбки.

— Почему вы не уехали?

— Видите ли, я потерял уже около половины моих служащих, а остальные каждую минуту могут слечь и умереть. Кому-нибудь надо же быть на месте и работать.

— Были ли вам сделаны прививки?

— Да. Ватсон сделал их мне и себе; но пользы вышло мало для него, бедняги. — Он обратился к Китти и его маленькое, комичное лицо сморщилось от смеха.

— Я не думаю, чтобы опасность заражения была так велика, если быть осторожным. Пейте кипяченое молоко и кипяченую воду и не ешьте сырых фруктов и овощей. Привезли ли вы с собой грамофонные пластинки?

— Кажется, нет, — сказала Китти.

— Жаль. Я надеялся, что вы привезете. Я новых давно не имел, а старые страшно надоели.

Пришел слуга и спросил, можно ли подавать обед.

— Надеюсь, вы не будете переодеваться к обеду, — сказал Вадингтон, — мой слуга умер на прошлой неделе, а его теперешний заместитель — дурак; поэтому я больше не переодеваюсь по вечерам.

— Я только пойду и сниму шляпу, — сказала Китти.

Ее комната оказалась рядом с той, в которой они только-что сидели. Она была очень скудно меблирована. Ама, стоя на коленях, вынимала из чемодана Китти вещи. Лампа стояла тут же, на полу.

24.

Столовая была маленькая. Огромный стол занимал почти всю ее длину.

— У миссионеров всегда огромные обеденные столы, — объяснял Вадингтон, — за каждого лишнего ребенка, которого они содержат, они получают ежегодную прибавку. Заблаговременно, как только женятся, они покупают эти столы, чтоб было достаточно места для маленьких приемышей.

Стол был освещен большой парафиновой лампой, висевшей на потолке, так что Китти могла теперь лучше разглядеть Вадингтона. Судя по его плешивой голове, Китти думала, что он стар; теперь она убедилась, что ему должно быть гораздо меньше сорока лет. Его лицо, маленькое, с высоким лбом, не имело морщин. Цвет лица был свежий, здоровый. Он был некрасив, даже похож на обезьяну, но его уродство было привлекательное. У него было интересное лицо. Черты лица — нос, рот — малы, как

у ребенка, и маленькие, очень блестящие голубые глаза. Он казался стареньким, маленьким мальчишкой. Он много пил за обедом, и к концу обеда нельзя было сомневаться в том, что он порядочно пьян. Не и в пьяном виде он не был неприятен. Он был весело пьян, как сатир, укравший у спящего пастуха его винный мех.

Он много говорил о Чинг-Иене, где у него были друзья, о которых он расспрашивал. Год тому назад он был там во время бегов и теперь вспоминал пони и их владельцев.

— Кстати, как поживает Таунсэнд? Собирается сделаться секретарем колонии? — неожиданно спросил он.

Китти покраснела, но муж не смотрел на нее.

— Очень вероятно, — ответил он.

— Он ловкий малый.

— Вы его знаете?

— Да, я его хорошо знаю. Раз мы с ним путешествовали из Англии сюда.

За рекой раздавались удары гонгов и треск хлопучек. Тут же, совсем близко, целый большой город был погружен в ужас: смерть, внезапная, беспощадная, мчалась по его кривым улицам. Вадингтон заговорил о Лондоне, о его театрах. Он знал, что именно там ставят теперь, рассказывал, что он сам видел на тамошних сценах, когда был там в отпуску в последний раз. Он смеялся при воспоминании об игре известного комического актера, и со вздохом говорил о красоте какой-то, слышанной им там, опереточной звезде.

Он хвастал, что один из его родственников женился на одной из самых знаменитых из них. Он у нее завтракал, и она подарила ему свою фотографию. Он им покажет карточку, когда они будут обедать у него в таможне.

Вальтер холодным, ироническим взглядом смотрел на своего гостя и, видимо, старался принять участие в разговоре, хотя говорили о вещах, совершенно ему неизвестных и никогда прежде его не интересовавших. Очевидно, Вадингтон казался ему забавным, и он не скучал. Он чуть улыбался, но у Китти сердце полно было ей самой непонятной грусти. В доме умершего миссионера, в городе, пораженном ужасом, ей казалось, что все они трое, здесь сидящие, далеки от остального мира. Три одиноких, чуждых друг другу человека.

Когда обед кончился, она встала.

— Я с вами прощусь. Пойду спать.

— Я сейчас уйду тоже, я думаю, что и доктор хочет отдохнуть, — отвечал Вадингтон, — нам надо рано встать завтра.

Он пожал руку Китти. Его глаза возбужденно блестели, но на ногах он стоял твердо.

— Я за вами зайду, — сказал он Вальтеру, — и мы пойдем к начальнику города и к полковнику Ю, потом в воспитательный дом. Не беспокойтесь, дело найдется.

25.

Вальтер ушел рано утром, вернулся домой на полчаса к завтраку и больше не приходил до обеда. Китти провела несколько дней в полном одиночестве и совсем не выходила из фанзы. Было очень жарко, и почти все время она лежала на кушетке у открытого окна, стараясь углубиться в чтение.

Она знала, что в городе происходят ужасные вещи, но знала это не от Вальтера, который с ней редко говорил и только насмешливо отвечал на ее вопросы небрежным тоном, от которого у нее пробегала дрожь по спине.

Ей об этом говорил Ваддингтон и ее ама. Умирали по сто человек в день, и почти никто из заболевших не выздоравливал. Боги были вынесены из заброшенных храмов и расставлены по улицам, к их ногам клали дары и им приносились жертвы, но эпидемия не прекращалась. Так много умирало людей, что их едва успевали хоронить. Умирали целые семейства, и некому было позаботиться об их погребении. Офицер, командующий войсками, был энергичный человек; только благодаря ему город не подвергся поджогам и грабёжам. Он заставлял своих солдат погребать тех, которых некому было хоронить, и собственной рукой застрелил офицера, который боялся войти в пораженный эпидемией дом.

По временам на Китти нападал безотчетный страх, и она вся дрожала. В испуге она рисовала себе разные неисполнимые, сумасшедшие планы бегства. Бежать! Бежать! Она готова была пуститься в путь одна, только с тем, что на ней было надето, лишь бы добраться куда-нибудь в безопасное место.

Она даже думала признаться во всем Ваддингтону и просить его помочь ей вернуться в Чинг-Иен. Муж, хотя и ненавидящий ее теперь, сжалится над нею, если она бросится перед ним на колени и признается, что она боится, страшно боится. Ведь осталось же в нем человеческое чувство сострадания!

Но об этом разумно и мечтать нельзя. Куда она пойдет? К матери? Мать ей хладнокровно объяснит, что, выдав ее замуж, она рассчитывала избавиться от нее навсегда, да ей и самой не хотелось ехать к матери. Она поехала бы к Чарли, но ему она не нужна. Она предчувствовала, что он ей скажет, если она неожиданно появится перед ним. Она себе ясно представляла его недовольное лицо и сердитое выражение его дивных глаз. Не найдет он в такую минуту добрых слов для нее. Она с отчаянием сжала

руки. Все на свете отдала бы она за возможность оскорбить, унизить его так же, как он ее оскорбил и унизил. Иногда ее охватывала такая злоба, что она сожалела о том, что не допустила Вальтера до развода. Пусть бы она погибла, но погубила бы и Чарли. Без краски стыда она не могла вспоминать тех обидных и оскорбительных слов, которые он тогда ей наговорил.

26.

В первый раз, когда Китти осталась одна с Вадингтоном, она навела разговор на Чарли. Он сам говорил о нем за обедом, в день их приезда. Она сделала вид, что это просто знакомый ее мужа. „Мне он никогда не нравился“, — сказал Вадингтон, — „он мне всегда казался прескучным человеком“.

— Вам трудно угодить, — возразила Китти тем задорным шутливым тоном, которым она так хорошо владела, — я знаю, что он общий любимец в Чинг-Иене.

— Я знаю, что он ходкий товар. Уменьем нравиться он владеет в совершенстве. Он умеет внушить всякому, кого он встречает, что тот для него самый дорогой на свете человек. Он всегда готов сделать другому одолжение, лишь бы ему самому это ничего не стоило. Если ему не удастся исполнить данное им обещание, он сумеет убедить, что это только потому, что не в силах человеческих это сделать.

— Во всяком случае это привлекательное свойство.

— Привлекательность, одна только привлекательность, наконец, может надоест. Было бы облегчением встретить человека менее привлекательного, но немного более искреннего. Я знаю его уже много

лет, и раза два мне удалось приподнять его маску. Со мной, как с маленьким подчиненным в таможне, он не считался. Я знаю, что в его глазах никто на свете ни чорта не стоит, кроме его самого.

Китти взглянула на него улыбающимися глазами и, откинувшись к спинке кресла, небрежно вертела вокруг пальца свое обручальное кольцо.

— Без сомненья, он сделает карьеру, он до тонкости знает все служебные лазейки. Я убежден, что я доживу до того дня, когда буду его называть „Ваше Превосходительство“ и вставать, когда он входит в комнату.

— Многие думают, что он заслуживает служебных повышений, его считают очень способным.

— Способным? Какой вздор! Он очень ограниченный человек. Он производит впечатление человека, который, благодаря блестящим способностям, быстро справляется с работой, между тем он берет только усидчивостью, и ему приходится работать как негру.

— Каким же образом он заслужил репутацию такого умного человека?

— На свете много глупых людей. Раз человек, занимающий довольно высокое служебное положение, не важничает, ласково похлопывает их по спине и уверяет их, что готов сделать для них все на свете, то они очень расположены считать его умным. Конечно, помогает ему и жена. Вот она—так умная женщина. У нее хорошая, разумная голова, очень полезно следовать ее советам. Пока Чарли Таунсэнд имеет в ней опору, можно быть спокойным, что больших глупостей он не наделает, а это — главное для государственного чиновника. Им не нужны умные люди: у умных людей самостоятельные взгляды, а самостоятельные взгляды могут навлечь неприятности; им нужны люди привлекатель-

ные и тактичные, которые сумеют всегда избежать скандала и вывернуться из всякого затруднительного положения.

— Я не могу понять, почему он вам так противен.

— Он мне не противен.

— Но вы предпочитаете его жену? — улыбнулась Китти.

— Я старомодный человек и люблю благовоспитанных женщин.

— Я бы желала, чтобы она была не только благовоспитанной женщиной, но и хорошо одевающейся женщиной.

— Разве она не хорошо одевается? Я не замечал.

— Говорят, они очень дружная пара, — сказала Китти, внимательно наблюдая за ним сквозь опущенные ресницы.

— Я должен отдать ему справедливость: он очень к ней привязан, и это лучшее его качество.

— Слабая похвала.

— Он любит поухаживать, но это не серьезно. Он слишком ловок, чтобы доводить свои любовные приключения до той степени, когда они могут причинить ему неприятности. Несомненно, он человек не страстный, он только тщеславный человек. Он любит, когда им восхищаются. Теперь ему сорок лет, и он слегка растолстел, слишком хорошо живет, но он был очень красив, когда впервые приехал в колонию. Я часто слышал, как жена его поддразнивала по поводу его побед.

— Она не очень принимает к сердцу его ухаживания?

— Нет, она знает, что они у него никогда не бывают серьезными. Она часто говорила, что желала бы иметь возможность завести дружбу с бед-

ными жертвами, которые влюбляются в Чарли, но, к сожалению, это все плохо воспитанные, пошлые женщины. Она говорила, что для нее не очень лестно, что в ее мужа влюбляются только весьма второсортные женщины.

27.

После ухода Вадингтона Китти стала вспоминать все то, что он ей наговорил. Не очень-то приятно было все это выслушать, ей пришлось сделать некоторое усилие, чтобы скрыть смущение. Как горько сознавать, что все то, что он наговорил, — сущая правда. Китти знала, что Чарли тщеславен, глуп и падок на лесть. Она вспоминала, с каким удовольствием он ей рассказывал разные эпизоды, в доказательство своей ловкости и изворотливости. Он этим гордился. Какая же она презренная женщина, если могла так страстно полюбить подобного человека за то только, что у него дивные глаза и красивая фигура. Ах! Как бы ей хотелось выкинуть его совсем из головы. Она хотела научиться презирать его. Теперь она его только ненавидела, а ненависть близка к любви. То, как он с ней поступил, должно было ей раскрыть глаза. Вальтер всегда его презирал. Неужели жена также дразнила его ею? Она не могла не видеть, как сильно Китти была в него влюблена. Доротти хотела бы с нею подружиться, но находила, что она второсортная. При этой мысли Китти улыбнулась, как была бы возмущена ее мать, если бы слышала такое суждение о дочери.

Ночью он ей опять приснился. Она ощущала его объятия и горячие поцелуи. Не все ли равно, что ему сорок лет и что он толст? Она с нежностью засмеялась, вспоминая, как ему это обидно. Она его

еще сильнее любила за его наивное тщеславие, она умела сочувствовать ему и утешать его. Когда она проснулась, лицо ее было мокро от слез. Плакать во сне показалось ей особенно трагичным.

28.

Она каждый день виделась с Вадингтоном. После службы он вместо прогулки поднимался в гору к фанзе Фэйнов. В одну неделю они сошлись так, как при других обстоятельствах на это потребовались бы годы.

Когда однажды Китти сказала, что не знает, что она тут стала бы делать, если бы его не было, он со смехом отвечал:

— Только мы двое ходим здесь мирно и спокойно по твердой земле. Сестры бродят в раю, а ваш муж — в царстве теней.

Она непринужденно засмеялась, но не совсем поняла, что именно он этим хотел сказать. Она видела, что он пытливо вглядывается своими маленькими голубыми глазками в ее лицо. Она поняла, что отношения между Вальтером и ею возбуждают циничное любопытство этого пронизательного человека. Ее забавляло сбивать его с толку. Он ей нравился, и она знала, что он относится к ней благожелательно.

Он не был особенно остроумным, талантливым человеком, но он говорил таким сухим, едким, уверенным тоном, что всякая вещь, которую он обсуждал, делалась смешною. При этом его детское лицо морщилось в смешную гримасу. Он много лет прожил в портах, иногда подолгу не встречая ни одного человека своей расы, и потому в нем развились некоторые эксцентрические особенности мышления.

Он был полон причуд и странностей. Откровенность его была изумительна.

На все он смотрел с шутливой стороны, осмеивал едко всех членов колонии в Чинг-Иене, но так же смеялся и над китайскими чиновниками в Мей-Тан-Фу. Никакого геройского трагического подвига он не мог рассказать, не придав ему комического оттенка. Он рассказывал много анекдотов из своей двадцатилетней жизни в Китае, и из них можно было вывести заключение, что земля — очень смешное и странное обиталище. Он свободно говорил по-китайски. Он мало читал и все, что знал, знал только из разговоров.

Часто рассказывал Китти разные разности, взятые из китайских романов, или из истории Китая, как всегда шутливым тоном, в котором сквозило при этом добродушие и даже нежность. Ей казалось, что ему, может быть, бессознательно, привились китайские взгляды на европейцев, что он считает европейцев варварами и их образ жизни — безумием. Только в Китае разумный человек может понять настоящий смысл жизни. Эта мысль давала почву для размышлений. Китти до сей поры всегда слышала, что китайцы — вырождающийся, грязный, отвратительный народ. Теперь же перед ее глазами на одно мгновение приподнялся угол завесы, и она мельком увидела мир, полный чудных красок и таинственного значения; мир, о котором она и во сне не мечтала. А он сидел тут же: болтал, смеялся и пил.

— Мне кажется, что вы слишком много пьете, — смело сказала ему Китти.

— Это — самое большое мое удовольствие в жизни. Впрочем, и против холеры это полезно...

Почти всегда он уходил от нее навеселе, но хорошо переносил вино. Он делался веселым и никогда не бывал придирчивым и неприятным.

Однажды Вальтер, придя раньше обыкновенного домой, пригласил его остаться обедать. Произошел странный инцидент. Им подали суп, рыбу и цыпленка. Слуга подал Китти к цыпленку свежий салат, и, когда Вадингтон увидал, что она собирается положить себе салату на тарелку, он с ужасом закричал:

— Силы небесные! Неужели вы это собираетесь есть?

— Да, нам его подают каждый день.

— Моя жена его любит,—сказал Вальтер.

Блюдо подали и Вадингтону, но он отрицательно покачал головой.

— Очень вам благодарен, но я еще не собираюсь кончать жизнь самоубийством.

Вальтер мрачно улыбнулся и положил себе салату. Вадингтон ничего больше не сказал; он стал странно молчалив и после обеда скоро удалился.

Это была правда, что они ели салат каждый день. Со свойственной китайцам беспечностью, на второй день после их приезда повар прислал им салату к обеду. Китти по рассеянности положила себе на тарелку. Вальтер быстро к ней нагнулся и сказал:

— Не надо есть. Слуга с ума сошел—подавать салат...

— Почему же нет? —спросила Китти, глядя ему прямо в глаза.

— Салат всегда вреден. Теперь есть его—безумие. Вы себя убьете.

— Я думала, что это и желательно, —сказала Китти.

Она начала хладнокровно есть. Неожиданно для нее самой ее охватил дух задора, и она смотрела на Вальтера насмешливым взглядом. Ей показалось, что он побледнел, но когда ему подали салат, он тоже взял. Повар, видя, что они не отказываются

от салата, продолжал подавать его, и они, вопреки смертельной опасности, продолжали его есть каждый день. С их стороны было безумием так рисковать жизнью. Китти этим мстила Вальтеру, а также как бы насмеялась над своим беспредельным страхом смерти.

29.

На другой день Вадингтон, придя днем в фанзу, предложил Китти прогуляться с ним. С самого дня приезда она не выходила из дому и с радостью согласилась.

— К сожалению, здесь прогулок не много. Мы пойдем на верхушку холма.

— Туда где арка? Я часто смотрю на нее с террасы.

Слуга отворил им тяжелую дверь, и они вышли на пыльную дорогу.

Они прошли несколько шагов; Китти вдруг испуганно вскрикнула и в страхе схватила Вадингтона за руку.

— Смотрите!

— Что там такое?

У подножья стены, окружающей город, лежал на спине человек с вытянутыми ногами и закинутыми через голову руками. Судя по надетым на нем штопаным синим тряпкам и его трепаной, похожей на швабру, косе, это был уличный нищий.

— Он похож на мертвого, — воскликнула Китти.

— Конечно, он мертвый. Пойдемте скорее, отвернитесь, не смотрите на него. Когда мы вернемся, я распоряжусь, чтобы его унесли.

Китти так сильно дрожала, что не могла двигаться с места.

— Я никогда не видела мертвецов.

— Тогда вам следует привыкать к этому зрелищу. До того, как вам удастся покинуть навсегда это веселое местопребывание, вам придется видеть мертвых много раз.

Он взял ее под руку. Некоторое время они шли молча.

— Он умер от холеры?

— Вероятно.

Они стали подниматься в гору и дошли до арки. Она была густо покрыта высеченными из камня украшениями. Они сели у подножья арки и смотрели на широкую равнину, расстилавшуюся перед их глазами. Весь скат был плотно усеян маленькими зелеными холмиками могил, не правильными рядами, а в беспорядке. Казалось, и под землею мертвым суждено почему-то толкать друг друга. Узкая дорога спускалась, извиваясь, между зелеными рисовыми полями. Маленький мальчик, сидя на шее буйвола, тихо вел его домой, и три крестьянина в широких соломенных шляпах плелись шатающейся походкой под тяжестью грузов.

После дневной жары было приятно ощущать дуновение легкого вечернего ветерка. Вид обширного, открытого пространства навел успокоительную меланхолию на истерзанное сердце Китти. Но она не могла забыть мертвого нищего.

— Как вы можете разговаривать, смеяться и пить виски, когда люди кругом умирают? — вдруг спросила она.

Ваддингтон не отвечал. Он повернулся и смотрел на нее, затем положил руку ей на руку.

— Здесь вам не место, — серьезно сказал он. — Отчего вы не уезжаете?

Она украдкой взглянула на него, и на ее губах промелькнула улыбка.

— Мне кажется, что при таких обстоятельствах место жены около мужа.

— Я был очень удивлен, когда мне телеграфировали, что и вы приедете с Фэйном, но подумал, что может быть вы были некогда сестрой милосердия и что это дело вам привычно. Я готов был упасть в обморок от удивления, когда увидел вас совсем иной, чем ожидал. Вы казались такой слабой, бледной, усталой.

— Ничего удивительного, после девятидневного путешествия.

— Вы и теперь имеете вид слабый, бледный, усталый и, разрешите мне сказать, глубоко несчастный.

Китти покраснела, но ответила довольно весело:

— Мне жаль, что вам не нравится выражение моего лица. Единственная причина моей грусти та, что с двенадцатилетнего возраста я убедилась, что у меня длинноват нос. Женщина, лелеющая тайную скорбь в сердце, очень интересна; вы не можете себе представить, сколько милых молодых людей стремились меня утешать.

Ваддингтон смотрел на нее пристально, и она видела, что он ни одному ее слову не верит. Но не все ли равно, пусть только делает вид, что верит.

— Я знал, что вы недавно женаты и думал, что вы, как водится, друг в друга влюблены. Мне казалось невероятным, чтобы ваш муж пожелал привести вас сюда, но, может быть, вы решительно отказались отпустить его одного?

— Это очень разумное объяснение,—весело сказала она.

— Да, но это неправда.

Она со страхом ожидала дальнейших его слов. Она считала его очень проникательным и знала, что

он всегда, без колебаний, прямо высказывает то, что думает.

— Теперь я уже не думаю, что вы в мужа влюблены. Мне кажется, что он вам противен, и я не удивлюсь, если узнаю, что вы его ненавидите, но в одном я уверен: вы его боитесь.

Она отвернулась на минуту. Ей не хотелось, чтобы Вадингтон видел, какое впечатление произвели на нее его слова.

— Я подозреваю, что вы не слишком любите моего мужа, — сказала она с холодной иронией в голосе.

— Я его уважаю. Он человек умный и в высшей степени порядочный. Я думаю, что вы даже не знаете, что он тут творит, ведь с вами он не очень откровенен. Если кто-нибудь может единоличным усилием прекратить эпидемию — то это сделает он. Он лечит больных, очищает город, старается обезвредить питьевую воду. Он без колебаний идет всюду, делает все, что нужно. Он рискует жизнью двадцать раз в день. Из полковника Ю он веревки вьет; он добился, что тот дал в его распоряжение войска. Даже начальнику города он сумел внушить некоторую отвагу, старик теперь пытается помочь, чем может. Сестры в общине молятся на него. В их глазах он герой.

— А вы какого мнения?

— Собственно это не его дело, ведь он бактериолог. Ему незачем было приезжать сюда. Не думаю, чтобы он делал это из сострадания к бедным умирающим китайцам. Ватсон — другое дело. Тот любил человечество. Ему было решительно все равно — иметь ли дело с христианином, буддистом или последователем Конфуция. Для него они были только люди. Ваш муж приехал сюда не потому, что принимает к сердцу смерть сотни тысяч китай-

цев от холеры и не для пользы науки. Зачем же он приехал?

— Спросите лучше его самого!

— Мне очень интересно наблюдать за вами обоими, когда вы вместе. Я часто задаю себе вопрос: что между вами происходит, когда вы одни, без посторонних свидетелей. При мне вы оба играете комедию и играете безнадежно плохо; если вы не способны на лучшее исполнение, то ни один из вас не заработал бы и тридцати шиллингов в неделю на провинциальной сцене.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать? — молвила Китти, тщетно стараясь принять беспечный вид.

— Вы очень красивая женщина; странно, что ваш муж на вас никогда не смотрит. Когда он с вами говорит, его голос звучит так, как-будто это говорит не он, а кто-то другой.

— Вы думаете, что он меня не любит? — спросила Китти хриплым, тихим голосом. Притворяться она перестала.

— Не могу сказать. Он или чувствует к вам такое отвращение, что при вашем появлении мурашки бегают по его спине, либо он страстно любит вас и по какой-нибудь причине считает нужным тщательно это скрывать. Я задавал себе вопрос: не приехали ли вы оба сюда с целью совершить самоубийство?

Китти вспомнила, как Ваддингтон пылливо и удивленно смотрел на них, когда произошел инцидент с салатом.

— Мне кажется, вы придаете слишком большое значение нескольким листкам салата, — беспечным тоном сказала она. — Пойдемте домой. Вам, наверное, хочется выпить виски с содовой.

— Во всяком случае вы не героиня. Вы перепуганы до смерти. Не лучше ли вам уехать?

— Какое вам до этого дело?

— Я вам помогу.

— Вы, может быть, вспомнили о моей тайной скорби? Взгляните на мой профиль и скажите, как по вашему мнению, не слишком ли длинен у меня нос?

С обычным выражением злой иронии, он в раздумьи смотрел на нее, но Китти удалось поймать мелькнувший в его голубых, блестящих глазах оттенок замечательной доброты. Из глаз ее брызнули слезы.

— Вам необходимо здесь остаться?

— Да.

Они прошли под аркой и спустились под гору. Когда они подошли к городской стене, то опять увидели тело мертвеца-нищего. Она остановилась.

— Это ужасно!

— Что ужасно? Смерть?

— Да. В сравнении с ней все остальное кажется страшно пошлым. В этом теле не осталось ничего человеческого. Глядя на него, трудно поверить, что он был когда-то живой. Что не так давно он был маленьким мальчиком и мчался во всю прыть под гору с бумажным змеем в руках.

Она не могла сдержать душивших ее рыданий.

30.

Через несколько дней после этой прогулки, Вадингтон сидел у Китти и пил виски из большого узкого стакана. Он заговорил о воспитательном доме, основанном медицинскими сестрами.

— Старшая сестра замечательная женщина, — сказал он. — Сестры говорят, что она из очень уважаемой французской семьи, фамилии ее мне не

назвали. Она не хочет, чтобы ее происхождение стало всем известно.

— Отчего же вы ее самое не спросите, если это вас интересует? — улыбнулась Китти.

— Если бы вы ее видели, вы бы поняли, что ей немыслимо задавать нескромные вопросы.

— Это, должно быть, замечательная женщина, если даже вам она сумела внушить такое уважение к себе.

— Я имею от нее поручение. Она просила меня сказать вам, что если вы не боитесь рискнуть пойти в самый центр эпидемии, если это вас не страшит, то она с удовольствием покажет вам воспитательный дом.

— Это очень любезно с ее стороны. Я и не подозревала, что она знает о моем существовании.

— Я ей о вас говорил. Я хожу туда два-три раза в неделю, чтобы спросить, не могу ли я быть им чем-нибудь полезным. По всем вероятностям, и муж ваш рассказывал ей, что вы здесь. Я вас предупреждаю, что они в безграничном восторге от вашего мужа. Когда старшая сестра приехала сюда лет десять тому назад, она привезла с собой семь сестер. Из них умерло четыре. Как видите, и в лучшие времена Мей-Тан-Фу был нездоровым местом. Они живут в самой середине города, в самом бедном квартале, работают очень много и никогда не имеют праздников.

— Значит, их только три, не считая старшей сестры?

— Нет, новые заменили умерших. Теперь, когда одна из сестер умерла в начале эпидемии, прислали для замены двух из Кантона. Отправимся с вами туда, и вы все увидите. Уверяю вас, что это не так рискованно, как есть сырые томаты.

— Раз вам не страшно, нет причины и мне бояться.

— Я думаю, это вас займет. У них точно маленький уголок Франции.

31.

Они переехали на другую сторону реки на сампане. На пристани для Китти было приготовлено кресло на носилках и ее несли в гору до затвора реки. Тут проходили кули, которые носили из города воду. Они торопливо сновали взад и вперед с огромными бадьями, повешенными через спину на коромыслах. Дорога была вся залита расплесканной ими водой. Казалось, что только-что прошел сильнейший ливень. Носильщики, несшие Китти, резкими окриками понуждали кули сторониться.

— Теперь вся городская жизнь замерла, — сказал Вадингтон, который шел рядом с носилками, — при обыкновенных условиях нам пришлось бы пробираться силой через толпу кули, которые перетаскивают разные грузы на джонки и снуют вниз и вверх по горе.

Улица была узкая и кривая, так что Китти потеряла всякое представление о направлении, куда ее несли. Много лавок было закрыто. За время своего путешествия она успела привыкнуть к грязи китайских городов, но здесь дорога была буквально завалена неделями накопленным хламом: разной требухой и отбросами. Вонь была такая, что Китти пришлось закрыть лицо носовым платком.

Во всех городах, через которые она проезжала, на нее назойливо смотрели во все глаза, что было ей очень неприятно. Здесь же ей кидали только мимолетные взгляды. Редкие прохожие не обращали на нее внимания, всякий спешил по своему делу.

Обычной толпы на улицах не было. Все имели напуганный и растерянный вид. По временам они проходили мимо домов, откуда раздавались звуки гонгов и резкий, неумолчный плач неизвестно каких инструментов. За закрытыми дверями такого дома лежал мертвец.

— Вот мы и прибыли, — объявил, наконец, Вадингтон.

Кресло опустили на землю у маленькой входной двери, и Китти вышла. Он позвонил.

— Не ждите никакого великоления, — сказал он, — они очень бедны.

Дверь им отворила молодая китайка и, перекинувшись несколькими словами с Вадингтоном, провела их в маленькую комнату около коридора. Тут стоял большой стол, покрытый клетчатой клеенкой, а вдоль стен ряд жестких стульев. Через несколько минут вошла одна из сестер. Полная, невысокого роста, краснощекая, с симпатичным лицом и веселыми глазами. Вадингтон познакомил Китти и назвал сестру — сестра Жозефа.

— *C'est la dame du docteur?* — сияя приветливой улыбкой спросила она и сказала, что надзирательница сейчас будет. Сестра Жозефа по-английски не говорила, а Китти говорила очень плохо по-французски, но Вадингтон не смущался и быстро, с массой ошибок, не умолкая, болтал. Добродушная сестра Жозефа хохотала до-упаду, слушая его веселые, шуточные речи.

32.

Дверь отворилась. Китти показалось почему-то, что дверь сама собой распахнулась и, тихо качнувшись на своих петлях, опять закрылась. Вошла надзирательница. На минуту она остановилась на

пороге и, со степенной улыбкой на губах, смотрела на сморщенную, шутовскую физиономию Вадингтона и на смеющуюся сестру. Она подошла и подала руку Китти.

— Миссис Фэйн? — Она говорила по-английски с сильным акцентом, но слова произносила правильно. Она слегка поклонилась.

— Я очень рада познакомиться с женою нашего милого, славного доктора. — Китти смутил пытливый, как бы оценивающий ее, взгляд надзирательницы. Она ее откровенно разглядывала, но в этом взгляде не было ничего невежливого; чувствовалось, что ей приходилось составлять себе мнение о всяком, с кем она встречалась, и она делала это совершенно открыто. Благосклонно-приветливым жестом она пригласила Китти сесть, и села сама. Сестра Жозефа, продолжая улыбаться, молча стояла около ее стула, только немного позади.

— Я знаю, что все англичане любят чай, — сказала надзирательница, — я велела его подать, но, прошу прощения, он будет сервирован на китайский манер. Я знаю, что мистер Вадингтон предпочитает виски, но этого, к сожалению, я ему предложить не могу. — Она улыбнулась с лукавым выражением в глазах.

— Помилуйте, сестра, вы говорите, точно я заезженный пьяница.

— Я была бы рада, если бы вы могли утверждать, что вы никогда ничего не пьете.

— Во всяком случае я пью только в неумеренном количестве. — Надзирательница засмеялась и перешла для сестры Жозефы на французский язык откровенное заявление Вадингтона. Она долгим, ласковым взглядом смотрела на Вадингтона.

— Вы должны относиться снисходительно к мистеру Вадингтону. Когда мы сидели совсем без

денег, он раза два-три нас выручал и тем дал нам возможность прокормить наших сирот.

Сиделка, та самая, которая им отворяла дверь, вошла с подносом в руках. На подносе стоял китайский чайный прибор и маленькая тарелочка с французским печеньем под названием *Madeleines*.

— Вы должны попробовать эти *Madeleines*, — сказала надзирательница, — их делала сама сестра Жозефа для вас сегодня утром.

Они разговаривали о разных пустяках. Надзирательница спросила Китти, как давно она приехала в Китай. Очень ли ее утомила дорога из Чинг-Иена сюда? Была ли она когда-нибудь во Франции и хорошо ли она переносит климат Чинг-Иена? Этот пустой и дружеский разговор странно звучал при окружающей обстановке.

В приемной было очень тихо, трудно было себе представить, что находишься в центре большого, многолюдного города. Здесь царил мир.

Вокруг свирепствовала эпидемия, и перепуганный мятежный народ был обуздан мощной рукой солдата, который сам был полуразбойником.

В воспитательном доме палаты были переполнены больными и умирающими солдатами, и больше четверти приютских детей умерло.

Эта серьезная дама, которая так любезно задавала ей всевозможные вопросы, произвела на Китти сильное впечатление.

Китти ее разглядывала с большим интересом. Она была вся в белом, на груди выделялся красный крест. Это была женщина средних лет, вероятно сорока или пятидесяти, на ее нежном, бледном лице было мало морщин. Только по ее уверенной, полной достоинства манере держаться и по худобе сильных красивых рук можно было заключить, что она далеко не молодая женщина.

Лицо у нее было продолговатое, рот большой, с крупными ровными зубами; нос довольно длинный, красивой формы; глаза, большие, темные, с тонко очерченными бровями, придавали ее лицу властное, но отнюдь не холодное выражение. В первую минуту, когда вы смотрели на эту женщину, вам казалось, что она должна была быть очень хороша в молодости, но вскоре вы убеждались, что ее красота, в связи с ее душевными качествами, должна была возрасти с годами. У нее был низкий, приятный сдержанный голос. Как по-французски, так и по-английски, она говорила медленно. Но самым поразительным в ней был ее авторитетный вид, смягченный добротой. В ней чувствовалась привычка повелевать и встречать повиновение. Китти подозревала, что, несмотря на ее строгую манеру держаться, в ней было живо человеческое чувство терпимости к слабости людей.

Видя снисходительную улыбку, с которой она слушала беззастенчивую болтовню Вадингтона, нельзя было сомневаться, что живое чувство юмора ей доступно. В ней была еще одна особенность, которую Китти смутно угадывала, но точно определить не могла. Несмотря на радушный прием и на ее изысканную вежливость, вы сознавали, что близко и дружески сойтись с ней невозможно. Между нею и обыкновенными смертными как-будто стояла какая-то преграда. Китти чувствовала себя в ее присутствии неловкой, оробевшей школьницей.

33.

— *Monsieur ne mange rien*, — сказала сестра Жозефа.

— *Monsieur* испортил свой вкус манджурской стряпней, — возразила надзирательница.

Лицо сестры Жозефы приняло серьезное и строгое выражение. Вадингтон, с лукавой усмешкой в глазах взял еще одно печенье. Китти совсем не поняла, в чем тут дело.

— Чтобы вам доказать, насколько вы неправы, я испорчу свой аппетит и не буду в состоянии съесть превосходный обед, который меня ждет дома.

— Может быть, миссис Фэйн желает осмотреть наш приют? Я с удовольствием ей все покажу, — и, как бы извиняясь перед Китти, надзирательница прибавила: — Жаль, что вы увидите его как-раз теперь, когда все в беспорядке. Работы много, нам не справиться. Сестер слишком мало. Полковник Ю приказал нам предоставить наш лазарет в распоряжение больных солдат, и мы были принуждены превратить refectoire в лазарет для сирот.

У дверей она пропустила Китти вперед и повела ее по длинным прохладным, выкрашенным белой краской, коридорам, сестра Жозефа и Вадингтон следовали за ними. Сперва они вошли в большую, полупустую комнату, где работали девушки-китаянки. Они вышивали. При входе посетителей они встали, и надзирательница показала Китти образцы их работ.

— Мы продолжаем рабствовать несмотря на эпидемию, это отвлекает их мысли от опасности.

Во второй комнате, куда они вошли, девушки помоложе шили, в третьей находились крошечные дети под надзором сиделки-китаянки. Дети шумно играли и, когда надзирательница вошла, они толпой обступили ее. Тут были все малютки двух- и трех-летнего возраста, черноволосые, с черными китайскими глазами; они хватали ее за руки, прятались в ее широкую юбку. Очаровательная улыбка осветила ее строгое лицо, она с ними шутила, и слова, которые она им говорила, хотя и на китайском, негонижном для Китти языке, — звучали лаской. Китти

вздрогнула. В своей однообразной, форменной одежде, желтолицые, хилые, с приплюснутыми носами, дети почти не были похожи на человеческие существа. Они имели отталкивающий вид, но надзирательница стояла между ними подобно олицетворенному милосердию. Когда она собралась уйти, дети ее не пускали, прижимались к ней, цеплялись за нее. Ей пришлось почти насильно вырваться от них. Во всяком случае они не находили в этой важной даме ничего устрашающего.

— Вы, конечно, знаете, — говорила она, — что это не настоящие сироты. Сиротами их можно назвать только в том смысле, что родители хотели избавиться от них. Мы платим небольшую сумму за каждого ребенка, которого к нам приносят. Иначе родители и беспокоиться не стали бы, а попросту уничтожали бы их. — Обратившись к сестре Жозефе, она спросила:

— Кого-нибудь принесли сегодня?

— Четырех.

— С тех пор, как здесь холера, родители еще больше стремятся избавиться от лишних детей женского пола.

Она показала Китти дортуары, и затем они прошли мимо двери, на которой было написано: „Лазарет“. Китти слышала раздающиеся оттуда стоны, громкие крики, звуки, которые в муках выпускали, казалось, нечеловеческие существа.

— Я вас не пушу в лазарет, — сказала надзирательница спокойным тоном, — это тяжелое зрелище. Она вдруг что-то вспомнила. — Я бы хотела знать, здесь ли доктор Фэйн. — Она вопросительно посмотрела на сестру, и та, с привычной ей веселой улыбкой, отворила дверь и проскользнула туда. Китти отшатнулась, через открытую дверь еще

громче доносились страшные звуки царящего там ужаса. Сестра Жозефа вернулась.

— Его там нет, и он до вечера не придет.

Осмотр был окончен. Китти поблагодарила надзирательницу, извиняясь за причиненное беспокойство. Та приветливо и любезно, с достоинством ей поклонилась.

— Это мне доставило большое удовольствие. Вы не можете себе представить, каким добрым и полезным был ваш муж для нас все это время. Он самым небом послан нам. Я рада, что вы с ним приехали. Когда он возвращается домой, ему должно служить утешением, что он находит вас там, видит ваше милое лицо, чувствует вашу любовь. Вы должны его беречь, не давать ему слишком много работать. Вы должны о нем заботиться ради всех нас.

Китти покраснела и не знала, что на это сказать. Надзирательница протянула ей руку. Ее спокойные, вдумчивые глаза равнодушно смотрели на нее, но Китти однако казалось, что в них светится глубокая проницательность.

Сестра Жозефа закрыла за ними дверь, и Китти села в кресло. Они вернулись назад по тем же узким, кривым улицам. Вадингтон изредка произносил несколько незначительных слов; Китти не отвечала. Он оглянулся, но боковая занавеска кресел была задернута, и он не мог ее видеть. Тогда он молча продолжал путь. Но когда они подошли к реке и она сошла с кресел, он с изумлением увидел, что глаза ее были полны слез.

— Что случилось? — спросил он, и все его лицо сморщилось в гримасу, выражавшую глубокое смущение.

— Ничего, — и она попыталась улыбнуться. — Только моя собственная глупость.

Опять одна в жалкой гостиной миссионера; она легла на кушетку против окна и рассеянно смотрела на панораму реки. Китти старалась отдать себе отчет в своих душевных переживаниях. Она никогда бы не поверила, что посещение воспитательного дома произведет на нее такое сильное впечатление. Она пошла туда из любопытства. Делать ей было нечего. Она столько времени издали смотрела на окруженный стеной город за рекой, что ей захотелось взглянуть поближе, что происходит там, на его таинственных улицах.

Но в стенах воспитательного дома ей показалось, что ее перекесли в другой мир, странно расположенный вне времени и пространства. Эти пустые комнаты, белые коридоры, строгие, простые, казались ей проникнутыми духом чего-то отдаленного, таинственного. Спокойный и систематический способ проведения там работ среди заразы доказывал удивительное хладнокровие перед опасностью, практический ум и деловитость, доведенные почти до смешного. Все это, вместе взятое, производило трогательное впечатление.

До сих пор в ушах Китти звучали ужасные крики, которые она слышала, когда сестра Жозефа отворила дверь лазарета. Какой неожиданностью для нее явилось то, что они говорили о Вальтере.

Прежде сестра, потом сама надзирательница; голос ее звучал так нежно, когда она его хвалила. Странно: она гордилась, что его так высоко ценят. Ваддингтон тоже говорил о том, как он работает, но сестры ценили не только его деловитость и работоспособность (она и в Чинг-Иене слышала, что его считают умным), но они говорили о его мягкосердечии и заботливости. Конечно, она и сама

знала, что он умеет быть очень нежным. Всего лучше его можно было оценить во время болезни, он был слишком умен, чтобы надоедать, и прикосновение его руки было приятно и успокоительно. Каким-то таинственным образом он умел одним своим присутствием облегчать страдания. Она знала, что никогда больше не увидит в его глазах того нежного, любящего взгляда, который тогда приводил ее в ярость.

Она знала, как сильно он умеет любить, теперь он странным образом изливал эту любовь на несчастных лазаретных больных, которые возлагали все свои надежды на него одного.

Она чувствовала в себе не ревность, а какую-то пустоту, как будто из-под нее вдруг выдернули какие-то подпорки, к которым она так привыкла, что перестала их замечать, и она зашаталась во все стороны, как предмет, потерявший равновесие. Она себя презирала за то, что когда-то презирала его. Он, конечно, знал это, но принимал ее суждение о себе без злобы. Она была дура, он это знал, но любил ее и потому не обращал на это внимания. Теперь она перестала ненавидеть его, всякая злоба к нему у нее прошла, она чувствовала только страх и какое-то недоумение. Она не могла не признавать его выдающихся качеств. Иногда ей казалось, что он обладает каким-то странным, непривлекательным величием. Удивительно было, что, несмотря на все, она не в силах была его любить, а любила недостойного человека, не делая себе никаких иллюзий на его счет. Только бы суметь вырвать из сердца эту любовь, которая так упорно в нем держалась. Она старалась о нем не думать.

Вадингтон высоко ценил Вальтера. Она одна была слепа к его качествам. Почему? Потому что он любил ее, а она его не любила. Странное свой-

ство человеческого сердца — презирать человека за то, что он вас любит. Ваддингтон признался, что он Вальтера не любит. Мужчины вообще его не любят. Не трудно было понять, что обе сестры питают к нему чувство, очень близкое к любви. С женщинами он держал себя совсем иначе; несмотря на его застенчивость, они чувствовали, что он безгранично добрый человек.

35.

Самое сильное впечатление произвели на нее сестры. Сестра Жозефа, с ее веселым лицом и похожими на яблочки красными щеками, была из числа той маленькой партии, которая, с надзирательницей во главе, выезжала десять лет тому назад в Китай. Она видела, как ее товарки, одна за другой, умирают от болезней, лишений и тоски по родине; однако, она продолжала быть веселой и счастливой. Из какого источника она черпала свое простодушное, очаровательно-веселое расположение духа?

А надзирательница? Китти мысленно перенеслась в ее общество и вновь почувствовала себя смиренной и униженной. Однако, на трогательное впечатление, вынесенное ею от посещения воспитательного дома, упала какая-то тень, будто темная подкладка под серебристым облаком. За сдержанной веселостью сестры Жозефы и, еще более, за изысканной учтивостью надзирательницы, она почувствовала, как чужда она им, и эта мысль ее угнетала.

Между нею и ими стояла какая-то преграда. Они говорили на разных языках не только устами, но и сердцем. И когда дверь воспитательного дома затворилась за ней, она знала, что они тотчас совершенно забыли о ней, как-будто она для них никогда

не существовала, и поспешили вновь приняться за работу, временно ради нее прекращенную. Ее исключили не только из бедной, маленькой ячейки, но также из какого-то таинственного духовного сада, которого жаждала ее душа. Она почувствовала себя одинокой, как никогда прежде. Вот почему она рыдала.

Теперь, откинув усталую голову на спинку дивана, она со вздохом прошептала:

— Какая же я недостойная женщина!

В этот день Вальтер вернулся домой ранее обыкновенного. Китти лежала на диване у открытого окна. Было уже почти темно.

— Не хотите ли лампу? — спросил он.

— Принесут, когда обед будет готов.

Он всегда непринужденно разговаривал с ней о разных пустяках, как с хорошей знакомой, и по его обращению нельзя было заключить, чтобы в его сердце таилась злоба на нее. Он никогда не встречался глазами с нею и никогда не улыбался. Всегда был безукоризненно вежлив.

— Вальтер, что вы думаете делать, если мы переживем эпидемию? — спросила она.

Он медлил ответом. Лица его она различить не могла.

— Я об этом не думал.

В прежние дни она, не задумываясь, говорила все, что придет в голову, не считала нужным подумывать, прежде чем говорить, но теперь она его боялась, губы ее дрожали, и сердце болезненно билось.

— Я была в воспитательном доме сегодня.

— Я слышал.

Она принудила себя говорить, хотя губы с трудом произносили слова.

— Правда ли, что вы хотели, чтобы я умерла, когда везли меня сюда?

— На вашем месте я бы не стал об этом говорить, Китти. Ничего хорошего не выйдет, если мы будем говорить о том, что лучше было бы забыть.

— Но вы не забываете, не забываю и я. Я много думала с тех пор, как я здесь. Не согласитесь ли вы выслушать, что я имею сказать?

— Конечно.

— Я поступила ужасно по отношению к вам. Я была вам неверна.

Он стоял неподвижно, и неподвижность его была удивительна и страшна.

— Не знаю, поймете ли вы меня. Раз это кончилось, женщины не придают этому большого значения. Мне кажется, женщины никогда не понимают вполне мужской точки зрения на эти вещи. — Она говорила отрывисто, и ее голос изменился до неузнаваемости. — Вы знали, каков Чарли, и вы знали, как он поступит. Вы были совершенно правы. Он презренный человек. Я думаю, что я не полюбила бы его, если бы сама не была такая же презренная, как он. Я не прошу вас простить меня. Я не прошу вас любить меня, как вы меня прежде любили. Но не можем ли мы быть друзьями? Видя всех этих людей, умирающих тысячами вокруг нас, видя этих сестер в воспитательном доме...

— Какое отношение это имеет к тому вопросу? — прервал он ее.

— Я не могу хорошо объяснить. У меня было странное чувство, когда я была там сегодня. Их дело такое значительное. Это все так ужасно, и их самопожертвование прямо удивительно. Я чувствую, что нелепо, в сравнении с великими истинами, — постарайтесь понять, что я хочу этим сказать, — сокрушаться о том, что легкомысленная женщина вам изменила. Я слишком презренное и незначительное существо, обо мне вам думать не стоит.

Он не отвечал и не двигался с места, точно ожидая ее дальнейших слов.

— М-р Вадингтон и сестры говорили мне удивительные вещи о вас. Я очень вами горжусь, Вальтер.

— Прежде это было не так, вы чувствовали ко мне презрение. Презираете ли вы меня и теперь?

— Разве вы не видите, что я вас боюсь?

Он не отвечал.

— Я вас не понимаю, — сказал он, наконец, — я не понимаю, чего вы собственно хотите.

— Для себя ничего. Я только хочу, чтобы вы были менее несчастны.

Она почувствовала, что ее слова неприятно поразили его. Он очень холодно ответил:

— Вы ошибаетесь, если думаете, что я несчастен. Я слишком занят, чтобы иметь время часто думать о вас.

— Мне бы хотелось, чтобы сестры разрешили мне работать в воспитательном доме. Их очень мало, и я была бы благодарна, если бы они мне позволили помочь им.

— Это нелегкая и не особенно приятная работа. Сомневаюсь, чтобы она долго забавляла вас.

— Вы чувствуете ко мне полное презрение, Вальтер?

— Нет, — он точно колебался, и голос его звучал странно, — я презираю самого себя.

36.

Это было после обеда. Как всегда, Вальтер сидел у лампы и читал. Каждый вечер, пока Китти не ложилась спать, он читал, а после этого уходил в лабораторию, которую он приспособил в одной из необитаемых комнат фанзы.

Там он работал до поздней ночи.

Он мало спал. Он занимался какими то изысканиями, какими — она не знала. Он ей ничего не говорил о своих занятиях, но и прежде он об этом никогда с нею не говорил; по натуре он не был откровенным.

Она старательно обдумывала все, что он ей сказал: их разговор не привел ни к каким результатам. Она так мало знала его, что не могла быть уверена, говорит ли он действительно то, что думает. Возможно ли предполагать, что она для него совершенно перестала существовать, в то время как его существование имеет для нее такое злое значение? Ее разговор, который прежде занимал его, потому что он ее любил, теперь, когда он ее больше не любит, может быть, кажется ему скучным. Эта мысль показалась ей обидной.

Она посмотрела на него. При освещении лампы его профиль выступал, как камей, профиль с тонкими и правильными линиями был очень красив, но выражение было суровое, даже мрачное. Он сидел в неподвижной позе, одни глаза его двигались по строчкам книги; и неподвижность эта наводила смутный ужас на Китти. Кто бы мог думать, что под влиянием страсти это строгое лицо могло принимать такое нежное выражение? Эта мысль возбуждала в ней дрожь отвращения.

Он был красивый, благородный, заслуживающий доверия и очень способный человек; удивительно, что Китти не была в состоянии его полюбить. Она с облегчением подумала о том, что ей никогда больше не придется терпеть его ласки.

Он не ответил на вопрос, когда она спросила, действительно ли он желал ей смерти, когда принуждал ее ехать сюда.

Тайна привлекала и ужасала ее.

Невероятно было думать, чтобы такой необыкновенно добрый человек мог иметь столь адское намерение. Он, вероятно, придумал это только для того, чтобы ее напугать и обличить Чарли, а потом из упрямства или из страха показаться смешным настаивал, чтобы она поехала.

Он сказал, что презирает самого себя. Что он хотел этим сказать? Китти еще раз взглянула на его спокойное, холодное лицо. Он, видимо, совсем забыл о ней, точно ее и в комнате не было.

— Почему вы презираете самого себя? — спросила она, почти не замечая того, что громко произносит эти слова и как бы продолжая начатый разговор.

Он положил книгу и задумчиво посмотрел на нее. Казалось, что он старался сосредоточить свои мысли.

— Потому, что я любил вас.

Она покраснела и отвернулась. Она не выносила его холодного, упорного взгляда. Отлично поняв смысл его слов, она не сразу ответила ему.

— Мне кажется, что вы ко мне несправедливы. Не надо ставить мне в вину, что я была пуста, легкомысленна и вульгарна. Меня такой воспитали. Все мои подруги были таковы. Это все равно, что упрекать кого-нибудь, у кого нет музыкального слуха, в том, что он скучает на симфоническом концерте. Справедливо ли меня осуждать за то, что вы мне приписали достоинства, которыми я не обладаю? Я никогда не пыталась обмануть вас, не притворялась, что я иная, чем я на самом деле. Я была только хорошенькой и веселой женщиной. Вы не станете искать жемчужного ожерелья или соболей в ярмарочном балагане; вы будете искать там оловянную трубу, или игрушечный воздушный шар.

— Я вас и не упрекаю.

Голос его звучал утомленно. Он начинал ее раздражать. Почему он не мог постичь того, что ей стало так ясно: что их личные дела ничтожны в сравнении с ужасом смерти, под угрозой которой они живут, и с величием красоты, которая на миг представилась ее взору? Какое могло иметь значение, что легкомысленная женщина ему изменила; как может ее муж, стоя лицом к лицу с высшей истиной, хоть на минуту придавать этому значение? Странно, что Вальтер, при всем его уме, этого не понимает. Он нарядил куклу в роскошные одеяния, поместил ее в храм, чтобы ей поклоняться, а, заметив, что кукла набита опилками, не умел простить этого ни себе, ни ей. Душа его была истерзана. Он жил самообманом и, когда истина разбила его иллюзии, решил, что и сама жизнь разбита. Это правда: он не мог ей простить, потому что не мог простить самому себе.

Ей показалось, что он вздохнул, и она быстро взглянула на него. Ей пришла внезапная мысль, от которой у нее захватило дыхание, и она чуть не вскрикнула громко: „Неужели это то, что называют разбитым сердцем? Так вот, чем он страдает“.

37.

Весь следующий день Китти думала о воспитательном доме. На другой день, рано утром, как только Вальтер ушел, она взяла с собою ама, которая должна была помочь достать носилки, и переехала через реку. День только начинался. Китайцы, наполнявшие паром, частью крестьяне в синих халатах, частью важные горожане в черных одеяниях, имели странный вид. Это были точно не живые люди, а мертвецы, которых барка перевозила

в царство теней. Сойдя на пристани, они стояли некоторое время в нерешительности, как бы раздумывая, куда им идти, затем по двое-трое вместе тихо побрели в гору. В этот час дня улицы были очень пусты, город более чем когда-либо напоминал город смерти. Редкие прохожие казались привидениями. Небо было безоблачно, восходящее солнце нежно озаряло своими лучами эту картину. В это ясное, свежее, веселое утро трудно было себе представить, что город задыхается в когтях заразы, как человек под рукою маниака, пытающегося его задушить. Было невероятно, чтобы природа (голубое небо было ясно, как сердце ребенка) была так равнодушна, в то время как люди корчились в агонии, с ужасом ожидая смерти.

Дверь отворилась. Ама объяснила, что Китти желает видеть надзирательницу. Ее опять привели в маленькую, душную приемную, в которой, повидимому, никогда не отворялись окна, и ей пришлось так долго ждать, что она стала бояться, не забыли ли доложить об ее приходе. Наконец, надзирательница вошла.

— Жалею, что вам пришлось так долго ждать, — сказала она, — я вас сегодня не ожидала, я была очень занята.

— Простите, что я вас беспокою. Кажется, я не во-время пришла?

Надзирательница улыбнулась ей своей строгой и вместе ласковой улыбкой и предложила сесть. Китти заметила, что у нее заплаканные глаза.

— Кажется, у вас случилось какое-то несчастье? — запинаясь, сказала она. — Не уйти ли мне? Я могу прийти в другое время.

— Нет, нет, скажите мне, чем я могу вам служить. Дело в том, что одна из наших сестер

умерла сегодня ночью. Голос ее задрожал, и глаза наполнились слезами.

— Как мне жаль, мне ужасно жаль, — сказала Китти.

Искреннее сочувствие Китти тронуло надзирательницу, и она заплакала.

— Это была одна из сестер, которые выехали вместе со мной из Франции десять лет тому назад. Теперь осталось нас только три.

Ее красивое, строгое лицо исказилось от горя, она делала усилия, чтобы удержать слезы. Китти отвернулась, боясь показаться нескромной.

— Я написала ее отцу. Она, как и я, была единственной дочерью. Ее родители — бретонские рыбаки, они будут очень огорчены. Когда же наконец кончится эта ужасная эпидемия? Две из наших девочек сегодня заболели, и так тяжело, что только чудо может их спасти. Китайцы вообще плохо переносят болезнь, в их организме нет сил сопротивления. У нас есть сестры в других общинах, здесь в Китае, я знаю, что все они готовы приехать по первому вызову. Я уверена, что всякая из них готова отдать все на свете, если бы им разрешили приехать сюда, хоть это было бы почти на верную смерть. До тех пор, пока нам удастся справиться с наличными сестрами, я не хочу, чтобы еще новые приносили себя в жертву.

— Это дает мне надежду, что моя просьба будет исполнена, — сказала Китти, — а то мне казалось, что я сегодня пришла в очень неудачный момент. В прошлый раз вы сказали, что у сестер слишком много работы, что они не успевают, и я надеялась, что вы мне разрешите приходить и помогать им. Я готова исполнять всякую работу, только бы быть полезной. Я буду благодарна даже, если вы меня заставите мыть полы.

Надзирательница весело улыбнулась. Китти удивила легкость, с которой она переходила из одного настроения в другое.

— Нет надобности мыть полы, это как-нибудь сделают и сироты. — Она замолчала и ласково посмотрела на Китти. — Мне кажется, дорогая, что довольно того, что вы приехали с мужем сюда. На это многим женам не хватило бы храбрости. Вы должны теперь окружать своего мужа заботой и лаской, служить ему утешением. Придя домой после работы, он должен найти около вас покой. Поверьте, он нуждается в вашей любви и попечении о нем. Какую более полезную работу можете вы найти?

Китти трудно было вынести внимательный, немного иронический взгляд надзирательницы.

— Мне решительно нечего делать с утра до вечера, — сказала Китти, — кругом столько работы, и мне тяжело сидеть без дела. Я не хочу быть назойливой. Я не имею права рассчитывать на вашу благосклонность, ни отнимать у вас времени, но я искренно говорю, что с вашей стороны будет большой милостью, если вы разрешите мне помочь вам.

— Я опасаясь, что у вас не хватит сил. Когда вы сделали нам удовольствие и посетили нас третьего дня, вы мне показались бледны. Сестра Жозефа предположила, что вы скоро будете матерью.

— Нет, нет, — вскричала Китти и покраснела до корней волос.

Надзирательница звонко рассмеялась.

— Этого нечего стыдиться, деточка, в этом предположении нет ничего невероятного. Как давно вы замужем?

— Я всегда бледна, это мой нормальный цвет лица, но я очень вынослива и обещаю вам, что работа меня не пугает.

Теперь надзирательница вполне овладела собою. К ней вернулся ее обычный повелительный тон, и она строгим, пытливым взором смотрела на Китти, как-будто оценивая ее.

Китти смутилась.

— Вы умеете говорить по-китайски?

— К сожалению, нет, — отвечала Китти.

— Жаль. Я могла бы вам поручить старших девочек. Они нуждаются в надзоре, а то, пожалуй, — как это по-вашему говорится? Они отобьются от рук, — заключила она со слабой усмешкой.

— Не могу ли я помогать сестрам ухаживать за больными? Я совсем не боюсь холеры. Я могла бы ухаживать за больными девочками или за солдатами.

Теперь уж без улыбки, с серьезным выражением лица, надзирательница отрицательно покачала головой.

— Вы не знаете, что такое холера. Это ужасное зрелище. Уход за больными солдатами поручен солдатам же, сестра только присматривает за ними. Что касается больных девочек... нет, нет, я уверена, что ваш муж этого не одобрит; на это слишком тяжело смотреть.

— Я привыкну со временем.

— Нет, об этом не может быть и речи. Уход за холерными больными — наша привилегия и обязанность. Вы же не имеете права это делать.

— Из ваших слов я должна вывести заключение, что я совершенно бесполезное и беспомощное существо. Не верится, чтобы для меня не нашлось никакого дела.

— 'Вы говорили мужу о вашем желании-здесь работать?

— Да.

Надзирательница пристально смотрела на Китти, точно желая заглянуть в тайники ее души, но, встретив ее тревожный, умоляющий взгляд, улыбнулась.

— Желание работать делает вам честь. Я найду вам какое-нибудь дело. Правда, с тех пор, как умерла сестра Франциска, нам трудно справиться. Когда вы собираетесь начать?

— Сейчас.

— *A la bonne heure!* Мне приятно это слышать.

— Обещаю вам стараться как только сумею и очень благодарна вам, что вы даете мне возможность работать.

Надзирательница отворила дверь приемной, но на пороге опять остановилась и, ласково положив руку на руку Китти, сказала:

— Знайте, дитя мое, что на свете нельзя найти покоя, ни в работе, ни в развлечениях, его можно найти только в собственной душе.

Китти вздрогнула. Надзирательница быстро вышла из комнаты.

38.

Работа действовала на Китти успокоительно. Каждое утро, очень рано, сразу после восхода солнца, она отправлялась в воспитательный дом и возвращалась в свою фанзу только, когда лучи заходящего солнца озаряли золотистым блеском узенькую реку и бесчисленное количество запружающих ее джонок. Мать Китти была родом из Ливерпуля; оттуда она привезла в Лондон солидные

познания по хозяйству. Китти, несмотря на свое наружное легкомыслие, также обладала некоторыми талантами, о которых упоминала только в шуточном тоне. Она готовила очень хорошо и шила великолепно. Теперь, когда она обнаружила эти таланты, ей поручили надзирать за шитьем девочек. Они знали несколько слов по-французски, а Китти запоминала каждый день несколько новых китайских слов, так что разговор с ними не очень ее затруднял. Остальное время она посвящала маленьким детям: следила за их играми и шалостями. Одевала, раздевала и укладывала спать. Самые маленькие были под надзором ама, за которыми Китти было поручено следить. Все это были дела незначительные, и ей очень хотелось, чтобы ей дали более трудную работу, но надзирательница не обращала внимания на ее просьбы. Чувство глубокого уважения, которое питала к ней Китти, не позволяло ей быть докучливой.

Некоторое время Китти приходилось делать над собою усилие, чтобы превозмочь отвращение, которое внушали ей эти девочки: круглые, желтые лица, черные, совсем прямые волосы, вытаращенные черные глаза. Они были однообразно одеты в некрасивые, форменные костюмы. Она вспоминала нежную улыбку надзирательницы, когда та стояла, окруженная толпой этих уродцев в день первого посещения Китти. Как вся физиономия ее преобразилась и приняла выражение бесконечной доброты. В этой мысли Китти черпала силу побороть в себе неприязнь к ним.

Сестры были заняты с утра до вечера, у них было такое множество разных дел, что Китти их почти не видела, но с сестрой Жозефой они скоро сошлись. Отношения были фамильярные, но задушевной дружбы между ними не было. Все хозяйство

дома было ей поручено, и забота о материальном благосостоянии многочисленных питомцев была не легка, требовала много работы. Жозефа любила вечером приходить и смотреть, как Китти занималась шитьем с девочками. Приходила ненадолго посидеть и поболтать с нею. При этом она объявляла, что у нее ни минуты свободной нет и что она до смерти устала. В отсутствии надзирательницы, Жозефа была болтлива и весела. Она любила пошутить и даже не прочь была посплетничать. Китти ни малейшего страха к ней не чувствовала и весело с ней болтала. Она, не стесняясь, поправляла Китти, когда та делала ошибки во французском языке, и они обе смеялись над этими ошибками. Сестра каждый день учила ее нескольким новым китайским словам. Она была дочерью фермера и до сих пор осталась в душе крестьянкой.

— Я пасла коров в детстве, — говорила она, — отец часто сек меня, я была предричная девчонка. Теперь мне стыдно вспоминать, какие только шалости я ни выкидывала.

Китти смеялась, представляя себе, как эта полная, пожилая сестра была когда-то своенравной, шаловливой девчонкой. Однако, и теперь в ней оставалось что-то детское, ее нельзя было не любить. Глядя на нее, Китти вспоминала аромат деревенской осени, когда яблони гнутся под тяжестью зрелых плодов, и жатва благополучно свезена в амбары. В сестре Жозефе не было строгого величия надзирательницы, она была просто весела и беззаботно счастлива.

Весело разговаривая с ней в этой мирной обстановке, трудно было представить себе, что там, за этими четырьмя стенами, свирепствует холера. Беспечность сестры передавалась и Китти.

Сестра с наивным любопытством расспрашивала Китти о городской жизни и о беспечных людях. Она закидала ее вопросами о Лондоне, об Англии вообще. Она воображала, будто там всегда такой туман, что собственной руки перед носом не различишь. Ее интересовало, — ездила ли Китти на балы, жила ли она в комфортабельном доме и сколько у нее было братьев и сестер. Она часто говорила о Вальтере, что надзирательница очень высокого мнения о нем, что она его считает удивительным человеком. И о том, какая Китти счастливая, что имеет такого хорошего, доброго и умного мужа.

39.

Китти испытывала странное ощущение: ей казалось, что она вырастает. Непрерывная работа привлекала ее; новые впечатления, вынесенные из наблюдений над жизнью других, пробудили ее воображение. К ней возвращалось хорошее настроение, она чувствовала себя бодрее и сильнее.

До сих пор ей казалось, что она способна только плакать, но, к ее удивлению и немалому конфузу, она ловила себя на том, что готова смеяться над всяким пустяком. Жить среди страшной эпидемии стало ей казаться естественным. Она знала, что и справа и слева люди умирают, но она перестала об этом думать. Надзирательница запретила ей входить в лазарет, и его закрытые для нес двери возбуждали ее любопытство. Она хотела заглянуть туда, но не могла сделать это незаметно и боялась наказания со стороны надзирательницы. Было бы ужасно, если бы ее отсюда выгнали, она теперь полюбила детей, и они будут очень жалеть, если она уйдет; она даже не представляла себе,

как они обойдутся без нее. Однажды ей пришло в голову, что ни разу, в течение недели, она не вспомнила Чарли Таунсэнда, и ни разу не видела его во сне. Сердце у нее застучало, она поняла, что излечилась от любви. Она могла теперь думать о нем совершенно равнодушно. Она больше его не любила. Какое счастье — какое чувство избавления от гнета! Как странно было теперь вспоминать, что она страстно стремилась к нему, что ей казалось, будто она умрет, если он ее бросит, будто жизнь впереди ничего ей не даст, кроме страданий и муки. А теперь она уже смеется. Презренная! Какую жалкую роль она сыграла! Хладнокровно рассуждая, было непонятно, что ее в нем привлекало. Хорошо, что Вадингтон ничего не знает, она не вынесла бы его насмешливых взглядов и иронических намеков.

Свободна наконец, свободна! Она чуть не рассмеялась.

Дети играли в какую-то шумную игру, и она, по обыкновению, с снисходительной улыбкой следила за ними, вмешиваясь только, когда они слишком громко кричали, или когда ей казалось, что они могут ушибить друг друга. В охватившем ее веселом настроении, Китти почувствовала себя такой же молодой, как они. Ей захотелось принять участие в их играх. Девочки страшно этому обрадовались и принялись гоняться за ней по всей комнате с дикими, пронзительными криками восторга. Шум поднялся ужасный.

Вдруг дверь отворилась, и надзирательница оставалась на пороге. Смущенная Китти с трудом высвободилась из рук вцепившихся в нее девочек; их было не менее дюжины.

— Так-то вы наблюдаете за порядком? — сказала надзирательница с улыбкой.

— Мы играли. Они вошли в азарт. Вина моя, я их не уняла.

Надзирательница подошла, и дети, как всегда, столпились около нее. Она обнимала их за плечи и ласково трепала за желтые уши. Пристальным, ласковым взглядом она смотрела на Китти. Та покраснела и часто дышала. Ее нежные глаза блеснули, волосы от игры и смеха живописно растрепались.

— *Que vous êtes belle, ma chère enfant*,—сердце радуется, на вас глядя. Не удивляюсь, что дети так любят вас.

Китти покраснела и, неизвестно почему, глаза ее наполнились слезами. Она закрыла лицо руками.

— Не говорите так, мне стыдно слушать.

— Глупости. Красота — тоже божий дар, и один из самых редких и ценных. Мы должны быть благодарны, если ею обладаем, и радоваться, если нам дано ею любоваться.

Она снова улыбнулась и ласково, как ребенка, погладила ее по щеке.

40.

С тех пор, как Китти работала в воспитательном доме, она реже видела Вадингтона. Раз два или три он ходил ей навстречу на берег реки, и они вместе спускались вниз.

Он заходил к ним выпить виски с содовой, но редко оставался обедать. В один из воскресных дней он предложил ей взять с собой завтрак и отправиться на носилках в буддийский монастырь, который находился милях в десяти от города и привлекал много богомольцев. Надзирательница требовала, чтобы Китти по воскресеньям отдыхала, а Вальтер и по праздникам работал так же усердно, как

всегда. Они выехали рано, чтобы избежать жары. Их несли на носилках по узкому шоссе между рисовыми полями.

Изредка они проходили мимо веселых фермерских домиков, уютно расположенных среди бамбуковых рощ. Китти с наслаждением предавалась отдыху; после городской тесноты приятно была широкая даль полей. Они подошли к монастырю. Это были низкие, разбросанные по берегу реки строения, живописно обсаженные деревьями. Приветливый монах повел их через пустые, какие-то торжественно пустые дворы и показал им несколько храмов с безобразно гримасничавшими богами. В святилище сидел Будда, чуждый, грустный, задумчивый, с улыбкой на губах. На всем лежала печать заброшенности, все великолепие было истлевшее и разрушенное. Боги покрылись пылью, и создавшая их вера умирала. Казалось, монахи чувствовали, что им разрешают тут жить только из снисхождения и ждали уведомления о том, что им надлежит удалиться. В улыбке жреца, при всей его изысканной вежливости, сквозила ироническая покорность. Может быть, скоро, на-днях, монахам придется покинуть эту красивую тенистую рощу, и запущенные, разваливающиеся постройки будут сметены лютыми бурями и осажены окружающей природой. Дикие ползучие растения обовьются вокруг мертвых идолов, и дворы зарастут деревьями.

41.

Они сели на ступени маленького здания (четыре покрытых лаком колонны, высокая черепичная крыша, под которой висел большой бронзовый колокол) и смотрели на воды извилистой реки,

медленно катившиеся по направлению к городу. Они различали зубчатые стены, окружающие его.

Жара висела над ними, как завеса. Медленно текущая река все же представляла собой непрерывное движение и навевала меланхолические мысли о бренности всего земного. Все проходит и не оставляет за собою следа. Китти казалось, что все люди, все человечество, подобно каплям воды в этой реке, плывут близко и в то же время далеко друг от друга, безымянным потоком в море. Раз все в жизни так скоро проходит и, в сущности, так мало значит, смешно, когда люди придают такое важное значение пустякам и терзают из-за них себя и других.

— Вы знаете Харрингтон Гарденс? — спросила она, и в ее прекрасных глазах мелькнула улыбка.

— Нет. Отчего вы спрашиваете?

— Так. Это очень далеко отсюда. Там живут мои родители.

— Вы собираетесь ехать домой?

— Нет.

— Я думаю, что месяца через два вы отсюда уедете. Эпидемия слабеет и с наступлением прохладной погоды совсем прекратится.

— Мне кажется, мне будет почти жалко уехать.

На минуту она задумалась о будущем. Что собирается делать Вальтер, она не знала, он ей никогда ничего не говорит.

Он был холоден, вежлив, молчалив и непроницаем. Они оба были подобны каплям этой реки, которая молчаливо текла к неизвестности, — две маленькие капли, которые им самим казались такими значительными, но в глазах наблюдателя были только неразличимой частью воды.

— Отчего вы мне никогда не говорили, что вы живете с манджурской принцессой?

— Что вам наговорили эти старые сплетницы? Сестрам не надо бы заниматься обсуждением частных дел таможенного чиновника.

— Зачем вы обижаетесь?

Ваддингтон опустил глаза и глянул в сторону, что придало ему лукавый вид. Он пожал плечами.

— Зачем это разглашать? Не думаю, чтобы это могло способствовать моему повышению по службе.

— Вы очень ее любите?

Он поднял на нее глаза, и его некрасивое маленькое личико сделалось похожим на лицо скверного, испорченного мальчишки.

— Она всем пожертвовала ради меня: домом, семьей, обеспеченностью и самолюбием. Уж много лет прошло с тех пор, как она все бросила, чтобы только не расставаться со мной. Несколько раз я ее выгонял, она всегда возвращалась назад. Я сам от нее убегал, и она всегда следовала за мной. Теперь я это бросил, ничего из этого не выйдет, я уверен, что мне придется терпеть ее до конца моих дней.

— Очевидно, она горячо вас любит.

— У меня очень странное чувство,—отвечал он, недоуменно наморщив лоб,—я не сомневаюсь ни на минуту, что, если только я действительно и окончательно брошу ее, она окончит жизнь самоубийством. Она это сделает не по злобе на меня, но просто потому, что жить без меня она не может. Очень странно и неприятно знать это. Такая мысль не может не иметь значения для человека.

— Ведь важнее всего самому любить, а не только быть любимым. Мы никогда не чувствуем благодарности к тем, кто нас любит; если мы сами их не любим, то они только надоедают нам.

— В этом отношении я не имею опыта во множественном числе, а только в единственном.

— Она действительно принцесса царской крови?

— Нет, это романтическое преувеличение сестер. Она действительно принадлежит к одному из самых уважаемых семейств в Манджурии; конечно, их разорила революция. Во всяком случае, она выдающаяся женщина.

Он произнес эти слова таким гордым тоном, что Китти не могла удержаться от улыбки.

— Значит, вы останетесь здесь навсегда?

— В Китае? Конечно. Что бы она стала делать в другом месте? Когда я выйду в отставку, я найму маленький дом в Пекине и проживу там остаток моих дней.

— Есть у вас дети?

— Нет.

Она смотрела на него с любопытством. Ей казалось странным, что этот плешивый человек с обезьяньим лицом сумел возбудить такую неудержимую страсть к себе в этой чужестранке. Она не могла отдать себе отчета, почему тон, каким он говорил о ней, несмотря на его небрежную манеру, так убедил ее, что та женщина действительно любит его пламенной, самоотверженной любовью.

Ее это смущало.

— Как далеко отсюда Харрингтон Гарденс? — с улыбкой спросила она.

— Почему вы это говорите?

— Я ничего больше не понимаю. Жизнь такая удивительная вещь. У меня такое ощущение, будто я прожила всю жизнь близ утиной лужи и вдруг увидела море. Я немного задыхаюсь от волнения, но вместе с тем чувство гордости наполняет меня. Я не хочу умирать, я хочу жить. Я ощущаю в себе новый прилив сил. Я — как моряк, который наставил паруса для странствия в неоткрытые моря. Моя душа жаждет неизвестного.

Вадингтон задумчиво смотрел на нее. Она рассеянно глядела на тихие воды реки. Две маленькие капли, тихо-тихо плывущие к темному, вечному морю...

— Можно мне поехать к манджурской даме? — неожиданно спросила Китти.

— Она не говорит ни слова по-английски.

— Вы были так добры ко мне. Вы так много для меня сделали, может быть, я своей манерой, своими знаками сумею выразить ей свои дружеские чувства.

Вадингтон насмешливо улыбнулся, но добродушно отвечал:

— Я когда-нибудь заеду за вами, и она угостит вас чашкой жасминного чаю.

Она не хотела ему признаваться, что история этой любви сразу и странным образом подействовала на ее воображение и что манджурская принцесса являлась для нее теперь символом, смутно и упорно манившим ее. Принцесса загадочным образом указывала на таинственный мир человеческого духа.

42.

Несколько дней спустя, Китти сделала злополучное открытие. Как всегда, она отправилась в воспитательный дом и приступила к своим утренним обязанностям: умыванию и одеванию детей. Воздух в дортуарах был спертый и тяжелый, так как сестры боялись отворять окна на ночь. После свежего утреннего воздуха Китти было всегда тяжело вдыхать эту атмосферу, и она спешила раскрыть окна. Сегодня она почувствовала себя особенно плохо, голова кружилась и, стоя у открытого окна, она жадно вдыхала воздух. Никогда ей не было так худо,

как сегодня. Вдруг ее невыносимо затошнило и вырвало. Она вскрикнула, и перепуганные дети окружили ее, одна из старших девочек — ее помощница — прибежала и, увидев Китти бледною, дрожащею, остановилась, как вкопанная, и закричала: „Это холера!“

Эти слова ошеломили Китти; ей показалось, что она умирает. Ужас овладел ею, на миг она пыталась сбросить надвигающуюся на нее тьму, которая мучительно обволакивала ее существо. Потом она потеряла сознание.

Когда Китти открыла глаза, она не сразу очнулась и не знала, где находится. Повидимому, она лежит на полу. Слегка пошевелившись, почувствовала, что под голову ей подложили подушку... Как это произошло, она вспомнить не могла. Надзирательница стояла около нее на коленях и держала у ее носа флакон с нашатырным спиртом, а сестра Жозефа молча смотрела на нее. Вдруг она вспомнила: холера! Она видела смущенные лица сестер, и ужас опять овладел ею. Она зарыдала.

— Неужели я умру? Я не хочу умирать.

— Вы и не собираетесь умирать, — сказала надзирательница, которая казалась очень спокойной и даже веселой.

— Но ведь это холера! Где Вальтер? Послали вы за ним?

Она снова залилась слезами. Надзирательница протянула ей руку, и Китти схватила ее, как бы ища в ней спасения.

— Полноте, полноте, деточка, успокойтесь, не надо так волноваться. Это не холера и ничего похожего на нее.

— Где Вальтер?

— Ваш муж очень занят, его нельзя беспокоить по пустякам. Через пять минут вы будете совершенно здоровы.

Китти смотрела на нее неподвижными, измученными глазами. Как могла она так хладнокровно к этому относиться? Это жестоко с ее стороны.

— Полежите смирно несколько минут, — сказала надзирательница. — Вам решительно не о чем беспокоиться.

Сердце Китти билось неровно. За последнее время она так свыклась с холерой, что ей никогда не приходила мысль, что и она сама может заболеть. Как она была глупа! Теперь она знала, что должна умереть и страшно этого боялась. Девочки внесли большое плетеное тростниковое кресло и поставили его у открытого окна.

--- Мы вас перенесем в кресло, там вам будет удобнее, --- сказала надзирательница, — можете вы стоять на ногах?

Она взяла Китти под руку, а сестра Жозефа помогла ей подняться. Измученная, ослабевшая, она опустилась в кресло.

— Не закрыть ли окно? — сказала Жозефа, — воздух может ей повредить.

--- Нет, нет, — сказала Китти, — оставьте его открытым, пожалуйста.

Вид голубого неба как-то успокаивал ее. Она была еще очень взволнована, но чувствовала, что ей делается лучше. Обе сестры молча смотрели на нее. Сестра Жозефа что-то сказала надзирательнице, чего Китти не поняла. Надзирательница села подле нее и взяла ее руку.

— Послушайте, *ma chère enfant*...

Она задала ей несколько вопросов, значение которых было Китти неясно. Губы Китти так дрожали, что она едва могла произносить слова.

— В этом нельзя сомневаться, — сказала сестра Жозефа, — меня не обманешь.

Она засмеялась ласковым, слегка возбужденным смехом. Надзирательница продолжала держать Китти за руку и нежно ей улыбалась.

— Сестра Жозефа опытнее меня в этих вещах и сразу угадала причину вашего недомогания. Очевидно, она права.

— Что вы хотите этим сказать? — беспокойно спросила Китти.

— Это ясно. Разве вам никогда не приходило в голову, что это может случиться? Вы готовитесь стать матерью.

Китти вся вздрогнула и опустила ноги на пол, намереваясь соскочить с кресла.

— Лежите смирно, — сказала надзирательница.

Китти чувствовала, как все ее лицо заливается краской; она крепко прижала к груди руки.

— Это не может быть. Это неправда.

— *Qu'est ce qu'elle dit*, — прошептала сестра Жозефа.

Надзирательница перевела. Краснощекое, милое толстое лицо сестры Жозефы сияло.

— Никакой ошибки нет. Даю вам честное слово, что это так,

— Как давно вы замужем? — спросила надзирательница. — Ну что ж, в такой промежуток времени моя невестка имела уже двоих детей.

Китти в изнеможении опустилась в кресло. Сердце ее было полно ужаса.

— Мне так стыдно, — прошептала она.

— Стыдно оттого, что у вас будет ребенок? Как этого можно стыдиться? Эта самая естественная, обыкновенная вещь.

— *Quelle joie pour le docteur*, — сказала сестра Жозефа.

— Конечно! Подумайте, какое это счастье для вашего мужа! Он будет вне себя от радости. Стоит

только вспомнить его лицо, когда он смотрит на маленьких или играет с ними, чтобы понять, как он будет счастлив иметь собственного ребенка.

Некоторое время Китти молчала. Обе сестры ласково смотрели на нее, и надзирательница поглаживала ей руку.

— Глупо было с моей стороны не догадаться об этом, — сказала Китти, — во всяком случае, я рада, что это не холера. Мне гораздо лучше, я опять примусь за работу.

— Не сегодня, дорогая, после такого потрясения вам лучше вернуться домой отдохнуть.

— Нет, нет! Мне гораздо приятнее остаться здесь и работать.

— Я настаиваю на этом. Что скажет наш милый доктор, если я позволю вам быть неосторожной? Приходите завтра или послезавтра, если хотите. Сегодня вы должны отдохнуть. Я пошлю за носилками. Не хотите ли, чтобы одна из наших девочек вас проводила?

— Нет, благодарю вас, я отлично справлюсь одна.

43.

Китти лежала в постели; ставни были закрыты. Это было после завтрака, и все слуги гуляли. То, что она сегодня утром узнала (теперь она была убеждена, что это правда), наполняло ее ужасом. С тех пор, как она вернулась домой, она старалась хорошенько все обдумать, но мозг отказывался работать, и она не могла сосредоточить мысли. Вдруг она услышала стук сапог, это не мог быть кто-либо из слуг. Она поняла, что то был ее муж и испугалась. Он вошел в гостиную и позвал ее.

Она не отказывалась. Минутная пауза — и он постучал в ее дверь.

— Что такое?

— Могу я войти?

Китти встала с постели и накинула капот. Он вошел. Китти была рада, что при закрытых ставнях он не мог рассмотреть ее лицо.

— Надеюсь, я не разбудил вас? Я постучал очень тихо.

— Я не спала.

Он подошел к окну и отворил ставни. Яркий, теплый свет озарил комнату.

— Что случилось? — спросила она, — отчего вы так рано вернулись?

— Сестры сказали мне, что вы нездоровы. Я подумал, что надо пойти домой и узнать, в чем дело.

Она рассердилась.

— Что бы вы сказали, если бы оказалось, что я заболела холерой?

— Если бы это была холера, вы бы сегодня не добрались домой.

Она подошла к туалету и поправила гребенкой растрепавшиеся волосы. Ей хотелось выиграть время. Она села и закурила папироску.

— Сегодня утром мне нездоровилось, и надзирательница нашла, что мне лучше вернуться домой. Теперь я чувствую себя совсем хорошо и завтра утром пойду на работу, как всегда.

— Что с вами было?

— Разве вам не сказали?

— Нет. Надзирательница сказала, что вы сами мне расскажете.

Теперь он сделал то, что редко делал. Он посмотрел ей прямо в лицо. Профессиональный инстинкт взял верх над личными чувствами. Она колебалась, потом заставила себя посмотреть ему в глаза.

— У меня будет ребенок, — сказала она.

Она привыкла к его манере спокойно выслушивать то, что у другого вызвало бы возглас удивления; но теперь его хладнокровие более чем когда-либо казалось ей нестерпимым.

Он не сказал ни слова, не сделал ни одного жеста. Лицо было неподвижно, в темных глазах не видно было перемены, которая доказывала бы, что он слышал то, что она сказала.

Ей хотелось плакать. Если муж любит жену, и она его любит, то в такую минуту их неудержимо влечет друг к другу мучительное волнение, переживаемое обзими. Наступившее молчанье было невыносимо; она решила прервать его.

— Я не знаю, отчего мне раньше не приходило это в голову, это очень глупо с моей стороны, но... некоторые признаки...

— Как давно... Когда вы предполагаете родить?

Он с усилием произносил слова. Она чувствовала, что у него, как и у нее, пересохло горло. Досадно, что у нее так дрожат губы при разговоре. Если он не камень, а человек, она должна внушать ему жалость.

— Мне кажется, я беременна уже два — три месяца.

— Я отец?

Она вздрогнула. В голосе его слышалась дрожь. Как ужасно его суровое самообладание, при котором малейшее доказательство волнения производило такое потрясающее впечатление. Неизвестно почему она вдруг вспомнила прибор, который ей показывали в Чинг-Иене: в нем была игла, которая слегка качалась и показывала, что за тысячу верст отсюда — землетрясение, и тысячи людей погибают. Она взглянула на него. Он был страшно бледен.

Таким бледным она его видела уже раз или прежде. Он смотрел вниз и немного в сторону.

— Я жду.

Она судорожно сжала руки. Она знала, что утвердительный ответ на его вопрос был бы для него величайшей радостью. Он бы ей поверил, конечно, он бы поверил ей, потому что ему так хотелось этого; и тогда он бы простил ее.

Она сознавала, какая нежная, любящая натура таится в нем, и как для него радостно изливать эту нежность, несмотря на свойственную ему застенчивость. Он бы простил ее, если бы она дала для этого предлог, предлог, который бы тронул его сердце. Он простил бы окончательно, бесповоротно. Она знала, что он никогда не упрекнет ее за прошлое. Он мог быть жестоким, мрачным, холодным, но подлым, мелочным — никогда. Все бы изменилось, если бы она могла сказать: да.

Неожиданное открытие, сделанное ею сегодня, преисполнило ее новыми надеждами и до тех пор неиспытанными желаниями. Она чувствовала себя слабой, испуганной, одинокой; у нее не было здесь ни одного близкого человека. Сегодня утром она даже вспомнила свою мать, которую не любила; ей хотелось быть около нее. Она нуждалась в поддержке и утешении. Она не любила Вальтера и знала, что никогда его не полюбит, но в эту минуту хотела, чтобы он ее обнял; она положила бы голову к нему на грудь и плакала бы от счастья. Ей хотелось, чтобы он ее поцеловал, а она бы обвила его шею руками.

Она зарыдала. Слишком много она уже лгала и слишком легко давалась ей ложь. Не беда солгать, если только это принесет пользу. Легко сказать: да. Она представляла себе, как смягчится его взор и как он протянет к ней свои объятия. Она не могла

этого сказать, сама не зная почему, — не могла. Все пережитое за это тяжелое время — Чарли и его жестокость к ней, холера и все люди, от нее погибающие, сестры, даже смешно сказать, этот комичный, всегда пьяный, маленький Ваддингтон, — так повлияло на нее, что она себя не узнавала. В тревожном волнении ей казалось, что какой-то посторонний зритель в ее душе наблюдает за ней с изумлением и ужасом. Нужно было говорить правду. Не стоило лгать. Ее мысли как-то странно блуждали, — она вдруг вспомнила мертвого нищего, лежавшего у стены. Почему она вспомнила о нем? Она перестала громко плакать, слезы тихо катились по ее щекам. Наконец она ответила на его вопрос. Он педь спросил ее, — он ли отец ее ребенка.

— Я не знаю, — сказала она.

Он усмехнулся. Китти задрожала.

— Это не очень удобно, не правда ли?

Его ответ был очень характерен. Это было как-раз то, что она ожидала. Но сердце ее упало. Ей хотелось знать, понимал ли он, как трудно ей было сказать правду (в ту же минуту она почувствовала, что вовсе не трудно, а просто необходимо) и оценил ли он по достоинству ее поступок? Ее ответ: „Я не знаю, я не знаю“ стучал у нее в голове, как молоток. Взять назад эти слова было теперь невозможно.

Она вынула из мешочка носовой платок и вытерла глаза. Больше они не разговаривали. На столе, у ее постели, стоял сифон, и он налил ей стакан воды. Он подал ей стакан и держал его, пока она пила. Она заметила, как похудела его рука — у него были красивые тонкие руки с длинными пальцами, — теперь они обратились в кожу и кости. Рука немного дрожала: он владел своим лицом, а рука выдавала его.

--- Не обращайтесь внимания на мои слезы, - сказала она, - это ничего...

Она выпила воду и поставила стакан на место. Он сел и закурил. Вдохнул. Уже и раньше слыхала она его вадох и всегда при этом щемило ее сердце. Она смотрела на него и поражалась, до какой степени он исхудал за последнее время. Виски ввалились, кости черепа явно выступали изпод натянутой кожи. Надетое на нем платье было для него слишком широко, точно скроено на другого, более толстого, чем он. Вид у него был истощенный. Он слишком много работал, мало спал и почти ничего не ел. Она сумела пожалеть его, несмотря на свое личное горе и расстройство. Как тяжела мысль, что она ничем помочь ему не может!

Он поддерживал рукою лоб, как-будто от головной боли, и ей представлялось, что и у него в голове стучало молотком: „Я не знаю“, „я не знаю“. Странно, что этот мрачный, холодный и застенчивый человек так любил маленьких детей; большинство мужчин так не любит и своих собственных. Если он питал такие чувства к смешным маленьким китайчатам, что бы он чувствовал к своему собственному ребенку? Китти закусилa губы, чтобы снова не заплакать.

Он посмотрел на часы.

— Мне надо идти обратно в город. Много работы сегодня... Как вы себя чувствуете?

— Очень хорошо. Не беспокойтесь обо мне.

— Не ждите меня к обеду. Я поздно приду. Я съем что-нибудь у полковника Ю.

— Хорошо.

Он встал.

— На вашем месте я бы сегодня ничего не делал. Не волнуйтесь и не огорчайтесь. Не нужно ли вам чего-нибудь от меня, до моего ухода?

— Благодарю, нет. Не беспокойтесь, со мной ничего не случится.

На минуту он остановился, как бы в нерешительности, затем взял шляпу и быстрыми шагами, не взглянув на нее, вышел из комнаты.

Она слышала его шаги, когда он проходил по улице мимо фанзы. Она почувствовала себя страшно одинокой. Теперь незачем было сдерживаться, и она дала волю душившим ее слезам.

44.

Ночь была жаркая. Китти сидела у окна и смотрела на фантастические очертания крыш китайского храма, темной массой выступающие на фоне звездного неба, когда Вальтер вернулся, наконец, домой. Ее глаза распухли от слез, но она была спокойна.

Несмотря на все терзания, она не в силах была больше волноваться, — вероятно, то было следствие крайнего утомления.

— Я думал, вы уже в постели, — сказал Вальтер.

— Мне не хотелось спать. Здесь у окна свежее. Вы обедали?

— Да, я сыт.

Он стал медленно ходить взад и вперед по комнате и, видимо, собирался что-то сказать. Она видела, что он затрудняется, и безучастно ждала, когда он решится заговорить.

Внезапно он произнес:

— Мне кажется, вам лучше всего уехать. Я говорил об этом с полковником Ю; он вам даст конвой. Вы возьмете с собой амá и доедете совершенно благополучно.

— Куда же мне ехать?

— Вы можете поехать к матери.

— Не думаю, чтобы она была мне рада.

Он колебался и замолк в нерешительности.

— В таком случае вы можете ехать в Чинг-Иен.

— Что мне там делать?

— Вам нужны удобства и уход. Я считаю нечестным держать вас здесь.

Ей стало смешно, и на лице ее мелькнула горькая усмешка. Взглянув на него, она чуть не расхохоталась.

— Я не понимаю, зачем вы так заботитесь о моем здоровье?

Он подошел к окну и молча смотрел в темную ночь. В безоблачном небе было так много звезд, как никогда.

— Здесь не место женщине в вашем положении.

Она смотрела на него; в легком, белом костюме он выделялся из темноты. Было что-то зловещее в его красивом профиле, и, как ни странно, это ее теперь не пугало.

— Когда вы настаивали на моем приезде сюда, вы думали меня этим погубить? — неожиданно спросила она.

Он медлил ответом, она подумала, что он не хочет отвечать на ее вопрос.

— Да, вначале.

Она вздрогнула; в первый раз он признался в своем намерении. Зла она ему за это не желала. Это ощущение удивило ее; в нем было некоторое восхищение. Она не могла бы сама объяснить почему, но, вспомнив вдруг Чарли Таунсэнда, она подумала: „Какой он дурак!“

— Вы брали на себя риск; при вашей чувствительной совести, вы бы никогда не простили самому себе, если бы я погибла.

— Но вы живы. Это для вас оказалось полезным, и вы даже поправились.

— Я никогда не чувствовала себя так хорошо, как теперь.

Она подумала, не лучше ли обратиться к его чувству юмора. После всего, что они пережили и теперь переживают, видя кругом только картины ужаса и опустошения, казалось глупым придавать значение ничтожному поступку, называемому изменой. Когда смерть стояла за каждым углом и пожирала людские жизни с легкостью садовника, выкапывающего из грядок картофель, глупо было принимать к сердцу грязные дела, которые тот или другой человек творит со своим телом... Если бы он мог понять, как мало значит для нее Чарли Таунсэнд. Только с трудом, усилием воображения могла она теперь представить себе черты его лица; любовь к нему совершенно исчезла из ее сердца. Чувства к Чарли у нее больше не было, и потому все действия, которые они вместе совершали, потеряли всякое значение. Она вернула себе свое сердце, а то, что она отдавалась телом, в ее глазах потеряло всякую цену.

Ей хотелось сказать Вальтеру:

— Не пора ли нам перестать дурить? Мы дулись друг на друга, как дети. Поцелуемся и помиримся. Отчего бы нам не быть друзьями, если мы не можем остаться любовниками?

Он стоял недвижно; при свете лампы его равнодушное лицо казалось чрезмерно бледным. Она ему не доверяла: знала, что если скажет не то именно, что надо сказать, он с ледяной суровостью нападет на нее. Знала его крайнюю обидчивость, которую он скрывал под личиной едкой насмешки, и знала, как быстро он замыкал свое сердце при малейшей обиде. Ее раздражала его непонятливость. Конечно,

он страдал больше всего от оскорбленного самолюбия, и она сознавала, что эту рану всего труднее излечить. Странно, что мужчины придают такое значение добродетели своих жен; она сама, когда сделалась любовницей Чарли, думала, что почувствует себя совсем другой женщиной. Между тем она испытала только удовлетворение и прилив жизненных сил. Она жалела теперь, что не решилась сказать Вальтеру, что ребенок его; солгать ей было не трудно, а эта уверенность доставила бы ему огромное утешение. Быть может, то не было бы ложью. Странно, но что-то в ее сердце мешало ей высказать предположение, которое могло быть правдой. Как глупы мужчины! Как ничтожно их участие в рождении детей! Женщина носит ребенка в течение долгих тяжелых месяцев и в муках рождает его, в то время как мужчина, имеющий к этому только минутное отношение, предъявляет нелепые права на него. Почему он должен меньше любить его? Потому только, что это не его ребенок? Китти подумала о ребенке, который у нее родится. Думала не с любовью, не с пробудившимся, страстным чувством материнства, а просто с любопытством.

— Вам надо обдумать это, — прервав продолжительное молчание, сказал Вальтер.

— Что обдумать?

Он посмотрел на нее удивленно.

— Решить, когда вам лучше ехать.

— Я не хочу уезжать.

— Почему?

— Я люблю свою работу в воспитательном доме. Мне кажется, что я там приношу пользу. Я хотела бы остаться здесь до вашего отъезда.

— Я должен вас предупредить, что в вашем положении вы больше подвергаетесь опасности, заражения, чем прежде.

— Я очень ценю деликатность, с которой вы мне это сообщасте, — отвечала она с иронической улыбкой.

— Вы, может быть, хотите остаться здесь ради меня?

Она медлила с ответом. Он не подозревал того, что и для нее явилось неожиданностью: чувство жалости к нему говорило в ней все сильнее.

— Нет. Вы не любите меня. Мне кажется, я только вам надоедаю.

— Я не думал, что вы из тех женщин, что способны жертвовать своими удобствами для нескольких несчастных сестер и кучи китайских ребят.

Китти улыбнулась.

— Мне кажется, что несправедливо с вашей стороны так презирать меня, и только за то, что вы ошиблись во мне. Не моя вина, что вы были глупы.

— Если вы решили остаться — оставайтесь, вы имеете полное право собой распоряжаться.

— Мне жаль, что я лишаю вас случая показать ваше великодушие. — Ей трудно было говорить с ним серьезно. — В сущности, вы правы, я остаюсь здесь только ради себя; я в исключительном положении, у меня нет на свете ни одной души, к которой я могла бы поехать. Для всех, кого я знаю, я была бы обузой. Никому нет дела до того, жива ли я или умерла.

Он нахмурился, но его глаза не выражали злобы.

— Мы страшно исковеркали нашу жизнь, не правда ли? — сказал он.

— Вы все-таки имеете намерение развестись со мной? Теперь я отношусь к этому равнодушно.

— Вы не можете не понять, что ваш приезд сюда явился искуплением вашей вины.

— Я этого не знала. Я не изучала вопросов об измене. Что вы будете делать, когда мы уедем

отсюда? Мы будем продолжать жить в одном доме?

— Пусть будущее само о себе позаботится. Не нужно загадывать.

Он говорил измученным голосом.

45.

Дня через три Ваддингтон зашел за Китти в воспитательный дом (тревожное состояние побудило ее немедленно взяться опять за работу) и повел ее на обещанную чашку чая к своей любовнице. Китти несколько раз случалось обедать у Ваддингтона. Его большой, белый претенциозный дом был подобен всем домам, какие воздвигало правительство по всему Китаю для своих таможенных служащих. Столовая, в которой они ели, и гостиная, в которой сидели, были уставлены неудобной, тяжелой мебелью. Квартира походила частью на контору, частью на гостиницу; не чувствовалось никакого домашнего уюта, того, что здесь жили временные обитатели, которых скоро сменить должны другие. Никому бы не пришло на ум, что в верхнем этаже этого дома обитает тайна, даже, быть может, романтическая сказка. Они поднялись по лестнице, и Ваддингтон отворил дверь. Китти вошла в большую полупустую комнату с белеными стенами, на которых были развешены всевозможные образцы для каллиграфии.

У четырехугольного стола, в жестком кресле (то и другое черного дерева, густо покрытого гравировками) сидела манджурская женщина. Она встала при входе Китти и Ваддингтона, но не двинулась вперед.

— Вот она, — сказал Ваддингтон и что-то произнес по-китайски.

Китти пожала ей руку. То была худенькая женщина, одетая в длинные, вышитые одежды. Китти удивило, что она оказалась довольно высокого роста. Она привыкла встречать среди южан только маленьких женщин. На ней была бледно-зеленая шелковая кофта с узкими, длинными рукавами, прикрывавшими кисти рук; на ее вычурно причесанных черных волосах красовался головной убор манджурских женщин. Ее лицо было сильно напудрено, и щеки, от глаз до самого рта, густо нарумянены. Подрисованные, тонкие брови и пунцовый рот. Из этой маски сияли большие, черные, слегка раскосые глаза, как озера из растопленного черного янтаря. Она была больше похожа на идола, чем на человека. Движения ее были медленны и уверенны. Она показалась Китти застенчивой, но очень любопытной женщиной. Раза два она кивнула головой, когда Вадингтон о ней говорил. Китти обратила внимание на ее руки. Они были удивительно длинные, тонкие, цвета слоновой кости; изящные ногти были накрашены. Руки показались Китти необыкновенно красивыми. Она говорила тонким, высоким голосом, подобным щебету птиц в плодовом саду; Вадингтон, переводя ее слова, сказал, что она очень рада ее видеть, сколько Китти лет и сколько у нее детей. Они сидели в жестких, прямых креслах, у четырехугольного стола, и слуга принес чашки светлого чаю, пахнувшего жасмином. Манджурская дама подала Китти большой ящик английских папирос. Кроме стола и кресла, в комнате было мало мебели; стояла широкая, похожая на койку, кровать, с вышитой подушкой, и два сундука сандалового дерева.

— Чем она целый день занимается? — спросила Китти.

— Она немного рисует, иногда пишет стихи, но большею частью она просто сидит. Она курит,

к счастью, умеренно, — ведь моя обязанность также преследовать торговлю опиумом.

— Вы сами курите? — спросила Китти.

— Редко. По правде сказать, я предпочитаю виски. — В комнате был легкий, едкий запах, не без приятности, но какой-то особенный, экзотический.

— Скажите ей, что я очень жалею, что не могу с ней разговаривать. Я уверена, что у нас нашлось бы многое, о чем мы могли бы побеседовать.

Когда эти слова были переведены манджурке, она с едва заметной улыбкой быстро взглянула на Китти. Великолепные одежды и непринужденная поза манджурки производили сильное впечатление на Китти. Она была какая-то невещественная — нереальная, скорее похожа на картину, чем на живого человека; вместе с тем в ней было столько изящества, что рядом с ней Китти чувствовала себя неловкой девчонкой. Из намазанного лица глядели скромные, полные самообладания, непроницаемые глаза.

До сих пор Китти уделяла Китаю, куда ее закинула судьба, только поверхностное и слегка презрительное внимание. В обществе, где она жила, так и полагалось. Теперь она вдруг почуяла что-то отдаленное, таинственное. Вот он каков восток, старый, мрачный, неисповедимый. Верования и идеалы запада казались ей грубыми в сравнении с теми, которые она смутно угадывала в этой изящной женщине. Здесь была другая жизнь, как бы жизнь в другой плоскости. Глядя на этого идола с раскрашенным лицом и раскосыми, грустными глазами, Китти чувствовала, что все заботы и горе обыденной жизни незначительны и пошлы. Под этой крашеной маской точно скрывался секрет, добытый обильным, глубоким и полным значения опытом;

длинные нежные руки с тонкими пальцами держали ключи непредвиденных загадок.

— О чем она целый день размышляет? — спросила Китти.

— Ни о чем, — улыбнулся Вадингтон.

— Она удивительная женщина. Скажите ей, что я никогда не видела таких красивых рук. Я не понимаю, что она в вас нашла.

Вадингтон с улыбкой перевел вопрос.

— Она говорит, что я добрый.

— Как-будто женщина когда-нибудь любит мужчину за его добродетели! — с насмешкой сказала Китти.

Манджурка рассмеялась только один раз, это было, когда Китти похвалила нефритовый браслет, который был на ней надет. Она его сняла, и Китти, стараясь надеть его на свою руку, убедилась, что он не проходит, что он ей узок. Манджурка разразилась звонким, детским смехом. Она что-то сказала Вадингтону и позвала ама, которой отдала какое-то распоряжение, и та сейчас же принесла пару очень красивых манджурских башмаков.

— Она хочет вам их подарить, если они вам впору, — сказал Вадингтон. — Из них выйдут отличные утренние туфли для вас.

— Они мне совсем впору, — сказала не без удовольствия Китти.

Но она заметила лукавую улыбку на губах Вадингтона.

— Разве они ей велики? — живо спросила она.

— На ней они сидят, как лодки.

Китти засмеялась, и когда Вадингтон перевел эти слова, манджурка и ама тоже засмеялись.

Вскоре после этого Китти и Вадингтон подымались в гору по пути домой. Она обратилась к нему с ласковой улыбкой.

— Вы мне никогда не признавались, что вы ее очень любите.

— Из чего вы это заключили?

— Я прочла это в ваших глазах. Какое странное ощущение — любить призрак или сонное видение! Мужчину разгадать невозможно. Мне казалось, что вы такой же, как все другие, а теперь я вижу, что ничего о вас не знаю. Когда они пришли в фанзу, он неожиданно спросил:

— Почему вам хотелось ее видеть?

Китти минуту колебалась раньше, чем ответить.

— Я ищу чего-то. Мне самой не совсем ясно, чего я ищу, но я знаю, что мне очень важно это найти, и тогда все для меня изменится. Может быть, сестры это знают; я чувствую, что они хранят какую-то тайну, которую разделить со мной не хотят. Мне пришло в голову, но я знаю почему, что эта манджурская женщина как-нибудь, хоть намеком, поможет мне заглянуть в тайну, которую я стремлюсь разгадать.

— Почему вы думаете, что она эту тайну знает?

Китти взглянула на него и не отвечала.

— А вы знаете эту тайну?

Он со смехом пожал плечами.

46.

Китти продолжала свои ежедневные, регулярные занятия в воспитательном доме. По утрам она себя плохо чувствовала, но мужественно пересиливала недомогание. Она удивлялась, что сестры сию теперь так интересуются; те из них, которые прежде при встречах в коридоре только мимоходом с ней здоровались, теперь, под самыми пустыми предлогами,

приходили к ней в комнату поболтать и посмотреть на нее. Они все были в каком-то непонятном Китти детски веселом возбуждении. Сестра Жозефа много раз принималась ей рассказывать (что было даже скучно), как она догадалась об этом уже давно, как она себе повторяла: „Хотелось бы мне знать наверное“, или „Не удивляюсь, если узнаю“, и как она сказала, когда Китти упала в обморок: „Теперь ясно, нечего и сомневаться“. Она рассказывала Китти длинные истории о родах своей невестки. Некоторые подробности могли бы напугать Китти, но она со свойственным ей юмором обращала все эти рассказы в шутку.

Китти трогало и смешило участие, которое все в ней принимали, но она пришла в безграничное изумление, когда убедилась, что даже и надзирательница, такая строгая, недоступная переменяла с нею обращение. Она и прежде была ласкова с Китти, но держала ее как-будто в отдалении от себя; теперь она относилась к Китти с почти материнской нежностью. В голосе звучали новые, нежные ноты, а в глазах светилась игривость, как-будто Китти — ребенок, сделавший что-то умное и забавное. Это было несбыкновенно и трогательно. Ее душа была подобна безграничному серому морю, внушающему благоговение мрачным своим величием, но, озаренное внезапным лучом солнца, оно делалось живым, дружеским и веселым. Она часто заходила к Китти по вечерам.

— Я должна вас беречь, следить, чтобы вы не утомлялись. *Mon enfant*, — говорила она, оправдывая свой приход такого рода неправдоподобным предлогом, — а то доктор Фэйн будет мною недоволен. Как англичане владеют собой! Ведь он рад безгранично, но когда с ним об этом заговоришь, он бледнеет.

Она взяла руку Китти и ласково погладила ее.

— Доктор Фэйн говорил мне о своем желании, чтобы вы уехали отсюда, но вы не согласились; вам не хотелось покидать нас. Это очень мило с вашей стороны, и мы ценим все, что вы для нас сделали, но я думаю, что и с ним вы не хотите расставаться; это хорошо, ваше место около него, и он в вас нуждается. Ах! Что бы мы стали делать без этого дивного человека?

— Я рада слышать, что он был вам полезен, — сказала Китти.

— Вы должны всем сердцем его любить, дорогая. Он герой.

Китти улыбнулась, но сердце ее было печально. Теперь она могла сделать для Вальтера только одно и не знала, как к этому приступить: она хотела, чтобы он ее простил, уже не для нее самой, а для самого себя. Она чувствовала, что только это могло вернуть ему спокойствие духа. Бесполезно молить его о прощении; и если бы он заподозрил, что она хочет этого больше для его пользы, чем для своей, его непреклонная гордость вынудила бы его отказать ей во что бы то ни стало (странно, что его гордость ее больше не раздражала и казалась ей совершенно естественной в нем, — она только сильнее жалела его); можно было только надеяться, что какая-нибудь случайность застанет его врасплох. Он был бы рад — казалась ей, — если бы прилив душевной теплоты освободил его от кошмара злопамятства. Но в своем патетическом безумии он все-таки будет бороться против него всеми силами.

Как печально, что люди, которым суждено столь короткое пребывание в мире, полном страданий, терзают еще самих себя.

Однажды Вальтер не пришел к обеду домой. Китти ждала его немного, так как, когда дела задерживали его в городе, он давал ей об этом знать; наконец, она села за стол одна. Только для виду отведала многочисленные блюда, которые повар, несмотря на эпидемию и трудность доставать провизию, считал долгом подавать каждый день на обед; затем, опустившись в длинное тростниковое кресло у открытого окна, стала любоваться красотой звездной ночи. Тишина давала ей отдых.

Она не пресбсвала читать. Мысли рассеянно плавали, как маленькие белые облачка на поверхности тихого озера. Она слишком устала; не могла останавливаться на какой-нибудь мысли и углубляться в нее настолько, чтобы притти к какому-нибудь заключению.

Может быть, она тупа и бестолкова; но, хотя она и жалела о связи с Таунсэндом, даже находила свое поведение возмутительным, раскаяния она не чувствовала. Все это надо только предать забвению. Если среди большого общества вам случится сделать неловкость, или сказать что-нибудь некстати, вам бывает очень досадно, но помочь этому нельзя и глупо придавать таким случаям слишком большое значение. С дрожью представляла она себе чересчур изысканного, ширококостного Чарли. Как он стоял, выпятив грудь, чтобы скрыть брюшко. Красные, налитые кровью жилки на его щеках доказывали сангвинический темперамент. С годами его лицо сделается багровым. Прежде ей нравились его густые брови, теперь она находила в них что-то животное, отталкивающее.

Что даст ей будущее? Этот вопрос оставлял ее совершенно равнодушной. В будущее она не загля-

дывала. Может быть, она умрет во время родов. Сестра Доррис много крепче, однако чуть не умерла (она исполнила свой долг и принесла наследника новоиспеченным баронам; Китти улыбнулась, вспомнив, как ее мать была этому рада). Если будущее представлялось ей в таких смутных очертаниях, не означало ли это, что ей не суждено было его видеть.

Вальтер, вероятно, отдаст ребенка на попечение своей матери, если ребенок будет жить. Она достаточно хорошо знала Вальтера и была уверена, что, как бы он ни сомневался в своем отцовстве, к ребенку он будет ласков всегда. При всяких обстоятельствах Вальтер будет вести себя великолепно. Жаль, что при его высоких качествах — самоотвержении, благородстве, уме и доброте — он не внушал любви. Она его теперь совсем не боялась, только жалела и вместе с тем находила его несколько смешным. Его глубокая и впечатлительная натура делала его уязвимым, и она надеялась как-нибудь и когда-нибудь повлиять на него и добиться его прощения. Ее привлекала эта мысль — вернуть ему спокойствие духа и вознаградить за причиненные страдания. Как жаль, что он лишен чувства юмора. Хорошо было бы со временем вдвоем посмеяться над тем, что их теперь так мучит.

Она почувствовала усталость, перенесла лампу, разделась; легла в постель и сразу заснула.

48.

Ее разбудил громкий стук. Она не сразу пришла в себя, сон мешался с действительностью; и она не сознавала еще, что стук этот реален. Шум продолжался, стучали в ворота. Было совсем темно. У нее были часы со светящимися стрелками; они показы-

вали половину третьего. Это, вероятно, Вальтер, как поздно он возвращается, и слуга не слышит стука. Стук становился все сильнее и сильнее в ночной тишине, это было очень страшно. Потом стук прекратился, и она слышала, как отодвигали тяжелые засовы ворот. Никогда Вальтер так поздно не возвращался. Как он, верно, устал! Неужели он не ляжет спать сейчас же, а пойдет, как всегда, работать в свою лабораторию? Послышались голоса, люди приближались к дому. Это было странно; когда Вальтер поздно приходил домой, он всегда старался не беспокоить ее шумом. Двое или трое людей быстро вбежали по деревянным ступенькам и вошли в соседнюю комнату. Китти испугалась. Она всегда боялась анти-европейского восстания. Что случилось? Сердце ее забилося сильнее. Кто-то подошел и постучал в дверь.

— М-сс Фэйн!

Она узнала голос Вадингтона.

— Да. Что случилось?

— Вставайте. Мне надо вам кое-что сообщить.

Она встала и надела капот. Отопнула дверь и растворила ее. Глазам ее представился Вадингтон, одетый в китайские штаны и обезьянью куртку, и их китаец-слуга с фонарем в руках. Позади стояли три китайских солдата в хаки. Она затрепетала, так поразило ее отчаянное выражение лица Вадингтона; волосы его были растрепаны, как-будто он только-что вскочил с постели.

— Что это такое? — прошептала она.

— Будьте хладнокровны. Нельзя терять ни минуты. Сейчас же одевайтесь и идите со мной.

— Скажите мне, в чем дело? Что-нибудь случилось в городе?

Видя солдат, она подумала, что их прислали для ее защиты, что в городе начался мятеж.

— Баш муж заболел. Вы должны идти к нему.

— Вальтер? — вскрикнула она.

— Не волнуйтесь. Я точно не знаю, в чем дело. Полковник Ю прислал этого офицера ко мне передать, что вы должны немедленно отправиться в Ямен.

Китти сначала смотрела молча, сердце ее похолодело, потом, повернувшись, сказала:

— Я буду готова через две минуты.

— Я побежал, в чем был. Меня разбудили; я только накинул куртку и какие-то сапоги.

Она его не слушала. Без лампы, при свете звезд она торопливо одевалась, хватая все, что попадало под руку; пальцы ее не слушались, и она с трудом нащупывала застёжки платья. На плечи она накинула китайскую шаль, в которой была вечером.

— Я не надела шляпы. Не надо, не правда ли?

— Не надо.

Слуга нес фонарь впереди их, они быстро спустились по ступенькам крыльца и вышли из калитки.

— Не упадите, — сказал Вадингтон, — лучше обопричьтесь на мою руку.

Солдаты следовали за ними.

— Полковник прислал носилки, они ждут вас на той стороне реки.

Они быстро спустились с горы. Китти не решалась произнести вопроса, который дрожал у нее на устах. Она слишком боялась услышать ответ. Они подошли к берегу, их ожидал сампан; на носу лодки горел огонек.

— Холера? — наконец, спросила она.

— Боюсь, что да.

Она вскрикнула и остановилась.

— Вы должны спешить, как только можете.

Он дал ей руку и помог спуститься в лодку. Переезд был короткий, течение было очень медлен-

ное; они стояли на носу лодки, а женщина, с привязанным сзади к талии ребенком, одним веслом толкала лодку к противоположному берегу.

— Он заболел днем, т.е. вчера днем, — сказал Вадингтон.

— Почему мне сразу не дали знать?

Неизвестно почему они говорили шопотом. В темноте она не различала лица Вадингтона, но чувствовала, что он очень встревожен.

— Полковник Ю хотел послать вам сказать, но Вальтер не разрешил. Ю ни на минуту не отходил от него.

— Несмотря ни на что, он должен был за мной послать. Это бессердечно с его стороны.

— Ваш муж знал, что до сих пор вы никогда не видели ни одного холерного больного. Это тяжелое, ужасное зрелище. Он не хотел, чтобы вы это видели.

— Ведь он же мне муж! — взволнованным голосом сказала она.

Вадингтон не отвечал.

— Почему мне разрешили теперь приехать?

Вадингтон взял ее руку в свою.

— Будьте мужественны и приготовьтесь к худшему. — Она испустила вопль ужаса и немного отвернулась в сторону, так как заметила, что все три китайских солдата на нее смотрят. В темноте сверкнули белки их глаз, направленных на нее.

— Он умирает?

— Я только знаю то, что полк. Ю передал мне через офицера, который был прислан за мной. Я думаю, что наступила агония.

— Значит, надежды нет никакой?

— К моему бесконечному сожалению, я думаю, что если мы не будем очень торопиться, мы не застанем его в живых.

Она затряслась от рыданий.

— Он переутомился, и у него нехватило силы бороться с болезнью.

Она торопливо вырвала руку из-под его руки. Его голос, тихий, полный отчаяния, вызывал в ней раздражение.

Они подъехали к берегу, два китайских кули помогли ей выйти из лодки. Их ожидали носилки. Когда она уселась в свои, Вадингтон сказал:

— Постарайтесь владеть собой. Вам понадобится все ваше самообладание.

— Прикажите носильщикам торопиться.

— Им велено бежать как можно скорей.

Офицер, который уже сидел в своих носилках, проходя мимо, крикнул что-то носильщикам Китти. Они живо подняли носилки, приспособили шесты на своих плечах и быстрым шагом двинулись вперед. Вадингтон не отставал от них. В гору они взбежали; впереди каждого носилок освещал дорогу человек с фонарем, у затвора стоял сторож с факелом в руках. Когда они приблизились, офицер что-то крикнул ему, и он распахнул одну сторону ворот, чтобы их пропустить. Когда они проходили мимо, он издал восклицание, на которое носильщики ему ответили.

В ночной тишине эти гортанные звуки чуждого языка производили таинственное и жуткое впечатление. Теперь они с трудом взбирались по мокрым, скользким булыжникам мостовой, и носильщик, несший офицера, споткнулся. Китти слышала сердитый окрик офицера, резкое возражение носильщика, и носилки впереди ее снова двинулись вперед. Улицы, по которым они проходили, были узкие и кривые. Город охватила глубокая тишина ночи. Это был поистине город мертвых. Они миновали узкий переулок, завернули за угол и взбежали по каким-то ступенькам.

Усталые носильщики тяжело переводили дыхание, теперь они шли большими, торопливыми шагами; один из них вытащил рваный платок и обтирал со лба пот, сбегавший ему на глаза. Они кружили по разным улицам, точно шли по лабиринту. В темных, прикрытых ставнями лавках, изредка виднелись неподвижные, лежащие фигуры, но нельзя было угадать, встанет ли на заре этот человек или никогда уже больше не проснется; узкие улицы были страшны своей безмолвной пустотой; где-то громко залаяла собака, и нервная Китти тотчас задрожала всем телом. Она не понимала, куда ее несут; дорога казалась нескончаемой. Скорей бы уж дошли, скорей! Скорей!

Время бежало, каждая минута была дорога.

А вдруг они придут слишком поздно?

49.

Они шли вдоль длинной, глухой стены и внезапно остановились у каких-то ворот. По обеим сторонам стояли сторожевые будки. Носильщики опустили на землю носилки. Ваддингтон поспешил к Китти. Она уже успела сойти. Офицер громко стучал в дверь и кричал. Калитка отворилась, и они вошли во двор. Двор был большой, квадратный. Прижавшись к стенам, под нависшими краями крыш, завернувшись в свои одеяла, лежали кучами солдаты. Они задержались на минуту; офицер сказал несколько слов какому-то военному, — это был повидимому дежурный унтер-офицер, — и, обернувшись к Ваддингтону, что-то сообщил ему.

— Он еще жив, — тихо сказал Ваддингтон. — Входите осторожно.

Они пошли дальше по двору, предшествоваемые проводниками с фонарями в руках, поднялись по

нескольким ступенькам вверх и, пройдя большие двери, спустились в другой, такой же обширный двор. Свет проникал наружу через рисовую бумагу, и на ней выступали темные вычурные силуэты решеток. Проводники довели их через двор до барака, и офицер постучал в дверь. Ее немедленно отворили, и офицер, бросив взгляд на Китти, отступил.

— Войдите, — сказал Вадингтон.

Комната была длинная, низкая; в тусклом свете коптящих ламп она казалась зловеще мрачной. Трое или четверо дежурных по лазарету служителей стояли кругом. Против дверей на койке у стены лежал человек, свернувшийся под одеялом. Офицер стоял неподвижно у ног больного. Китти поспешно подошла и нагнулась над койкой. Вальтер лежал с закрытыми глазами; лицо его было смертельно бледно. Он был совершенно неподвижен.

— Вальтер, Вальтер! — задыхаясь, сказала она.

Тело его чуть-чуть шевельнулось, так слабо, как это бывает при дуновении ветерка, которого ощутить нельзя, а только видно, как рябится от него поверхность стоячей воды.

— Вальтер, Вальтер, скажи мне хоть одно слово.

Глаза медленно открылись, казалось, ему было слишком трудно приподнять тяжелые веки. Он ни на кого не смотрел. Глаза усталились в стену в нескольких вершках от его лица. Он заговорил. Голос был низкий, слабый, слегка насмешливый.

— В изрядную кашу я попал, — сказал он.

У Китти захватило дыхание. Он больше не издал ни одного звука, не сделал ни одного жеста, только бесстрастные темные глаза (какие тайны открывались перед ними теперь?) смотрели в упор на выбеленную стену.

Растерянная, она обратилась к стоявшим около нее мужчинам.

— Неужели ничего сделать нельзя? Не стойте так, делайте что-нибудь.

Она в отчаянии сжала руки. Вадингтон сказал несколько слов офицеру, стоявшему в ногах кровати.

— Они сделали все, что возможно. Его лечил полковой врач. Ваш муж передал ему все свои методы лечения, и тот сделал все, что мог бы сделать ваш муж в этом случае.

— Вы сейчас говорили с доктором?

— Нет, это полковник Ю. Он не отходил от его постели.

Китти взглянула на него. Это был довольно высокий, коренастый человек. Он был одет в мешковатый мундир из хаки. Он смотрел на Вальтера, и Китти заметила, что его глаза полны слез. Это ее поразило. Как мог этот человек с желтым, плоским лицом плакать—и зачем? Это раздражало ее.

— Ужасно, что мы не можем хоть чем-нибудь помочь ему.

— Теперь он хоть больше не страдает, — сказал Вадингтон.

Она снова нагнулась над мужем. Его мрачные глаза рассеянно смотрели в пространство. Она не знала, видит ли он ими еще, не могла угадать, слышал ли он то, что она ему говорила. Близко приложив губы к его ушам, она прошептала:

— Вальтер, чем мы можем тебе помочь? — Она все надеялась, что должно же существовать какое-нибудь средство, способное удержать угасающую жизнь. Глаза уже привыкли к полумраку, и она увидела, как сильно осунулось его лицо. Она его почти не узнавала. Невероятно, чтобы в несколько часов можно было сделаться другим человеком: да и на человека он совсем не походил; перед ее глазами лежала смерть. Ей показалось, что он пытается что-то произнести, и она нагнулась к нему ближе.

— Не волнуйтесь. Мне досталась жестокая смерть, но теперь мне хорошо.

Китти ждала, но он молчал. Он лежал недвижимо, и эта неподвижность ужасала ее. Им точно уже овладело холодное безмолвие могилы. Кто-то, доктор или фельдшер, подошел к постели и жестом попросил ее отодвинуться. Он нагнулся над умирающим и грязною тряпкой смочил ему губы. Китти поднялась и с отчаянием обратилась к Вадингтону.

— Неужели нет надежды? — прошептала она.

Он отрицательно покачал головой.

— Как долго он может еще прожить?

— Кто знает? Может быть час.

Китти окинула взглядом полупустую комнату. Глаза ее остановились на приземистой фигуре полковника Ю.

— Не могу ли я остаться с ним вдвоем, хоть не надолго, на одну минуту? — спросила она.

— Конечно, если вы этого желаете.

Вадингтон подошел к полковнику и что-то ему сказал. Полковник поклонился и тихим голосом отдал какой-то приказ.

— Мы подождем снаружи на лестнице, когда будет нужно, позовите нас, — сказал Вадингтон, и они все вместе вышли из комнаты.

Теперь, когда ее сознание усвоило мысль о неизбежности того, что казалось ей невероятным и она знала, что Вальтер должен умереть, ею всецело овладело стремление снять с его души отравляющее ее бремя злопамятства и облегчить его кончину. Если бы он умер в мире с нею — казалось ей — он добился бы мира с самим собой. Она думала теперь не о себе, а только о нем.

— Вальтер, умоляю, прости меня. — Она нагнулась к нему, но избегала касаться, опасаясь, что это будет ему неприятно. — Как я жалею, я под-

вергла вас неслыханному оскорблению! Я горько об этом жалею.

Он ничего не отвечал, точно не слышал. Ей пришлось повторить свои слова. Перед ней возник странный образ: будто его душа — порхающая ночная бабочка, и ненависть давит на ее крылья.

— Милый!

Тень пробежала по его посиневшему, изможденному лицу. То не было движение, скорее конвульсия. Она никогда так не называла его. Может быть, в его умирающем мозгу промелькнуло смутное, едва уловимое воспоминание, что с этим словом, столь банальным в ее устах, она обращалась только к детям, собакам, автомобилям. Вдруг случилось невероятное. Она стиснула руки, стараясь овладеть собой: две слезы тихо скатились по его впалым щекам.

— Дорогой мой, милый, если вы когда-нибудь любили меня — я знаю, что вы любили, но я была отвратительная, гадкая — умоляю вас простить. Я не могу доказать вам свое раскаяние. Пожалейте меня. Умоляю — простите.

Она умолкла, вся трепеща, и ждала его ответа. Она видела, что он делает усилие заговорить, и сердце ее забилося. Губы его зашевелились. Взгляд без сознания был устремлен на белую стену. Она нагнулась к нему, чтобы лучше слышать, но он сказал совершенно отчетливо.

— Это была собака, которая умерла.

Она окаменела. Ничего не понимая, смотрела на него в недоумении. То, что он сказал, — полная бессмыслица. Он бредит. Она не поняла ни одного слова. Невозможно живому человеку быть таким неподвижным. Ей стало страшно. Она не отрывала от него глаз. Его глаза попрежнему были открыты. Дышит ли он еще, — она не могла разобрать.

— Вальтер, — прошептала она, — Вальтер.

Она в страхе вскочила и подошла к дверям.

— Пожалуйста, идите сюда. Он точно не...

Они вошли. Маленький доктор — китаец подошел к постели. В руках у него был электрический фонарик, которым он осветил глаза Вальтера. Затем он закрыл эти глаза и произнес что-то по-китайски. Вадингтон обнял Китти.

— Он умер.

Китти глубоко вздохнула. Из глаз скатилось несколько слезинок. Она чувствовала себя ошеломленной больше, чем огорченной.

Китайцы беспомощно толпились вокруг постели, не зная, что предпринять. Вадингтон молчал. Китайцы тихо заговорили между собой.

— Лучше я провожу вас домой в фанзу, — сказал Вадингтон, — тело перенесут туда.

Китти устало провела по лбу рукой. Она подошла к койке, нагнулась над мертвым и нежно поцеловала его в уста. Она перестала плакать.

— Мне совестно, что я задаю вам столько хлопот.

Когда она выходила, офицеры отдали честь, и она им поклонилась. Они снова прошли через дворы и подошли к своим носилкам. Вадингтон закурил. Небольшая струйка дыма поплыла в воздухе — такова жизнь человеческая.

50.

Светало. Китайцы снимали ставни с окон своих лавок. В темной глубине одной из них, при свете зажженной свечки, китаянка мыла себе лицо и руки. В угловом трактире группа людей завтракала. Серый, холодный свет пробуждающегося дня, как вор, пробирался по узким переулкам города. От реки поднимался бледный туман, и мачты бесчисленных

лодок, им окутанные, были похожи на копья какой-то призрачной армии. На реке было свежо, и Китти плотнее завернулась в свою яркую многоцветную шаль. Они поднялись в гору, и туман спустился к их ногам. Солнце сияло на безоблачном небе, сияло, будто этот день был такой же, как и все остальные, будто не случилось ничего, что отметило бы его среди всех других дней.

— Не хотите ли прилечь и отдохнуть, — сказал Ваддингтон, когда они пришли в фанзу.

— Нет, я посижу у окна.

Она часто смотрела на эту картину, и глаза ее привыкли к фантастическому, великолепному, таинственному храму, возвышавшемуся на своем огромном цоколе. Душа ее отдыхала. Даже при ярком дневном освещении он казался ей невещественным, и вид его уносил ее мысли далеко от реальности.

— Я прикажу слуге подать вам чаю. Я считаю, что надо похоронить его сегодня же. Я распоряжусь.

— Благодарю вас.

51.

Через три часа его похоронили. Китти было больно, что его кладут в китайский гроб, где ему будет неудобно лежать, как в чужой непривычной постели. Но ничего другого сделать было нельзя. Сестры, узнав о смерти Вальтера (они всегда знали все, что происходит в городе), прислали туго сплетенный венок из георгин, но видно было, что его сплетали опытные руки привычного садовника. Одиноким венком на китайском гробе казался странным и неуместным.

Когда все было готово, им пришлось ждать полковника Ю.: он предупредил Ваддингтона, что желает присутствовать на похоронах.

Поднялись в гору, гроб несли человек шесть кули. Похоронили в маленьком поле, где был погребен миссионер, которого замещал Вальтер. Вадингтон разыскал в вещах миссионера маленький молитвенник и тихим голосом, видимо стесняясь (что было так непривычно ему), прочитал погребальную службу. Быть может, при этом у него мелькнула мысль, что, когда он сам умрет, некому будет прочитать над его телом молитву. Гроб опустили в могилу, и могильщики засыпали ее землей.

Кули, столпившиеся поглазеть на похороны, побрели прочь, таща за собой свои длинные шесты. Вадингтон и Китти оставались, пока могила не была засыпана совсем и возложили тяжелый венок, присланный сестрами, на пахнувший свежей землей холмик. Она не плакала; только когда первая горсть земли загремела о гроб, тоска охватила ее.

Вадингтон поджидал Китти, чтобы отправиться вместе с ней в обратный путь.

— Вы торопитесь? — спросила она, — мне не хочется возвращаться сейчас в фанзу.

— Мне делать нечего, и я вполне в вашем распоряжении.

52.

Они тихо брели по шоссе, пока не дошли до верхушки горы, где стояла арка — памятник добродетельной вдове, — завладевшая с первой минуты воображением Китти. Это был символ — чего? Она сама не понимала.

— Присядем на минуту, мы здесь давно не сидели.

Равнина широко расстиралась перед ними. Все казалось спокойным, ясным под лучами утреннего солнца.

— Я провела здесь только несколько недель, но они мне кажутся вечностью.

Он не отвечал, и она задумалась; затем со вздохом сказала:

— Как вы думаете — бессмертна ли душа?

Он точно не удивился ее вопросу.

— Как я могу это знать?

— Сегодня, когда они обмывали Вальтера, прежде чем положили в гроб, я на него смотрела. Он казался очень молодым. Слишком молодым, чтобы умереть. Помните нищего, которого мы с вами видели во время нашей первой прогулки? Я испугалась не потому, что он был мертв, но от его вида, точно он никогда и не был живым. Он был похож на мертвое животное. Теперь с Вальтером: это был как бы механизм, завод которого кончился. Это-то и страшно. Если мы только машины, то как ничтожны наши страдания, бедствия и те душевные муки, которые мы переживаем.

Он не отвечал. Взгляд его блуждал по раскинутому под их ногами пейзажу. В это веселое, солнечное утро широкая даль наполняла сердце восторгом. Далеко, как только мог охватить глаз, простирались хорошо возделанные маленькие рисовые поля. Там усердно работали крестьяне в синих костюмах со своими буйволами. Это была мирная и счастливая картина. Китти нарушила молчание.

— Я не могу выразить словами того впечатления, какое произвел на меня воспитательный дом, и все то, что я там увидела. Эти сестры — удивительные женщины; глядя на них, я чувствую себя полнейшим ничтожеством. Они жертвуют всем: домом, родиной, любовью, детьми, свободой и теми мелочами жизни, без которых, кажется, еще труднее обойтись, цветами, зелеными полями, прогулкой в свежий осенний день, книгами, музыкой, удоб-

ствами жизни. Отказывают себе во всем; и все для того, чтобы вести жизнь, полную самоотвержения, бедности и изнурительной работы. И все это для вечности.

Китти сжала руки и с тоской смотрела на него.

— Ну, и что же?

— А если вечности нет? Если смерть — конец всему? Они отдали все за ничто. Они были глупыми жертвами обмана.

Ваддингтон помолчал с минуту.

— Вот что я думаю: если то, на что они надеются, — только иллюзия, все же жизнь прекрасна. Смотреть без отвращения на мир, в котором мы живем, можно только, когда видишь красоту, которую люди от времени до времени извлекают из этого хаоса. Картины, которые они рисуют, музыку, которую они сочиняют, книги которые они пишут, и жизни, которые они проживают. Из всего, что я перечислил, самая высшая красота это — прекрасно прожитая жизнь. Это — самое совершенное произведение искусства.

Китти не удовлетворило его объяснение.

— Бывали вы в симфоническом концерте? — продолжал он. — Каждый музыкант в оркестре играет на своем маленьком инструменте и не знает, какие сложные созвучия развертываются из сочетания незначительных мотивов. Он занят только своим маленьким делом, но он знает, что симфония прелестна и, хотя ее некому слушать, она все-таки прелестна, и он счастлив, внося в нее свою маленькую долю.

— В тот раз вы упомянули о тайнах. Скажите мне, что это такое? — спросила Китти после минутного молчания.

Ваддингтон вскользь взглянул на нее. С минуту он колебался, затем с легкой усмешкой на своей комичной физиономии заговорил:

— Это вечная дорога, по которой следуют все живущие, но ни одно существо ее не создавало, так как она сама есть бытие.

— Имеет это какой-нибудь смысл?

— Иногда, когда, после шести рюмок виски, я смотрю на звездное небо, мне кажется, что, пожалуй, имеет.

Наступило молчание, его прервала опять Китти.

— Скажите: „Это была собака, которая умерла“, — что это? Цитата?

На губах Вадингтона мелькнула улыбка. Ответ на этот вопрос был у него готов; но его чуткость к чужому настроению была, вероятно, ненормально обострена в ту минуту. Китти на него не смотрела, но в выражении ее лица он прочел что-то, что заставило его передумать.

— Если это цитата, то я ее не знаю, — сказал он сдержанно, — отчего вы спрашиваете?

— Так, мне вспомнились эти слова. Мне показалось, что они звучат чем-то знакомым.

Опять наступило молчание.

— Когда вы оставались одни с мужем, я говорил с полковым врачом. Мне хотелось узнать от него некоторые подробности.

— И что же?

Врач очень нервничал, я плохо понял, что он мне говорил. Насколько я разобрал, ваш муж заразился, когда делал научные опыты.

— Он всегда занимался исследованиями. Он собственно не был практикующим врачом, он был бактериологом. Поэтому он и захотел приехать сюда.

— Но я не совсем понял из объяснений врача: случайно ли он заразился, или действительно делал опыты над самим собой.

Китти побледнела. Это предположение поразило ее. Вадингтон взял ее руку.

— Простите, что я опять заговорил об этом, — сказал он нежно, — я надеялся утешить вас немного; я знаю, как трудно в таких случаях сказать что-нибудь, что может дать малейшее облегчение. Я думал, вам будет легче знать, что Вальтер умер мучеником науки и своего долга.

Китти нетерпеливо пожала плечами.

— Вальтер умер от разбитого сердца, — сказала она.

Ваддингтон не отвечал. Она повернулась и внимательно на него посмотрела. Лицо его было бледно и серьезно.

— Что он хотел сказать этими словами: „Это была собака, которая умерла“? Что это такое?

— Это последняя строчка из „Элегии“ Голдсмита.

53.

На следующий день Китти отправилась в воспитательный дом. Служанка, отворившая ей дверь, повидимому, удивилась ее приходу. Китти села за работу, и через несколько минут вошла надзирательница. Она подошла к Китти и взяла ее за руку.

— Я рада вас видеть, дорогая моя. Притти сюда так скоро после пережитого вами страшного горя, — это доказывает ваше мужество. Вам лучше работать, чем предаваться скорби в одиночестве.

Китти опустила глаза и покраснела; она не хотела, чтобы надзирательница заглянула ей в душу.

— Вы знаете, какое искреннее участие мы все здесь принимаем в вашем горе.

— Я вам очень благодарна.

Надзирательница выпустила ее руку и своим обычным холодным, повелительным тоном, отдала

несколько распоряжений насчет дневных работ. Потом погладила двух-трех девочек по голове, улыбнулась им равнодушно и ласково и ушла по своим делам.

Прошла еще неделя.

Китти шила. Надзирательница вошла и села около нее. Она внимательно посмотрела на работу.

— Как вы хорошо шьете! Это очень редкий талант в светской молодой женщине нашего времени.

— Я этим обязана матери.

— Я уверена, что ваша мать будет очень счастлива вас видеть.

Китти взглянула на нее. В тоне надзирательницы чувствовалось, что эти слова сказаны не между прочим, что они не просто любезность с ее стороны. Она продолжала.

— Я вам разрешила вернуться сюда после смерти вашего мужа, потому что я считала, что работа отвлекает вас от грустных мыслей. Я считала, что вы не выдержали бы длинного путешествия до Чинг-Иена, а предоставить вам сидеть в одиночестве с вашим горем — я не хотела. Теперь прошло уже восемь дней, и вам пора подумать об отъезде.

— Я не хочу уезжать. Я хочу здесь остаться.

— Вам тут оставаться незачем. Вы приехали сюда, чтобы не расставаться с мужем. Ваш муж скончался. Ваше положение скоро потребует ухода и разных удобств, которых здесь иметь нельзя. Вы обязаны сделать все, что в вашей власти, для пользы вашего ребенка.

Китти опустила глаза и некоторое время молчала, затем:

— Я думала, что я вам полезна. Эта мысль была мне радостна. Я надеялась, что вы мне разрешите работать до конца эпидемии.

— Мы все вам очень благодарны за вашу помощь, — сказала с улыбкой надзирательница, — но теперь эпидемия утихает, уже не так опасно приехать сюда, и я ожидаю двух новых сестер из Кантона. Они должны приехать в ближайшие дни, и тогда я не смогу больше пользоваться вашими услугами.

Китти приуныла. По тону надзирательницы было видно, что она не потерпит возражений. Китти достаточно изучила ее и знала, что умолять ее бесполезно. Уже то, что ей пришлось убеждать Китти, придавало ее голосу какую-то резкость, близкую к раздражению.

— Мистер Вадингтон советовался со мной по этому вопросу...

— Зачем он вмешивается в мои дела? — прервала ее Китти.

— Если бы он даже ничего мне не сказал, — кротко возразила надзирательница, — я бы сама с ним заговорила. Теперь ваше место не здесь, а подле матери. Вадингтон все устроил. Полковник Ю предоставит вам сильный конвой, так что вы проедете совершенно благополучно. Он уже нанял носильщиков и кули. С вами поедет ама, и во всех городах, через которые вам надо проезжать, будет приготовлен ночлег. Все, что только возможно, сделано для вас.

Китти крепко сжала губы и с трудом сдерживала свое возмущение. Могли же они с нею посоветоваться, раньше чем распоряжаться ею!

— Когда я должна выехать?

Надзирательница невозмутимым тоном отвечала:

— Чем скорее вы вернетесь в Чинг-Иен и оттуда уедете в Англию — тем лучше. Мы надеемся, что вы согласитесь выехать послезавтра рано утром.

— Так скоро!

Китти хотелось плакать. Это правда, что здесь ей не место.

— Вы все очень торопитесь от меня избавиться, — с грустью сказала она.

Позже надзирательница смягчилась, заговорила с Китти приветливо, и Китти покорилась. Чувство юмора было в ней очень сильно развито: в ее глазах мелькнула искра лукавства при мысли, что даже такие совершенные люди, как эта надзирательница, любят делать по-своему.

— Не думайте, что я не ценю по достоинству вашу доброту и чрезвычайное милосердие; я знаю, как неохотно вы оставляете добровольно взятые на себя обязанности.

Китти пожала плечами. Таких высоких добродетелей приписывать себе она не могла... Она хотела здесь остаться, потому что ей решительно некуда было ехать. Как странно сознавать, что никому на свете дела нет, — жив ты, или умер.

— Я не могу понять, отчего вы так неохотно уезжаете на родину, — ласковым голосом продолжала надзирательница, — большинство иностранцев, живущих здесь, дорого бы дали, чтобы быть на вашем месте.

— Только не вы?

— Мы—дело другое, дитя мое. Когда мы сюда приезжаем, мы знаем, что покидаем родину навсегда. Я хочу попросить вас взять с собой маленькую посылку и сдать ее на почту, когда вы прибудете в Марсель. Мне не хочется доверять ее китайской почте. Я сейчас принесу.

— Вы можете передать мне ее завтра...

— Вам будет некогда завтра. Лучше нам проститься сегодня.

Она встала и медленно, спокойными шагами вышла из комнаты. Сестра Жозефа также пришла проститься с Китти и пожелать ей счастливого пути; ведь полковник Ю даст ей многочисленный конвой; сестры, часто и одни, делали это путешествие и с ними ничего не случалось дурного. Она проедет совершенно благополучно. Как переносит Китти морское путешествие? *Mon Dieu*, как больна она была, когда буря застигла их в Индийском океане. *Madame*, ее мать, так будет рада ее видеть. Китти должна очень беречь себя и т. д. Она была многоречива, ласкова, приветлива и, несмотря на все, Китти была глубоко убеждена, что в ее глазах она, Китти, только дух без плоти и содержания. Ей захотелось вдруг схватить толстую, добродушную сестру за плечи, встряхнуть ее и крикнуть: — Разве вы не знаете, что я несчастное, одинокое человеческое существо и нуждаюсь в ласке, поддержке и любви! — Эта мысль заставила Китти улыбнуться. Как удивилась бы сестра Жозефа. Она, конечно, пришла бы к убеждению, что все англичане сумасшедшие, что, впрочем, она давно подозревала.

— К счастью, я очень хорошо переношу море, — отвечала Китти, — я ни разу не страдала морской болезнью.

Надзирательница возвратилась с маленьким, аккуратным пакетиком в руках.

— Это носовые платки, которые я приготовила в подарок моей матери ко дню ее именин; монограммы вышли наши ученицы.

Сестра Жозефа предложила дать Китти полюбиться дивной работой, и надзирательница, со снисходительной, слегка извиняющейся улыбкой, развернула пакет. Платки были из тончайшего линобатиста, инициалы были сплетены в самую неожиданную монограмму. Когда Китти ими достаточно

налюбовалась, их опять завернули и вручили ей. Сестра Жозефа с возгласом: *Eh bien, madame, je vous quitte* — и повторением своих вежливых, безличных поклонов — удалилась.

Китти поняла, что наступил момент прощанья с надзирательницей. Она ее поблагодарила за всю ее доброту к ней, и они вместе пошли по длинным, пустым белым коридорам к выходу.

— Вас не затруднит сдать посылку на почте в Марселе и получить расписку? — спросила надзирательница.

Китти взглянула на адрес. Название местности показалось ей знакомым.

— Да ведь это место, которое я видела, когда мы, с компанией друзей, объезжали Францию на автомобиле.

— Очень вероятно, — сказала надзирательница.

— Если бы я жила в таком дивном месте, у меня никогда бы не хватило мужества оттуда уехать.

— Да, это очень старинное историческое поселение. Но там неуютно. С большим сожалением вспоминаю я маленький *château* в Пиринеях, где я родилась и где прожила все свое детство. Не отрицаю, иногда у меня является желание слышать звук разбивающихся о скалы волн морских. — Они дошли до скромной, маленькой двери дома и, к удивлению Китти, надзирательница обняла и поцеловала ее. Это было так неожиданно, что от прикосновения этих бледных губ, сперва к одной щеке, потом к другой, Китти бросило в жар, и ей захотелось плакать.

— Прощайте, дорогая, милая девочка. С минуту она ее удерживала в своих объятиях. — Помните, что не достаточно исполнять свой долг; это не более похвально, чем вымыть руки, когда они грязны; с единственное, что имеет цену, это — полюбить свой

долг; когда любовь и долг совмещаются, то обретаешь счастье бесконечное, неопишемое.

Дверь дома затворилась за Китти в последний раз.

54.

Ваддингтон проводил Китти до вершины горы. По дороге они смотрели могилу Вальтера. Ваддингтон простился с ней у монумента-арки. Взглянув на арку в последний раз, Китти почувствовала, что на скрытую в ней таинственную иронию она может теперь ответить такой же иронией. Она села в носилки.

День проходил за днем. Расстилавшиеся перед ее глазами виды, по обе стороны дороги, служили фоном ее размышлений. Они ей представлялись как-бы в удвоенном виде, рельефными, как в стереоскопе, и более значительными, так как ко всем впечатлениям прибавлялось воспоминание о том, что она видела несколько кратких недель тому назад, когда совершала тоже путешествие, только в другую сторону. Кули с их ношами, брели беспорядочными группами, по два-три человека, ядрах в ста позади плелся какой-нибудь один, сзади его еще двое-трое; солдаты конвоя, своей неуклюжей походкой медлительно волоча ноги, двигались вперед со скоростью двадцати пяти миль в день. Ама несли два носильщика, Китти — четыре, не потому чтобы она была тяжелее, а ради приличия. От времени до времени они встречали партии кули с тяжелыми грузами на плечах; иногда чиновника в тростниковых носилках, пылливо разглядывавшего белую женщину, иногда крестьян, в синих выгоревших одеждах и огромных шляпах, направлявшихся на рынок. Попадались навстречу женщины, молодые и старые,

ковылявшие на своих уродливых, замотанных в тряпки, ногах. Они шли вверх и вниз, по холмам, среди хорошо вспаханных рисовых полей, мимо ферм, уютно гнездившихся среди бамбуковых рощ, проходили через нищенские деревни и многолюдные города, окруженные стенами.

Была ранняя осень. Рано утром, когда мерцающая зоря придавала опрытым полям сказочное очарование, было холодно, днем же умеренно-жарко. Тепло наполняло Китти блаженством, с которым она не пыталась бороться. Яркие картины, с их нарядной окраской и странной загадочностью, служили экраном, по которому проходили таинственные бестелесные образы — призраки, вызванные воображением Китти; они казались нереальными. Мей-тан-Фу с его зубчатыми стенами был похож на разрисованный холст, какой употреблялся в старинных пьесах для изображения города. Сестры, Ваддингтон и манджурская женщина, его любившая, были причудливыми действующими лицами в масках; остальные: народ, пробирающийся по извилистым улицам города, и те, кто умирал, — были безымянными статистами. Все это имело какое-то значение. Но какое? Как будто все они исполняли какой-то древний, тщательно изученный, обрядовый танец, но, при всем желании понять смысл сложных фигур его, нельзя было получить никакого указания, никакой нити, ведущей к разгадке.

Китти отказывалась верить (старая женщина в одежде синего цвета, отливавшего на солнце лазурью, проходила по шоссе; ее лицо, покрытое сеткой морщин, было похоже на маску из слоновой кости; переступая крошечными ногами, она опиралась на длинную, черную трость), что она и Вальтер приняли участие в этом странном, нереальном танце. Тем не менее они сыграли в нем значительные

роли. Было вероятно и возможно, что она умрет, — умер он. Была ли это шутка; может быть, это только сон, от которого она со вздохом облегчения вдруг проснется? Как-будто все это случилось очень давно, где-то очень далеко. Странно, до какой степени все действующие лица этой пьесы казались бледными тенями на солнечном фоне действительной жизни. А может быть, это — сказка, которую она читает в книге; удивительно, что это будто совсем к ней не относится. Она уже не могла отчетливо припомнить черты лица Вадингтона, с которыми, кажется, была достаточно знакома.

Сегодня вечером они достигнут города на Уэстерн Ривер, где она сядет на пароход, а там одна ночь до Чинг-Иена.

55.

Сначала ей было стыдно, что она не плакала, когда умер Вальтер. Какое бессердечие с ее стороны! Даже у китайского офицера, полковника Ю, глаза были полны слез. Смерть мужа поразила ее. Ей трудно было привыкнуть к мысли, что он больше не вернется в фанзу и что по утрам она больше не услышит плеск воды, означавший, что он принимает ванну. Он был живой, теперь он мертвый. Сестры удивлялись и восхищались покорностью и мужеством, с которыми она переносила свое горе, но проникательный Вадингтон, хотя и выказывал ей глубокое сочувствие, держался, как ей казалось, особого мнения на этот счет. Конечно, смерть Вальтера была ударом для нее. Смерти его она не желала. Но ведь она его не любила, она его никогда не любила; для приличия надо было держаться с подобающей моменту грустью: некрасиво и неприлично дать людям заглянуть в свое сердце.

Но она слишком много перестрадала, чтобы притворяться перед самой собой. Последние несколько недель жизни научили ее (как ей казалось), что если и необходимо иногда лгать другим, всегда подло лгать самой себе. Ей было очень грустно, что Вальтер умер такою трагическою смертью, но сожалела она об этом просто по чувству человечности, как пожалела бы всякого постороннего знакомого. Она признавала выдающиеся качества Вальтера, но почему-то он ей не нравился, ей всегда с ним бывало скучно. Она не допускала мысли, что его смерть явится для нее облегчением и, если бы единым словом могла вернуть ему жизнь, то, не задумываясь, произнесла бы это слово; однако, она не могла отогнать от себя мысли, что его смерть до некоторой степени упрощает ей жизнь. Они никогда не были бы счастливы вместе, а разойтись было бы слишком затруднительно. Она сама ужасалась своим чувствам; и всякий, кто бы их разгадал, счел бы ее жестокой и бессердечной. Но ведь никто этого знать не будет. Неужели все хранят в своих сердцах позорные тайны и тщательно скрывают их от людских глаз?

О будущем она мало думала и не делала никаких планов; она только решила оставаться в Чинг-Иене как можно меньше. Мысль о моменте приезда туда приводила ее в содрогание. Ей бы хотелось навеки продлить это путешествие в тростниковых носилках по дружеской, приветливой стране, навсегда остаться равнодушным зрителем движущейся перед глазами картины жизни и каждый день ночевать под другой кровлей. Однако, с ближайшим будущим надо считаться: по прибытии в Чинг-Иен она поедет в гостиницу и сразу начнет хлопотать о прекращении аренды дома и о продаже всей обстановки. Нет никакой надобности встречаться с Таунсэндом.

Он будет деликатен и не попадется ей на глаза. Однако, ей хотелось бы видеть его еще раз, чтобы высказать ему, как она его презирает.

Но стоит ли думать о Чарльзе Таунсенде! Подобно дивной мелодии арфы, возносящейся торжественными звуками из сложных сочетаний симфонии, в сознание Китти упорно возвращалась все та же мысль. При свете этой мысли окружающая перспектива рисовых полей облекалась дивной, экзотической красотой. Улыбка красила бледные губы, когда веселый юноша бодрой походкой спешил по дороге к городу, и новое очарование принимали города по пути ее следования. Зараженный город был тюрьмой, из которой она вырвалась. Никогда еще она так сильно не чувствовала, как дивно хорошо это яркое, синее небо, как прелестны бамбуковые рощи, грациозно склонившиеся над шоссе. Свобода! Это слово радостно звучало в ее сердце, и будущее, хотя и безотрадное, окрашивалось радужными цветами, подобно утреннему туману над рекой, когда его озарит солнце своими яркими лучами. Свобода! Освобождение не только от докучливых уз и общества человека, наводившего на нее уныние; освобождение не только от угрозы смерти, но также от позорной любви. Освобождение от всех духовных связей.

Она обрела свободу бесплотного духа и вместе с нею отвагу и полное безразличие к тому, что ожидает ее впереди.

56.

Когда пароход подходил к пристани Чинг-Меня, Китти стояла на палубе и смотрела на живую и веселую картину рейда, оживленного массою судов. Потом она спустилась в свою каюту—посмотреть, не

забыла ли там ама чего-нибудь из ее вещей. Она взглянула на себя в зеркало. На ней было черное платье, не настоящий траур: сестры просто выкрасили одно из ее платьев в черный цвет. Она решила первым делом позаботиться об этом. Траурные одеяния послужат хорошим прикрытием для ее чувств, столь не соответствующих моменту. Кто-то постучал в дверь. Ама отворила.

— Миссис Фэйн, — раздался голос.

Китти, обернувшись, увидела лицо, которое она в первую минуту не узнала. Ее сердце вдруг застучало, и она покраснела. Это была Доротти Таунсэнд. Ее появление было так неожиданно для Китти, что в первую минуту она не знала ни что делать, ни что сказать, но миссис Таунсэнд вошла и порывисто обняла ее.

— Дорогая моя, дорогая, как мне вас жалко! — Китти не противилась ее объятиям. Она была немного удивлена горячими излияниями чувств этой женщины, которую всегда считала сдержанной и холодной.

— Вы очень добры, — прошептала Китти.

— Пойдем на палубу. Ама посмотрит за вещами, да и мои китайцы здесь.

Она взяла Китти за руку и повела наверх. Ее незлобивое, загорелое лицо выражало самое искреннее, сердечное сочувствие.

— Пароход пришел очень рано, я чуть не опоздала, — сказала она, — я бы никогда себе не простила, если бы не застала вас.

— Разве вы нарочно приехали, чтобы меня встретить? — воскликнула Китти.

— Конечно, только для этого.

— Откуда же вы узнали о моем приезде?

— Мистер Вадингтон известил меня телеграммой.

Китти отвернулась, что-то подступило ей к горлу; смешно, что ее так взволновала ласка и приветливость миссис Таунсэнд. Ей не хотелось плакать, хотелось, чтобы та ушла, но миссис Таунсэнд взяла руку Китти и пожала ее.

— У меня к вам большая просьба. Чарли и я просим вас остановиться у нас на время вашего пребывания в Чанг-Иене.

Китти вырвала у нее свою руку.

— Я вам очень, очень благодарна, но это невозможно.

— Но вы должны согласиться. Вы не можете жить одни в прежнем своем доме, это было бы слишком тяжело. Я все приготовила. Вы будете пользоваться отдельной гостиной, вы можете в ней обедать, если не захотите обедать с нами. Мы оба просим вас принять наше приглашение.

— Я не собираюсь жить в моем прежнем доме. Я хочу взять комнату в гостинице Чинг-Иен. Я не могу допустить, чтобы вы ради меня стесняли себя.

Приглашение застало ее врасплох. Она была смущена и раздосадована. Если бы у Чарли было малейшее чувство приличия, он не позволил бы своей жене приглашать ее жить у них. Она не желает ничем быть обязанной ни тому, ни другому из них.

— Я не могу допустить мысли, чтобы вы поселились в гостинице. Вам будет там невыносимо жить теперь среди толпы чужих. Оркестр гремит целый день, это одно чего стоит. Пожалуйста, скажите: да. Обещаю, что ни я, ни Чарли не будем вам надоедать и навязываться.

— Я не понимаю, почему вы так добры ко мне?

Китти уже не находила предлогов для отказа, а прямо и решительно сказать — нет, она не решалась.

--- В эту минуту я не очень гожусь для общества чужих.

— Зачем нам быть чужими? Позвольте мне считать вас своим другом, я так этого хочу. — Доротти пожала обе ее руки своими, и ее холодный, сдержанный, изящный голос дрожал от слез. — Я так ужасно хочу, чтобы вы к нам приехали, я так хочу загладить свою вину перед вами.

Китти ничего не понимала. Чем была виновата перед ней Доротти Таунсэнд?

— Я должна признаться, что с первого взгляда вы мне не очень понравились. Вы мне показались слишком развязной и кокетливой. Я — старомодная женщина и к таким вещам отношусь, вероятно, без должной терпимости.

Китти мельком на нее взглянула. Вероятно, Доротти хотела сказать, что нашла Китти вульгарной. Ей стало смешно, но она не выдала себя ничем. Очень ей теперь важно, что о ней думают!

— Когда же я узнала, что вы без малейшего колебания отправились с мужем в пасть смерти, я почувствовала себя совершенной дрянью. Мне было так стыдно. Вы показали такое удивительное мужество, что рядом с вами мы казались себе ничего не стоящими, второсортными людьми. — Слезы струились по ее доброму, некрасивому лицу. — Я не умею выразить вам, до какой степени я вами восхищаюсь и какое уважение я питаю к вам. Я знаю, что ничем не могу облегчить ваше горе, но я хочу, чтобы вы поверили, как глубоко и искренно мое сочувствие к вам, и я буду счастлива, если вы мне разрешите быть вам чем-нибудь полезной. Не сердитесь на меня за то, что я была к вам несправедлива. Вы — героиня, а я слабая, глупая женщина.

Китти побледнела, опустила глаза. Ей было неприятно, что Доротти так сильно волнуется. Она

была тронута ее словами и вместе с тем ей было немного досадно, что эта простодушная женщина верит таким бредням.

— Если вы, действительно, хотите меня видеть у себя, то я с благодарностью принимаю ваше предложение, — со вздохом сказала она.

57.

Таунсэндс жили в гористой части города. Из дома был обширный вид на море.

Чарли обыкновенно не возвращался к завтраку домой, но в день приезда Китти Доротти сказала ей, что, если она в состоянии его принять, он рад будет выразить ей свои чувства соболезнования и поблагодарить за согласие остановиться у них в доме. (Они теперь называли друг друга Китти и Доротти). Китти рассудила: коль скоро встреча с ним неизбежна, то не все ли равно — когда? Она с злорадным удовольствием думала о том, как неприятно и неловко ему будет встретиться с нею. Она отлично поняла, что приглашение исходит от жены, и он, вопреки тому, что это было ему неприятно, должен был выразить согласие и одобрение. Китти припоминала, как, во всех случаях жизни, он старался всегда поступать в соответствии с приличиями. Оказать ей гостеприимство, очевидно, входило в кодекс приличных поступков; он это и сделал. Не мог же он без горечи вспоминать их последнее свидание: такого тщеславного человека, как Таунсэнд, это должно было раздражать, как никогда не заживающая рана. Она утешалась тем, что оскорбила его так же сильно, как и он ее. Он должен ее ненавидеть теперь. Доставляло облегчение чувство, что она его не ненавидит, а только презирает. Злорадное удовлетворение давала мысль, что

теперь он должен с нею считаться. Когда она в тот раз вышла от него из канцелярии, он, конечно, не думал еще когда-либо встретить ее.

Теперь, сидя с Доротти в гостиной, она ожидала, когда он войдет в комнату. Изящество и роскошь окружавшей ее обстановки доставляли ей наслаждение. Она сидела в кресле, всюду стояли чудные цветы, на стенах висели дорогие картины, в комнате было свежо, не слишком светло и очень уютно.

Она вспомнила голую, пустую приемную миссионера в фанзе, тростниковое кресло, кухонный стол, покрытый бумажной скатертью, грязные полки с книгами, дешевые издания романов, жалкие красные занавесы, такие запыленные. Как все это было некрасиво...

Доротти, конечно, никогда и не представляла себе ничего подобного.

Они слышали шум подъезжавшего мотора, и вскоре затем Чарли вошел в комнату.

— Я, кажется, опоздал? Надеюсь, я не заставил вас ждать. Мне надо было быть у губернатора, и я не мог вырваться оттуда.

Он подошел к Китти и радушно протянул ей обе руки.

— Я так рад, так рад, что вы у нас. Доротти, конечно, сказала вам, что мы оба желаем, чтобы вы пробыли у нас как можно дольше и смотрели на наш дом, как на собственный. Но я и сам хочу вам это подтвердить. Располагайте мною, я буду счастлив все на свете сделать для вас. — Взгляд его был полон чарующей искренности, и Китти не знала, замечает ли он иронию, светящуюся в ее глазах. — Я иных вещей говорить не умею и в этих случаях неловок, похож на круглого дурака, но все-таки хочу, чтобы вы знали, как сильно я сочувствую

вашему горю. Он был чертовски славный малый, и его будут долго здесь вспоминать.

— Перестань Чарли, довольно! Китти и так знает... — сказала его жена. — Вот несут коктейли.

По обычаю иностранцев, живущих в Китае, двое китайцев-слуг принесли разные пряности и коктейли. Китти отказалась.

— Нет, выпейте, — радушно настаивал Таунсэнд. — Это вам полезно: вы ведь не видели коктейля с той поры, как уехали из Чинг-Иена; насколько мне известно, в Мей-Тан-Фу льду достать нельзя.

— Вы не ошиблись, — сказала Китти.

Ей почему-то вспомнился нищий с всклокоченной головой, в синих лохмотьях, из которых торчали его исхудалые конечности, — он лежал мертвый у городской стены.

58.

Они сели за стол. Чарли занял хозяйское место во главе стола. После нескольких слов соболезнования, сказанных им Китти, он стал с нею обращаться, словно и не было всего ею пережитого, а как-будто она просто приехала из Шанхая, что-ли, для отдыха и развлечения после сделанной ей там операции аппендицита. Ее надо развлекать, и он усердно принялся за это. Чтобы она чувствовала себя у них, как дома, надо с ней обращаться, как с членом семейства. Он заговорил об осенних конских бегах, об игре в поло, клялся, что ему придется бросить игру, если он не сбавит свой вес; рассказывал, о чем болтал с ним сегодня утром губернатор, о празднике на флагманском судне, куда они были приглашены, о положении дел в Кантоне, о достоинствах и недостатках лужайки для игры в поло

в Лушане. Слушая его, не верилось, что где-то, в расстоянии шестисот верст отсюда (кажется, таково расстояние между Лондоном и Ливерпулем) мужчины, женщины, дети умирали, как мухи. Скоро и Китти увлеклась разговором и задавала ему разные вопросы: справлялась о здоровье кого-то, кто сломал себе ключицу, играя в поло; уехала ли миссис такая-то домой в Англию, участвует ли миссис такая-то в теннисном состязании? Чарли шутил, и она улыбалась его шуткам. Доротти, с несколько покровительственным видом (теперь он к Китти не относился и потому не был обижен) вставила несколько иронических замечаний насчет некоторых членов колонии. Китти стала бодрее и веселей.

— Посмотри, — сказал Чарли жене, — она уже лучше выглядит. До завтрака я был поражен ее бледностью, теперь щёки у нее немного порозовели.

Китти участвовала в разговоре, не выказывая при этом явной веселости (это могло неприятно поразить Доротти и даже Чарли, с его чутким пониманием того, что требуют приличия), но охотно и приветливо.

В течение прошедших недель ее воображение было мстительно занято Таунсэндом, и она мысленно восстанавливала перед собой его наружность: густые, выющиеся волосы были слишком густы, слишком тщательно приглажены и, чтобы скрыть начинающуюся седину, слишком обильно смазаны помадой; лицо было слишком красно, с сеткой лиловатых жилок на щеках, нижняя часть лица слишком массивна, и он держал голову вверх, чтобы скрыть двойной подбородок. Движения были тяжеловаты и, несмотря на строгую диету и постоянные физические упражнения, он продолжал толстеть. Он и теперь был слишком жирен, его суставы потеряли гибкость молодости и одервенели, как у пожилого

человека. В его седеющих густых бровях было что-то обезьянье, что отталкивало Китти. Его модные костюмы были ему тесны и слишком для него моложавы.

Но когда он вошел перед завтраком в гостиную, Китти была поражена и изменилась в лице — она убедилась, что воображение, странным образом, подшутило над ней: он совсем не был похож на того, каким она его представляла себе. Она едва удержалась, чтобы не рассмеяться над собой. Его волосы не были седыми, на висках было несколько белых волосков, но это ему шло, лицо не было красно, оно только загорело, голова красиво сидела на плечах; он не был толст и не был стар, его почти можно было назвать стройным, и фигура была очень красива; не мудрено, что он не без гордости смотрел на себя. Он был похож на юношу. Очевидно, он умел одеваться, глупо это отрицать, и всегда имел аккуратный, опрятный и нарядный вид. Почему она составила себе такое дикое представление о нем? Он был очень красивый мужчина. К счастью, она сознавала, какой он вместе с тем презренный человек. Нельзя отрицать и того, что голос у него был чарующий, — именно таким она его и помнила, — но благодаря этому еще труднее было переносить его лживые, неискренние речи. Разнообразие и теплота тонов его голоса резали теперь фальшью ее уши, и она удивлялась, как могла ему верить. У него были чудные глаза, в них заключалось главное его очарование; это были нежные, голубые глаза, и даже, когда он болтал разный вздор, выражение этих глаз было необыкновенно обольстительно. Устоять перед ними было невозможно.

Наконец, завтрак кончился, подали кофе, и Чарли закурил свою манильскую сигару. Он посмотрел на часы и встал.

— Я должен вас покинуть теперь и предоставить вам занимать друг друга. Мне пора в канцелярию. — Он помолчал и затем, ласково и дружески взглянув на Китти, сказал:

— День или два я не буду беспокоить вас, пока вы не отдохнете, потом мне надо будет поговорить с вами о деле.

— Со мной?

— Мы должны поговорить о вашем доме и решить, как поступить с мебелью.

— Я могу обратиться к адвокату. Зачем мне вас беспокоить?

— Не воображайте, что я допущу вас тратить деньги на судебные издержки. Я позабочусь обо всем. Вы должны хлопотать о пенсии, я посоветуюсь с кем надо, и посмотрим, нельзя ли добиться ее увеличения. Доверьтесь мне. Ни о чем пока не заботьтесь. Мы хотим только, чтобы вы отдохнули и поправились, не правда ли, Доротти?

— Конечно.

Он кивнул Китти и, проходя мимо жены, поцеловал ей руку. Англичане бывают обыкновенно смешны, когда целуют женщинам руку, он же делал это с грациозной развязностью.

59.

Окончательно разместив вещи и устроившись у Таунсэндов, Китти почувствовала сильную усталость. Комфорт и непривычный покой здешней жизни вызвали у нее реакцию. Напряженные нервы сдали. Она уже успела позабыть, как приятно, как убаюкивающе спокойно жить окруженной красивыми вещами и принимать от всех знаки внимания. Со вздохом облегчения погрузилась она снова в удобную жизнь роскошного востока. Было приятно чув-

ствовать, как возбуждалось у окружающих сочувственное любопытство, деликатно и сдержанно выражаемое.

Она еще так недавно потеряла мужа, что устраивать в честь ее вечера и обеды было нельзя; зато все важные дамы колонии (жена губернатора, жены адмиралов и главного судьи) приезжали выпить чашку чаю с ней. Жена губернатора говорила ей о своем муже, что он будет рад, если Китти примет приглашение позавтракать запросто в губернаторском доме; конечно, будут только они и адъютанты. Эти дамы обращались с Китти, как с хрупким и ценным фарфоровым предметом. Она догадывалась, что ее считают героиней, и в ней было достаточно юмору, чтобы суметь войти в роль и играть ее сдержанно и скромно. Ей иногда очень недоставало Вадингтона; со своим лукавством и проницательностью, он оценил бы комизм положения, и наедине с ним они славно посмеялись бы над этим. Доротти получила от него письмо, в нем он много говорил о Китти и восхвалял ее самоотверженную работу в воспитательном доме, ее мужество и стойкость. Конечно, он, дрянь этакая, просто дурачил их.

60.

Китти не знала, случайно ли, или намеренно, Чарли никогда, ни на минуту не оставался с нею наедине. Он держал себя удивительно тактично; всегда был мил с нею, внимателен и любезен, и, видя их вместе, никто бы не догадался, что они когда-то были гораздо более близки, чем простые знакомые. Но однажды днем, когда она лежала на кушетке с книгой в руках, у дверей своей спальни, он появился на веранде и подошел к ней.

— Что вы читаете? — спросил он.

.... Книгу.

Она насмешливо смотрела на него. Он улыбнулся.

— Доротти отправилась на пикник к губернатору.

— Я знаю. Почему вы не пошли?

— Мне не хотелось, я предпочел вернуться домой и посидеть с вами. Мотор ждет, не хотите ли прокатиться по острову?

— Нет, благодарю вас.

Он сел в ногах кушетки, на которой она лежала.

— Нам ни разу не пришлось поговорить с вами, с глазу на глаз.

Она холодно и дерзко посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы, значит, предполагаете, что у нас есть что сказать друг другу?

— Даже очень много.

Она чуть отодвинула ноги, чтобы не прикасаться к нему.

— Вы все еще на меня сердитесь? — спросил он с улыбкой. В глазах была ласка и нежность.

— И не думаю сердиться, — со смехом сказала она.

— Если бы это было правдой, вы бы не смеялись.

— Вы ошибаетесь; я слишком вас презираю, чтобы ненавидеть.

Он оставался невозмутимым.

— Мне кажется, что вы ко мне не вполне справедливы. Если вспомнить, как было дело, то вы должны по совести признаться, что я был прав.

— С вашей точки зрения, да.

— Теперь, когда вы близко узнали Доротти, вы должны признать, что она славная женщина.

— Конечно. Я ей бесконечно благодарна за ее доброту ко мне.

— Эта женщина—одна из тысячи. Я бы никогда себе не простил, если бы мы с вами тогда сбежали. Это была бы гадость по отношению к ней. Кроме того, я должен был подумать и о своих детях, это повлияло бы на все их будущее.

С минуту она задумчиво смотрела на него. Она чувствовала себя хозяйкой положения.

— Я внимательно наблюдала за вами с тех пор, как я здесь, и пришла к заключению, что вы очень привязаны к Доротти. Я не считала вас способным на это.

— Я ведь вам говорил, что очень ее люблю. Я никогда не сделаю ничего, что может доставить ей хоть минутное огорчение. Лучшей жены, чем она, ни один человек себе пожелать не может.

— Вам никогда не приходила в голову мысль, что вы обязаны быть ей верным.

— Чего глаз не видит, о том сердце не болит,— с улыбкой сказал он.

Она пожала плечами.

— Вы достойны презрения.

— Я только человек. Я не вижу, почему вы считаете меня подлецом за то, что я до безумия влюбился в вас. Я в этом не виноват.

Ее сердце дрогнуло, когда он произнес эти слова.

— Я была достойной дичью, — с горечью отвечала она.

— Конечно. Как же я мог предвидеть, что мы попадем в такую чертову ловушку?

— Во всяком случае вы уже вперед рассчитали, что, если кто-нибудь и пострадает, то уж никак не вы.

— Это уж слишком! Теперь, когда все кончено, вы должны признать, что я действовал наилучшим образом для нас обоих. Вы растерялись и должны

быть рады, что я сохранил присутствие духа. Разве вы думаете, что было бы хорошо, если бы я согласился исполнить ваше требование? Нас поджарили на сковородке, но было бы еще хуже, если бы нас швырнули прямо в печку. С вами никакой беды не случилось. Поцелуемся и заключим мир.

Она чуть не расхохоталась.

— Неужели я должна забыть, что вы без малейшего сожаления послали меня почти на верную смерть.

— Какие глупости! Я же вам говорил, что нет никакой опасности, если быть осторожным. Неужто отпустил бы я вас туда, если бы не был вполне в этом убежден?

— Вы были убеждены, потому что вам этого хотелось. Вы один из тех подлецов, которые верят только тому, что для них выгодно.

Во всяком случае результаты доказывают, что я был прав. Вы вернулись и, смею сказать, вернулись еще более красивой и привлекательной, чем когда-либо.

— А Вальтер?

Он не устоял, чтобы не высказать пришедшую ему в голову игривую мысль.

— Вам очень к лицу черное.

Возмущенная, она смотрела на него и внезапно зарыдала. Ее прелестное лицо исказилось от горя. Она не пыталась закрыть лицо, а продолжала лежать с вытянутыми вдоль тела руками.

— Ради бога, перестаньте так плакать. Я не хотел вас обидеть. Я только пошутил. Вы знаете, как искренно я сочувствую вашему горю.

— Молчите, перестаньте говорить глупости.

— Я бы отдал все на свете, чтобы вернуть Вальтеру жизнь.

— Мы с вами причина его смерти.

Она вырвала от него руку, которую он пытался взять.

— Оставьте меня, уйдите; это единственное, о чем я вас прошу. Я ненавижу и презираю вас. Вальтер стоял десяти таких, как вы, а я, глупая, этого не понимала. Уходите! Уходите!

Видя, что он опять собирается что-то сказать, она вскочила и пошла в свою комнату. Он вошел за нею следом и предусмотрительно задвинул ставни. Они очутились почти в полной темноте.

— Я не могу покинуть тебя в таком состоянии,—сказал он, обнимая ее,—верь, что я не хотел оскорбить тебя.

— Не прикасайтесь ко мне. Ради бога, ради бога уйдите!

Она старалась вырваться из его объятий, но он не выпускал ее. Она иступленно рыдала.

— Дорогая, любимая! Я всегда тебя страстно любил, а теперь люблю еще сильнее прежнего.

— Как вы можете так лгать! Выпустите меня! Будьте вы прокляты! Выпустите меня!

— Не будь безжалостна, Китти. Я сознаю, что поступил с тобой, как скотина. Прости!

Она рыдала и, вся дрожа, боролась, стараясь вырваться из его объятий, но прикосновение его рук действовало на нее удивительно благотворно. Когда-то она так жаждала хоть раз испытать снова это счастье. Теперь она вся дрожала; силы оставили ее, и чувство невыразимой истомы охватило тело. Горе о Вальтере сменилось жалостью к самой себе.

— Как ты мог быть так жесток ко мне? — Рыдала она.—Ведь я всем сердцем любила тебя. Никто никогда так не любил тебя.

— Дорогая, милая!

Он осыпал ее поцелуями.

— Нет, нет!—кричала она.

Он старался повернуть к себе ее лицо и жадно искал ее губ. Она уже не понимала отрывистых, страстных слов, которые он произносил. Его объятия крепко сжимали ее. Она прильнула к нему, как испуганный ребенок к груди матери, ища приюта и безопасности. Она слабо стонала, глаза закрылись, и лицо оросилось слезами. Он нашел ее губы, и ощущение его поцелуя небесным огнем пронзило ее тело. Это было блаженство, которое, как пламя, пожирало ее, и она сияла, как преображенная. В сновидениях она уже переживала это чувство упоения. Что он с ней делает? Она не понимала. Это была уже не женщина, а олицетворенное сладострастие. Он поднял ее, как перышко, и понес; она с отчаянием страсти прижималась к нему; голова ее упала на подушку, губы его впились в ее губы.

61.

Она села на край кровати и закрыла лицо руками.

— Не хочешь ли стакан воды?

Она покачала головой. Он подошел к умывальнику, наполнил стакан и подал ей.

— Выпей немножко, тебе будет лучше.—Он поднес стакан к ее губам, и она маленькими глотками выпила воду. Затем, с ужасом в глазах, пристально посмотрела на него. Он стоял, глядя на нее сверху вниз, и в глазах его светилось самодовольство.

— Ты и теперь продолжаешь считать меня мерзавцем?—спросил он.

Она опустила глаза.

— Конечно, но я не лучше вас, и мне так стыдно, так стыдно!

— Мне кажется, вы могли бы чувствовать некоторую благодарность.

— Уйдете ли вы, наконец?

— По правде сказать, пора. Я только успею привести свой туалет в порядок до возвращения Доротти,—и он бодрым шагом вышел из комнаты.

Некоторое время Китти, в сгорбленной позе, как обезумевшая, продолжала сидеть на кровати. В мозгу была пустота. Дрожь пробежала по всем ее членам. Наконец, она шатаясь поднялась на ноги и, подойдя к туалету, опустилась на стул перед ним. Она взглянула на себя в зеркало. Глаза ее распухли от слез, лицо было в пятнах, и на одной щеке красная метка—там, где прижималось его лицо. Она с отвращением смотрела на свое отражение. Это было все то же ее лицо. Она искала в нем следы пережитого ею позора.

— Свинья!—крикнула она в зеркало,—свинья!

Закрыв лицо руками, она зарыдала. Позор, позор! Теперь было непонятно, как она могла это допустить. Ужасно! Она его ненавидела, ненавидела и себя. Но какое блаженство! Какая гадость! Она никогда не сможет посмотреть ему в глаза. Он вполне оправдался. Он был прав, когда отказывался жениться на ней; она—недостойная женщина, ничем не лучше проститутки. Даже хуже—эти несчастные отдаются за кусок хлеба. И в этом доме, где Доротти приютила ее в минуту несчастья и жестокой скорби! Плечи ее тряслись от рыданий. Все теперь пропало! Она думала, что стала лучше, считала себя вполне вооруженной против искушения; думала, что вернется в Чинг-Иен женщиной, владеющей собой; новые мысли, как желтые бабочки под лучами солнца, порхали в ее сердце, и она стремилась еще совершенствоваться; свобода, как призрак, макила ее вперед; мир был обширной долиной, по которой

она могла идти легким, уверенным шагом, с гордо поднятой головой. Она считала, что сладострастные мысли и низкие пороки навсегда покинули ее, что теперь она будет жить высокою, здоровой духовной жизнью; сравнивала себя с белым мотыльком на вечерней заре, неторопливо летающим над рисовыми полями; такие мотыльки похожи на парящие думы примиренного с собою духа. А она оказалась рабой. Бессильна, бессильна! Бесполезно стараться, безнадежно, она просто—шлюха.

К обеду она, конечно, не выйдет. Она послала слугу сказать Доротти, что у нее болит голова и что она предпочитает остаться у себя в комнате. Доротти пришла, и, видя ее красные, распухшие от слез глаза, ласковым, соболезнующим тоном говорила с ней о разных пустяках. Китти знала: Доротти думает, что она оплакивает Вальтера и, как добрая и любящая жена, сочувствуя ей, бережна к ее естественному огорчению.

— Я знаю, что вам тяжело, дорогая, — сказала она перед своим уходом, — но постарайтесь взять себя в руки. Я уверена, что ваш дорогой муж не желал бы, чтобы вы так о нем убивались.

62.

На следующий день Китти встала рано и, оставив Доротти записку с объяснением, что вышла по делу, села в трамвай и спустилась вниз в город. По улицам, запруженным автомобилями, рикшами, носилками и пестрой толпой европейцев и китайцев, она дошла до конторы Океанского Пароходного Общества. Пароход отплывал через два дня, первый пароход, уходивший из рейда после ее возвращения сюда, и она решила во что бы то ни стало на нем уехать. Когда конторщик сказал ей, что все

каюты заняты, она ответила, что будет говорить с заведующим. Она послала доложить о себе, и заведующий, оказавшийся ее знакомым, сам вышел к ней и пригласил в кабинет. Он знал все, касающееся ее, и когда она ему сказала, что ей необходимо уехать с этим пароходом, он велел принести список пассажиров и долго и недоуменно изучал его.

— Я очень прошу вас сделать для меня все, что возможно, — настаивала она.

— Я знаю, что ни один из жителей колонии не отказался бы сделать для вас все, что только возможно, миссис Фэйн, — отвечал он.

Он вызвал к себе конторщика, задал ему несколько вопросов и одобрительно кивнул головой.

— Я перемещу нескольких пассажиров. Знаю, что вы спешите домой и считаю себя обязанным содействовать вам, как только могу. Я дам вам маленькую каюту, вам так будет приятнее.

Она выразила ему свою глубокую благодарность и, гордая успехом, вышла из конторы. Бежать во что бы то ни стало — эта мысль преследовала ее. Она отправила телеграмму отцу о своем приезде (о смерти Вальтера она ему прежде телеграфировала) и вернулась к Таунсэндам, чтобы сообщить Доротти о своем отъезде.

— Нам очень грустно с вами расставаться, — сказала добрая женщина, — но мы понимаем, что вам хочется скорее уехать к родителям.

После возвращения в Чинг-Иен Китти со дня на день откладывала посещение своего бывшего дома. Она боялась столкнуться там с воспоминаниями, которыми он был полон, но теперь медлить уже было нельзя.

Таунсэнд уже распорядился о продаже всей обстановки и нашел желающего взять на себя

аренду дома, но надо было еще уложить платье, свое и Вальтера, книги, фотографии и разные безделушки. Они взяли в Мей-Тан-Фу только самое необходимое. Китти совсем не интересовали эти вещи, она стремилась забыть все, что относилось к ее прежней жизни, отрезать себя окончательно от нее; но она предвидела, как будут оскорблены чувства приличия всех обитателей колонии, если она допустит продажу с аукциона этих личных вещей заодно с мебелью. Вещи будут уложены и отправлены вслед за нею.

Итак, после завтрака она собралась идти в свой прежний дом. Доротти, желая ей помочь, предложила свои услуги, но Китти отказалась и взяла с собой двух китайцев — слуг для помощи при укладке вещей.

Дом был оставлен на попечение старшего слуги-китайца, и он отворил ей дверь. Странно было ей, словно чужой, входить в собственный дом. Внутри все было чисто и в полном порядке. Все вещи стояли на своих местах, готовые к употреблению, но, несмотря на жаркий, ясный день, комнаты имели холодный, нежилой вид. Мебель чинно стояла вдоль стен, вазы, наполненные прежде цветами, стояли пустые на своих местах; книга лежала на столе, там, где Китти ее оставила, открытой и перевернутой. Казалось, что из дому ушли только минуту тому назад, но эта минута равнялась вечности; нельзя было представить себе, чтобы здесь опять зазвучал человеческий голос или раздался веселый смех. На пьянино лежали открытые ноты фокстрота, точно ожидая, что кто-нибудь сейчас заиграет, но при этом казалось, что если бы кто-либо попробовал ударить по клавишам, они бы не издали ни одного звука. Комната Вальтера была так же тщательно прибрана, как-будто он сам в ней жил. На комод

стояли две фотографии Китти: одна изображала ее в пышном наряде, другая — в подвенечном платье.

Китайцы пригласили из кладовой сундуки, и Китти стояла и смотрела, как они укладывают вещи. Они работали быстро и аккуратно, ясно было, что всю укладку легко окончить в два дня. Ей не надо думать ни о чем постороннем, на это нет времени.

Сзади вдруг раздались шаги и, оглянувшись, она увидела Чарльза Таунсенда. Сердце ее похолодело от неожиданности.

— Что вам угодно? — спросила она.

— Пойдемте в гостиную, я хочу с вами поговорить.

— Я очень занята.

— Я отниму у вас не более пяти минут.

Она больше не возражала и, приказав китайцам продолжать работу, прошла с Чарльзом в соседнюю комнату. Она не садилась, чтобы показать ему, что их разговор не должен быть продолжителен. Сердце тревожно билось, и она чувствовала, что бледнеет, но смотрела ему прямо в лицо холодными, враждебными глазами.

— Что вам от меня нужно?

— Доротти мне только-что сказала, что вы уезжаете послезавтра. Она мне сообщила, что вы здесь для укладки вещей и просила меня позвонить и спросить, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

— Очень вам благодарна, я справлюсь и одна.

— Так я и думал и не для того сюда пришел. Я пришел спросить, имеет ли ваш внезапный отъезд какое-нибудь отношение к тому, что случилось вчера.

— Вы оба с Доротти были так добры ко мне, что я не хотела более злоупотреблять вашей любезностью.

Это не прямой ответ на мой вопрос.

Какое вам до этого дело?

— Для меня это очень важно. Мне неприятна мысль, что какой-нибудь мой поступок вынудил вас уехать.

Она стояла у стола, взгляд ее упал на номер „Скэтча“. Это был старый номер, вышедший несколько месяцев тому назад. Тот самый Скэтч, который Вальтер весь вечер держал в руках перед своими неподвижными глазами, когда... и Вальтер теперь... Она опять подняла взор на Чарли.

— Я чувствую себя совершенно опозоренной. Вы не можете так презирать меня, как я себя презираю.

— Но ведь я вас не презираю. Все, что я вам вчера говорил, я истинно чувствовал. Какой толк так стремительно умчаться? Отчего нам не быть друзьями? Я не могу примириться с вашим дурным мнением обо мне.

— Отчего вы не оставили меня в покое?

— К чорту все это, я не камень и не деревяшка. У вас какой-то неразумный взгляд на вещи, вы как-то болезненно-мрачно на все смотрите. Наконец, мы же люди.

— Я не чувствую себя человеком. Я животное. Свинья, кролик или собака. Я вас не обвиняю, я была так же мерзка, как и вы. Я вам поддалась, потому что сама вас хотела. Но это была не я, не настоящая я. Я — не такая гнусная, скотская, сладострастная женщина. Я от нее отрекаюсь. Это не я лежала на этой постели, задыхаясь от страсти в ваших объятиях, только-что похоронив мужа и пользуясь дружбой и бесконечной добротой вашей жены. Это была живущая во мне тварь, мрачная и страшная, как дух тьмы. Я от нее отрекаюсь; я ненавижу и презираю ее. Когда я вспоминаю об этом,

меня душит отвращение, и мне кажется, что меня вырвет.

Он нахмурился и неловко, конфузливо усмехнулся.

— Я обладаю достаточным запасом терпимости, но иногда вы говорите вещи, которые меня действительно возмущают.

— Очень жаль. Лучше уйдите отсюда. Вы — очень незначительный, маленький человечек, и с моей стороны глупо вести с вами серьезный разговор.

Некоторое время он не отвечал, но по тени, промелькнувшей в его голубых глазах, она могла догадаться, что он зол на нее. Этот любезный, благовоспитанный человек вздохнет с облегчением, когда проводит ее на пароход. Для забавы она представляла себе, как изысканно-вежливо он будет пожимать ей руку на прощанье и желать ей счастливого пути, а она будет благодарить его за гостеприимство.

Но вдруг лицо его изменилось.

— Доротти мне сказала, что у вас будет ребенок.

Она покраснела, но ни одним движением не выдала волнения.

— Да.

— Не я ли его отец?

— Нет, нет. Это ребенок Вальтера.

Она сказала это невольно, слишком выразительно произнося каждое слово, и чувствовала, что ее тон не убедит его.

— Вы наверно это знаете? — с плутовской улыбкой сказал он. — Ведь вы были замужем два года, и ничего не случилось. Числа совпадают. Мне кажется, гораздо более вероятно, что этой мой ребенок.

— Я предпочла бы умереть, чем иметь ребенка от вас.

— Это глупости. Я буду страшно рад и горд этим. Я бы хотел, чтобы это была девочка. От Доротти у меня были только мальчики. Вы не долго останетесь в неизвестности. Все мои дети — мой живой портрет.

К нему вернулось его хорошее расположение духа, и она знала почему. Если ребенок его, то, и расставшись с ним навсегда, она никогда не сможет вполне избавиться от него. Власть его над нею настигала бы ее всюду, и он продолжал бы незаметно, но определенно влиять на ее жизнь.

— Вы — самый тщеславный, безмозглый осел, какого, на мое горе, мне когда-либо приходилось встречать.

63.

Во время продолжительного, спокойного плавания она непрерывно думала о приключившемся с ней ужасе. Она не могла понять самое себя. Все случилось так неожиданно. Что это было такое? Что так неудержимо охватило ее и, вопреки ее презрению к нему, ее великому презрению, заставило страстно отдаться его нечистым объятьям? Злоба наполняла ее сердце и, вместе со злобой, отвращение к самой себе. Она чувствовала, что никогда не забудет своего унижения. Она рыдала.

Но чем дальше она удалялась от Чинг-Иена, тем, неприметно для нее самой, живость гнусного воспоминания понемногу угасала. Как-будто то, что с ней случилось, произошло не теперь, а когда-то очень давно, в какой-то другой жизни. Нечто подобное испытывает человек, внезапно пораженный безумием; придя в себя, он стыдится и сокрушается о тех глупостях, которые он наделал в своем безумии, хотя сохранил о них только смутное воспо-

минание. Но он знает, что он был тогда невменяем, и потому, хоть в собственных глазах, имеет право на снисхождение. Китти полагала, что всякий, не лишенный великодушия человек скорее пожалеет, чем обвинит ее, и со вздохом глубокого сожаления убеждалась, как жестоко пострадала ее уверенность в себе. Прежде она думала, что перед нею лежит удобный, прямой путь, а теперь приходила к выводу, что дорога ей предстоит извилистая и полная ловушек. Обширные горизонты и неописуемо красивые закаты солнца в Индийском океане успокоительно действовали на нее. Она точно плыла к неведомой земле, где опять найдет и овладеет своими душевными способностями. Только бы вернуть уважение к себе, хотя бы ценою жестокой борьбы; она должна найти в себе силы вступить в нее.

Будущее представлялось ей одиноким и трудным. В Порт-Саиде она получила письмо от матери в ответ на свою телеграмму. Письмо было длинное, написанное крупным характерным почерком, каким принято было писать в дни юности ее матери.

Любуясь красиво разукрашенными буквами, вы невольно сомневались в искренности чувств автора. Миссис Гарстинг выражала сожаление по поводу смерти Вальтера и, в должных выражениях, свои соболезнования горю дочери. Хорошо ли обеспечена Китти? Конечно, министерство колоний назначит ей пенсию. Она рада, что Китти едет обратно в Англию и, конечно, до рождения ребенка она должна пожить у них. Затем следовали разные советы, которым Китти должна обязательно следовать; разные подробности относительно родов Дорис. Ребенок весил столько-то, дедушка с отцовской стороны был от него в восторге и говорил, что лучшего

ребенка он никогда не видал. Дорис была опять в ожидании, все надеялись, что опять будет мальчик; тем спокойнее, что титул наверное будет иметь наследника. Китти поняла, что суть письма заключается в сроке, который мать назначала для ее пребывания в их доме. Миссис Гарстинг не желала навсегда брать на себя обузу и держать овдовевшую дочь со скромными средствами. Как это странно, рассуждала Китти, что мать, когда-то обожавшая ее, сделалась к ней совершенно равнодушной, после того как обманулась в своих расчетах. Даже считала ее лишней, ненужной. Как удивительны отношения между родителями и детьми! Над маленькими детьми родители дрожат, переживают мучительное беспокойство при малейшей их болезни. Дети любят их всем сердцем и нежно льнут к ним. Проходит несколько лет, дети вырастают, и для их счастья чужие люди иногда имеют больше значения, чем отец и мать. Равнодушие сменяет слепую, инстинктивную любовь прошлого. Их встречи приносят скуку и раздражение. Прежде они приходили в отчаянье от мысли расстаться даже на месяц, а теперь на многолетнюю разлуку смотрят с полным равнодушием. Пусть мать не беспокоится: при первой возможности она устроится отдельно. Но на это нужно время, теперь ее будущее слишком неопределенно, она не может его осознать. Может быть, она умрет от родов; это было бы лучшее разрешение всех затруднений.

Когда они прибыли в порт, ей подали два письма. Она удивилась, узнав почерк отца. Не могла припомнить, писал ли он ей когда-нибудь. Он не любил излишних и просто начинал письмо: „Милая Китти!“ Он объяснял, что пишет вместо матери, так как та заболела. Ее пришлось поместить в больницу, и ей будут делать операцию. Пусть

Китти не боится и не меняет своего намерения ехать в Англию морем. Это гораздо дешевле, чем сушей, и, в отсутствии матери, ей было бы неудобно жить в доме на Харрингтон-Гарденс. Другое письмо было от Дорис и оно начиналось: „Нежно любимая Китти!“ Это не потому, что она так сильно любила Китти, а просто ее обычное обращение ко всем лицам.

„Нежно любимая Китти!

Я знаю, что отец написал тебе. Маму будут оперировать. Оказывается, она больна уже давно, но она ненавидела докторов и только пичкала себя разными патентованными средствами. Какая у нее болезнь — я не знаю, она всегда все скрывала и выходила из себя при малейших расспросах. Вид у нее был ужасный, и на твоём месте я бросила бы пароход в Марселе и приехала бы сюда как можно скорей. Не выдай меня, не говори, что я тебя вызвала, она делает вид, что ее болезнь — пустяки, и ей не хочется, чтобы ты приехала до возвращения ее из больницы. Доктора обещали ей, что через неделю ее переведут домой.

Любящая тебя
Дорис.

Мне очень жаль Вальтера, ты, бедная моя, конечно, пережила ужасные дни. Я жду — не дождусь, когда увижу тебя. Как смешно, что у нас у обоих почти в одно время будут дети! Мы можем пожать друг другу руки“.

Прочитав эти письма, Китти задумалась. Она не представляла себе мать больной. Она всегда помнила ее бодрой, решительной, деятельной; мать и у других не терпела болезней, это всегда ее раздражало.

Тут официант подошел к ней и подал ей телеграмму.

„С глубоким сожалением сообщаю, что твоя мать скончалась сегодня утром.

Отец“.

64.

Китти позвонила у дверей дома на Харрингтон-Гарденс. Ей сказали, что отец у себя в кабинете. Китти подошла к двери и тихо отворила ее. Он сидел у камина и читал вечерний выпуск газеты.

Когда она вошла, он взглянул на нее, бросил газету и торопливо вскочил на ноги.

— Ах, Китти, я не ожидал тебя так рано!

— Я не телеграфировала о часе моего приезда, чтобы вы не беспокоились и не считали нужным меня встречать.

Он ткнул губами ей в щеку, — обычный его поцелуй, который она хорошо помнила.

— Я немного заглянул в газету, — сказал он, — ведь я два дня газет не читал.

Она поняла, что он хочет как бы оправдаться перед нею в том, что в состоянии заниматься каким-нибудь обыкновенным, житейским делом.

— Конечно, — сказала она, — вы наверно измучились за это время. Смерть матери была страшным ударом для вас.

Он сильно постарел и похудел с тех пор, как она его видела. Невысокий, сморщенный, высохший старичок с церемонными, натянутыми манерами.

— Доктор говорит, что с первой же минуты не было никакой надежды. Уже больше года она страдала и всегда отказывалась пригласить врача.

Доктор не понимал, каким чудом она могла переносить эти непрерывные муки.

— Неужели она никогда не жаловалась?

— Она говорила, что ей нездоровится, но никогда о болях не упоминала.— Он замолчал и посмотрел на Китти.— Ты очень устала с дороги?

— Не очень.

— Не хочешь ли пойти на нее посмотреть?

— Она здесь?

— Да, ее перенесли сегодня утром из больницы.

— Я сейчас пойду.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

В тоне его вопроса звучало что-то, что заставило Китти быстро на него взглянуть. Он слегка отвернулся, как бы для того, чтобы она не видела его лица. За последние годы она сделала большие успехи в умении читать мысли других. Изю дня в день она напрягала свои способности, чтобы по нечаянно сказанному слову или неосторожному жесту угадать тайные мысли мужа. Она сразу угадала то, что отец хотел от нее скрыть. Эта смерть принесла ему облегчение, безграничное облегчение, и он ужасался этому чувству в себе. Почти тридцать лет он был хорошим, верным мужем, и никогда ни словом не выражал ей неудовольствие или порицание. Теперь ему надлежало оплакивать ее смерть. Он всегда делал то, что ему полагалось делать, именно то, чего от него ожидали. Теперь он считал неприличным всякий жест и всякий намек, который могли истолковать в том смысле, что он не вполне чувствует так, как должен чувствовать при подобных обстоятельствах убитый горем муж.

— Нет, я пойду одна.

Она поднялась и вошла в большую, холодную, претенциозную спальню, в которой мать ее проспала столько лет.

Она хорошо помнила эту массивную мебель красного дерева, гравюры, копии Маркуса Стона, украшавшие стены комнаты. Все вещи на туалете были аккуратно расставлены, как было при жизни м-с Гарстинг. Цветы казались теперь здесь не у места. М-с Гарстинг считала глупым и нездоровым держать цветы в спальне. Их аромат не мог однако заглушить терпкого, затхлого запаха, будто от сырого белья, которым, по воспоминаниям Китти, всегда была пропитана эта комната.

М-с Гарстинг лежала на постели, со сложенными на груди руками, поза выражала кротость, которою она в жизни не обладала. Мертвой она была очень красива и даже величественна; резкие, выразительные черты лица, ввалившиеся от страданий щеки, впадины на висках. Смерть сгладила выражение корыстолюбия. Теперь ее лицо выражало только властность; она была похожа на римскую императрицу. Странно, что только она одна из всех покойников, которых Китти видела, оставляла впечатление о некогда обитавшей в этом прахе души. Печали Китти в себе не нашла, слишком много горечи испытала она в общении с матерью, и не могла глубоко скорбеть об ее смерти. Вспоминая себя молодой девушкой, она сознавала, что такую воспитала ее мать. Глядя на эту суровую, надменную и властолюбивую женщину, лежавшую тут безмолвно, неподвижно, видя, как мелкие, ничтожные стремления, наполнявшие всю ее жизнь, безжалостно рушились со смертью, Китти исполнилась бесконечной жалостью к ней. Всю жизнь она строила планы, интриговала, стремилась к низким, недостойным целям.

Вошла Дорис.

— Я думала, что ты приедешь с этим поездом и на минутку забежала сюда. Как это ужасно! Бедная, бедная мама!

С рыданиями она бросилась в объятия Китти. Китти ее поцеловала. Китти вспомнила, как мать всегда обижала Дорис, не любя ее за то, что она не красива и не умна. Ее взяло сомнение: действительно ли Дорис испытывает то сильное огорчение, которое так необузданно выказывает. Дорис всегда любила преувеличивать свои душевные волнения. Китти пожалела, что не может заплакать; сестра сочтет ее бессердечной. Но она пережила слишком много горя, чтобы притворяться.

— Хочешь видеть отца? — спросила она, когда Дорис немного успокоилась.

Дорис вытерла глаза. Китти обратила внимание, что лицо Дорис немного припухло от беременности, а черное платье неловко сидело на пополневшей фигуре.

— Нет, я к нему не пойду. Я опять буду плакать. Бедный старик, как он мужественно переносит горе!

Китти оставила сестру и вернулась к отцу. Он стоял перед камином, аккуратно сложенная газета лежала на столе. Он хотел ей показать, что за чтение больше не принимался.

— Я к обеду не переодевался, — сказал он, — я считал, что сегодня можно обойтись без этого.

65.

Они сели обедать. Мистер Гарстинг рассказал Китти все подробности о болезни и смерти жены, показал, какое огромное количество писем с соболезнованиями он получил от друзей и знакомых, вздохнул при мысли, что на все эти письма надо отвечать, и подробно объяснил, какие он сделал

распоряжения для похорон. После обеда они вернулись в его кабинет, огонь был зажжен в камине, из всего дома только в этой комнате был огонь. Машинально он взял с камина трубку и начал ее набивать, но спохватился и, взглянув нерешительно на Китти, положил трубку на место.

— Разве вы не будете курить? — спросила она.

— Твоя мать не переносила запаха трубки после обеда, а сигары я бросил курить со времени войны.

Китти стало больно. Как печально, что шестидесятилетний старик не решается закурить в собственном кабинете, когда ему этого хочется.

— Я люблю запах трубки, — с улыбкой сказала она.

Он облегченно вздохнул, взял трубку и закурил. Они сидели друг против друга по обеим сторонам камина. Он понял, что пора поговорить с Китти об ее собственных горестях.

— Ты, конечно, получила письмо, что отправила тебе мать в Порт-Саид. Весть о смерти Вальтера нас обоих страшно поразила. Славный он был человек.

Китти не знала, что на это сказать.

— Твоя мать мне сказала, что у тебя будет ребенок.

— Да.

— Когда ты ждешь его?

— Месяца через четыре.

— Это будет для тебя большой радостью и утешением. Посмотри на мальчика Дорис, прелесть, какой мальчишка.

Они вели между собой разговор более сухо и безразлично, чем если бы были совершенно посторонними друг для друга... Знакомые, встретившись после долгой разлуки, интересуются тем, что произошло с каждым из них за это время. Им же

все было уже известно, а воспоминания о совместной жизни вносили холод в их отношения.

Китти слишком хорошо знала, что никогда ничего не сделала, чтобы заслужить любовь отца. В доме с ним не считались, на него смотрели, как на кормильца семьи, и даже немножко презирали за то, что он не может содержать их более роскошно. Она же считала, что он обязан ее любить уже за то, что она его дочь, и ее поразило, когда она убедилась, что в его сердце никаких нежных чувств к ней нет. Она знала, что всем им он очень надоед, но никогда не думала, что и они ему надоели.

Теперь он, как всегда, был любезен и даже ласков с ней, но с прискорбной пронизательностью, приобретенной ею ценой пережитых страданий, она видела, что, в сущности, он совсем не любит ее и не решается признаться в этом даже самому себе.

Трубка плохо курилась, и он встал, чтобы найти что-нибудь, чем расшевелить в ней табак. Может быть, это был только предлог, чтобы скрыть волнение.

— Мать хотела, чтобы ты прожила у нас до рождения ребенка и собиралась приготовить для тебя твою бывшую комнату.

— Я знаю. Я обещаю ничем не беспокоить вас.

— Не в том дело. При теперешних обстоятельствах ты не могла поступить иначе, как приехать к родителям. Дело в том, что мне предложили место Старшего Судьи в Багаме, и я это место принял.

— Папа, как я рада! От всего сердца поздравляю.

— Это предложение я получил слишком поздно,

чтобы иметь возможность сообщить об этом бедной маме, это бы ей доставило большую радость.

О, горькая ирония судьбы! После всех интриг и погони за карьерой, после всех унижений, миссис Гарстинг умерла в неведении, что ее мечты, хотя и в более скромной, чем она надеялась, форме, наконец, исполнились.

— Я собираюсь выехать в начале будущего месяца. Дом я, конечно, поручу поверенному сдать в наем и хочу продать всю мебель. Очень жаль, что тебе тут оставаться невозможно, но я тебе с удовольствием дам все, что захочешь из мебели, чтобы обставить твою квартиру.

Китти молча смотрела в горящий камин. Сердце ее билось; странно, как сильно она нервничает; сделав усилие, она заговорила, и голос ее дрожал.

— Не могу ли я уехать с вами, папа?

— Милая Китти, разве это возможно?

Ее лицо вдруг осунулось, и глаза приняли странное, растерянное выражение.

— Все твои друзья здесь, — продолжал он, — у тебя тут есть Дорис. Я думаю, тебе будет гораздо приятнее нанять квартиру и жить в Лондоне. Я не знаю, каковы твои средства, но я с удовольствием буду платить за твою квартиру.

— Я имею довольно, чтобы прожить не нуждаясь.

— Я еду в незнакомую местность и совсем не знаю тамошних условий жизни.

— Я привыкла к чужим краям. Лондон мне теперь не нужен, я тут задыхаюсь.

Он закрыл на минуту глаза; ей показалось, что он сейчас заплачет. Его лицо выражало полное отчаяние. Ей стало жаль его. Она была права; смерть жены являлась для него огромным облегчением, и возможность совершенно порвать связи

с прошлым сулила ему полную свободу. После долгих, мучительных годов ему представлялась возможность вступить в новую жизнь и найти в ней, наконец, покой и подобие счастья. Она догадывалась, как тяжело ему достались эти тридцать лет жизни. Он открыл глаза, но не мог сдержать вырвавшегося вздоха.

— Конечно, если ты хочешь ехать со мной, я буду очень рад.

Жалко было на него смотреть. Внутренняя борьба продолжалась в нем недолго, он покорился долгу. Этими немногими словами он разбивал все свои надежды и мечты. Она поднялась с кресла и, подойдя к нему, стала на колени и схватила его руку.

— Нет, папа, не надо. Я поеду с вами только, если вы сами этого пожелаете. Довольно вы жертвовали собой. Если вы хотите ехать один, то поезжайте. Не думайте обо мне.

Он высвободил руку и погладил ее по хорошенькой головке.

— Конечно, я хочу, чтобы ты была со мной, ведь я тебе отец, ты вдова, ты одинока, с моей стороны было бы очень некрасиво отказаться взять тебя к себе.

— В том-то и дело, что, как дочь, я ничего не хочу от вас требовать, и вы ничего не обязаны делать для меня.

— Милая моя девочка!

— Ничего! — с запальчивостью повторила она. — Мне больно, когда я вспоминаю, как мы вытягивали из вас соки и ничего вам взамен не давали, даже любви... Я знаю, что вы были очень несчастны. Дайте же мне возможность хоть немного вознаградить вас за прежнее отношение к вам.

Он нахмурился. Ему было неприятно видеть, как она волнуется.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать. Я никогда и прежде не мог пожаловаться на тебя.

— Папа, ведь я так много пережила, я была так несчастна. Я уже не та Китти, какую вы знали прежде. Я еще не совсем уверена в своих силах, но одно я знаю — я уже не та испорченная дрянь, какую была. Дайте мне возможность это доказать. У меня на свете нет никого, кроме вас. Я хочу попытаться добиться вашей любви. Ах, папа! Я так одинока, так несчастна, мне так нужна ваша любовь.

Она спрятала лицо в его коленях и неудержимо рыдала.

— О, Китти, моя Китти! — прошептал он.

Она подняла голову и обняла его шею руками.

— О, папа! Полюби меня, будем друг друга любить.

Он поцеловал ее в губы, как любовник, и щеки его оросились слезами.

— Конечно, мы уедем вместе.

— Вы этого хотите? Вы на самом деле этого хотите?

— Да.

— Я вам так благодарна!..

— Не говори таких вещей, мне это неприятно.

Он вынул платок и вытер глаза. Он улыбался, и такой улыбки она еще не видала у него на лице. Она снова обвила его шею руками.

— Папа, милый, ну и весело же мы вместе заживем.

— Ты кажется забыла, что скоро будешь матерью.

— Я рада, что она родится под ярким, синим небом, где слышен плеск морских волн.

— Разве ты уже решила, что это будет девочка? — тихо сказал он, улыбаясь своей обычной, сухой улыбкой.

— Я хочу иметь девочку, потому что хочу сделать так, чтобы она избежала ошибок, которые я наделала. Я ненавижу ту девушку, какою я была в юности, но я не могла быть иной. Я воспитаю свою дочь так, что она будет независимой и научится твердо стоять на собственных ногах. Я не намерена родить дочь, любить, растить ее для того только, чтобы какой-нибудь мужчина в нее влюбился и так сильно захотел спать с нею в одной постели, что согласился бы для этого кормить и содержать ее до конца ее дней.

Она видела, что отца покорило; он сам никогда не говорил таких слов, и его шокировало, когда он слышал их из уст дочери.

— Дайте мне хоть раз высказаться откровенно, папа. Я была безумна, скверна, отвратительна. За это я была жестоко наказана. Я решила спасти свою дочь от всего этого. Она должна быть отважна и смела. Я хочу, чтобы она ни от кого не зависела и была самостоятельна, сознавала собственную силу. Хочу, чтобы она вступила в жизнь свободным человеком и использовала ее лучше, чем я это сделала.

— Дорогая моя, ты говоришь так, будто тебе уже пятьдесят лет. У тебя вся жизнь впереди. Ты не должна падать духом.

Китти покачала головой и улыбнулась.

— Я и не унываю. Я полна надежд и мужества. С прошлым я покончила, пусть мертвые хоронят своих мертвых. Мое будущее неопределенно, я не знаю, что принесет мне жизнь, но, что бы она ни дала мне, я вступаю в нее с легким и бодрым сердцем. Я хочу узнать многое. Хочу читать, учиться. Я вижу впереди чудные забавы жизни: людей, музыку, танцы, вижу красоту жизни: море, пальмовые рощи, восходы и закаты солнца, звезд-

ные ночи. Все это еще мне не ясно, но я смутно различаю узор и вижу неисчерпаемые богатства, тайну и непостижимость, сострадание и милосердие, и в конце всего, быть может, — истину.
